

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2020. № 8(140)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2020
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кукина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPa

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 От главного редактора.** Государственное управление на постсоветском пространстве: дихотомия внешних и внутренних вызовов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10 ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Эколого-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации: к вопросу об эволюции системы внешних и внутренних вызовов

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 18 КАМИНЧЕНКО Д. И.**
Современное политическое участие онлайн vs офлайн: новые возможности — прежняя активность?
- 36 АНТОНЧЕВА О. А., АПАНАСЕНКО Т. Е.**
Контент-анализ как способ выявления геополитической ориентации субъектов международных отношений (на примере гражданской войны в Йемене)
- 45 АМУРОВ М. А.**
Рефлексивное управление как основа обеспечения военной безопасности современного государства
- 55 КОРОСТЕЛЁВ С. В.**
Проблема классификации объектов применения силы в информационных конфликтах
- 67 РЕДЬКИНА А. И., ШЕВЧЕНКО О. А., ВОРОНЦОВ Д. И.**
Обеспечение защиты прав человека в контексте противодействия генному допингу

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 78 ХАЛИН В. Г., ЧЕРНОВА Г. В.**
Цифровизация и ее влияние на современную экономическую конвергенцию — методологический аспект
- 88 ГРИБАНОВ Ю. И., РУДЕНКО М. Н., АЛЕНИНА К. А.**
Современные подходы к формированию цифровой инфраструктуры
- 99 КОНЯГИНА М. Н., МЕУРМИШВИЛИ И. Р., ДОЧКИНА А. А.**
Оценка влияния ключевой ставки Банка России на депозитную политику коммерческих банков
- 112 АСТАПОВ К. Л., ЮИФАН ЛИУ**
Реализация стратегий построения платформ финансовыми компаниями в Китае и России
- 123 БЕЛОВ В. И.**
Производительность труда как инструмент повышения экономического роста и социального благополучия граждан России

- 132 КОТОВ А. В.**
Проектное управление в реализации долгосрочных межрегиональных инициатив
- 145 ДЕНИСЕНКО В. А., МАЛЬЧУШКИН Н. А.**
Политико-экономическое сотрудничество России и Словацкой Республики: возможные сценарии развития
- 157 ВАРТАНОВ С. А.**
Экономическая теория рекламы: направления формирования

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 175 КАШИНА М. А.**
Модернизация семьи в России и Китае: роль государства

A LINEA

- 191 КУЦЕНКО Д. О.**
Трансформационное лидерство и партисипативность государственного и муниципального управления: анализ современных тенденций

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 201 ЗАДОРЖНАЯ Г. В.**
Рецензия на монографию «Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана»

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor.** Public Administration in the Post-Soviet Space: Dichotomy of External and Internal Challenges

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10 VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Environmental and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation: on the Evolution of the System of External and Internal Challenges

POLICY AND LAWFUL STATE

- 18 DMITRIY I. KAMINCHENKO**
Modern Political Participation Online vs Offline: New Opportunities — Previous Activity?
- 36 OLGA A. ANTONCHEVA, TATIANA E. APANASENKO**
Content Analysis as a Way to Identify the Geopolitical Orientation of Subjects of International Relations (Using the Example of the Civil War in Yemen)
- 45 MARK A. AMUROV**
Reflexive Governance as the Basis for Military Security in a Modern State
- 55 STANISLAV V. KOROSTELEV**
The Problem of Classification of Targets in Informational Conflicts
- 67 ALENA I. REDKINA, OLGA A. SHEVCHENKO, DMITRIY I. VORONTSOV**
Protection of Human Rights in the Context of Fight against Gene Doping

POWER AND ECONOMY

- 78 VLADIMIR G. KHALIN, GALINA V. CHERNOVA**
Digitalization and Its Impact on Modern Economic Convergence — Methodological Aspect
- 88 YURI I. GRIBANOV, MARINA N. RUDENKO, KARINA A. ALENINA**
Modern Approaches to Formation of Digital Infrastructure
- 99 MARIA N. KONYAGINA, INGA R. MEURMISHVILI, ANNA A. DOCHKINA**
Evaluation of the Impact of the Bank of Russia Key Rate on the Commercial Banks' Deposit Policy
- 112 KIRILL L. ASTAPOV, YIFAN LIU**
Implementation of Platforms' Strategy by Financial Companies in China and Russia
- 123 VALERY I. BELOV**
Labor Productivity as a Tool for Increasing Economic Growth and Social Well-Being of Russian Citizens
- 132 ALEXANDER V. KOTOV**
Project Management in the Implementation of Long-term Interregional Initiatives

- 145 VIKTORIA A. DENISENKO, NIKOLAY A. MALCHUSHKIN**
Political and Economic Cooperation between Russia and the Slovak Republic:
Possible Development Scenarios

- 157 SERGEY A. VARTANOV**
The Economic Theory of Advertising: The Directions of Formation

SOCIETY AND REFORMS

- 175 MARINA A. KASHINA**
Modernization of Family in Russia and China: the Role of the Government

A LINEA

- 191 DARIYA O. KUTSENKO**
Transformational Leadership as a Source of Participatory Governance

SCIENTIFIC LIFE

- 201 GALINA V. ZADOROZHNYAYA**
Review of the Monograph «Methodological Foundations
for Strategizing the Social-Economic Development of Uzbekistan»

Государственное управление на постсоветском пространстве: дихотомия внешних и внутренних вызовов

**Public Administration in the Post-Soviet Space:
Dichotomy of External and Internal Challenges**

Государственное управление, часто именуемое наукой, в известной степени ближе к искусству. Критерий совершенства управления вообще, безотносительно к государственному управлению, — это эффективность. В общих чертах эффективность понимается как достижение формальных целей заранее определенными методами и в установленные конкретные сроки. Однако на государственном уровне все не так просто. Цели постоянно меняются, методы эволюционируют, а сроки скачут в обе стороны.

Тем не менее не только академический подход, но и общественное мнение может делать общие выводы об эффективности государственного управления в той или иной стране. *Vox rópuli vox Déi*, но как часто власть об этом забывает. Более того, иногда власть действует так, что у постороннего наблюдателя складывается ощущение намеренного алогизма.

В этом случае, конечно, говорить о науке и искусстве не приходится. Практика, безусловно, критерий истины, но движение к этой истине очень часто оказывается непростым. Вероятно, экс-президент Украины Янукович много интересного и важного мог бы сказать своему действующему белорусскому коллеге. Поделиться оценкой своих ошибок, подсказать, что и как надо было сделать на том или ином этапе. Однако не столько по высоким научным, сколько по чисто человеческим причинам такой разговор невозможен.

Основная проблема белорусской власти лежит не в экономической сфере. Так называемая «белорусская модель» ничем не хуже множества национальных практик. В консервативном сценарии и при определенной опоре на российские ресурсы она могла бы просуществовать очень и очень долго.

Суперпрезидентская республика — это тоже само по себе не проблема, равно как и долгая несменяемость лидера. Проблема в другом — в предельно слабых механизмах обратной связи. На определенном этапе власть в Беларуси сама себе ограничила каналы связи с народом. Это было сделано исходя из тактических задач, и эти задачи были решены. Однако в стратегическом плане, с точки зрения

общей управленческой эффективности, белорусские власти сами себе создали системные риски. Очень маленький джин национализма вылез из очень маленькой бутылки, медленно рос и на определенном этапе решил не «строить город, а разрушить дворец». Нашлись и новые хозяева для джина в Варшаве и Вильнюсе. Однако главная проблема Беларуси — это не внешнее давление, а недостаточная управленческая эффективность.

И последнее. Независимо от того, как будут развиваться события в Республике Беларусь, серьезнейшие выводы делать надо нам в России. У Беларуси за спиной есть Россия, у России нет никого за спиной.

На сегодняшний день у нас есть возможность за очень дорогую цену учиться на ошибках ближайших друзей и соседей. Это тяжелый, даже тяжкий опыт, но из него надо сделать соответствующие выводы не для белорусской системы государственного управления, а для своей, российской.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Эколого-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации: к вопросу об эволюции системы внешних и внутренних вызовов*

Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.^{2, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены вопросы внешнеполитических рисков, связанных с экологическими проблемами в Российской Арктике. Показано, что на рубеже 2019 года сформировалась новая система внешних вызовов российского освоения Арктики. Десуверенизация будет продвигаться через экологические требования. Нужна адекватная система российского реагирования на указанные риски. При этом повышенное внимание к экологическим аспектам хозяйственной деятельности позволит парировать попытки перехвата управления.

Ключевые слова: Арктическая зона России, устойчивое эколого-экономическое развитие региона, экологические риски, антропогенное воздействие, США, Европа, внешние факторы

Для цитирования: Шамахов В. А., Межевич Н. М. Эколого-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации: к вопросу об эволюции системы внешних и внутренних вызовов // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 10–17.

Environmental and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation: on the Evolution of the System of External and Internal Challenges

Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich^{2, *}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Sciences; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The article addresses the issues of foreign policy risks related to environmental problems in the Russian Arctic. It is shown that at the turn of 2019 a new system of external challenges to the Russian development of the Arctic was formed. Desuverenization will progress through environmental requirements. An adequate system of Russian response to these risks is needed. At the same time, increased attention to the environmental aspects of economic activity will prevent attempts to intercept management.

Keywords: Arctic zone of Russia, sustainable ecological-economic development of the region, environmental risks, anthropogenic impact, USA, Europe, external factors

For citing: Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Environmental and Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation: on the Evolution of the System of External and Internal Challenges // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 10–17.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-70005 «Развитие методов оценки и повышения энергоэффективности экономики Арктической зоны Российской Федерации на основе экономико-математического моделирования».

Арктический регион занимает уникальное географическое местоположение в мире, в рамках которого присутствующие там прибрежные государства Северного Ледовитого океана и другие северные страны формируют региональную систему международных отношений, которая существует по определенным сформировавшимся законам и правилам. Немаловажное значение относительно развития региональной системы Арктического региона играет транспортный потенциал Арктики. Совершенствование инфраструктурной составляющей определяет эффективность не только разведывательных работ, проводимых на Арктическом шельфе, но также и развития торговой деятельности, установления международных контактов и пр.

Традиционное определение Арктики звучит так: «Арктика — это северная околополюсная область земного шара, включающая Северный Ледовитый океан с входящими в его состав морями и островами, а также окружающие его окраины материков Евразии и Северной Америки» [6, с. 9]. В принципе уже и в этом определении видны предпосылки для глубокого изучения экологических аспектов природной среды и экономических условий развития региона.

Прежде чем перейти к рассмотрению собственно экологических аспектов регионального развития, укажем на то, что в отличие от 1950-х — 1980-х гг. освоение Арктики не может осуществляться без учета внешнего контекста [9, с. 8–9].

На первом этапе нам важен международный аспект проблемы, фактор интернационализации. Этот момент стал предметом обсуждения относительно недавно. В 1988 г. была опубликована работа Г.А. Аграната «Освоение Севера: мировой опыт» [1]. Автор писал, что в XX в. освоение Арктики стало проблемой, которая приобретает крупное международное значение; ареалом заинтересовались США (особенно с 1984 г.), Канада, Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, позднее — СССР. «Заметные шаги в области международного сотрудничества» он относит ко времени, последовавшему за инициативами советского правительства в 1987 г. («Мурманские инициативы»).

Мурманские инициативы М.С. Горбачева вывели вопрос о международном сотрудничестве городов и поселков городского типа арктической зоны в практическую плоскость. Своим заявлением руководитель СССР предвосхитил международное внимание к проблемам сотрудничества в Арктике. С другой стороны, исторически именно «через Север были установлены торговые связи с Западной Европой, после того как в 1556 г. в устье Северной Двины вошли английские корабли Р. Ченслера. Близ устья Северной Двины стоял город-порт Холмогоры, преемником которого стал основанный в 1584 г. Архангельск»¹. Таким образом, для России первое «окно в Европу» это не Атлантика, а именно Северный Ледовитый океан.

Основные тенденции глобального развития свидетельствуют о возрастании внимания к Арктике в мире в целом, а не только в России. Традиционных объяснений этому как минимум три.

Во-первых, в сфере мировой политики общая хаотизация международных отношений заставляет «вводить в игру» новые политические и экономические пространства. В сфере экономики традиционные транспортные пути сталкиваются с конкуренцией новых действующих и потенциальных маршрутов. Новые маршруты могут быть не обязательно экономически выгодны, но они расширяют палитру транспортных возможностей.

Во-вторых, углубляется противостояние ведущих держав, которые готовы решать свои споры по всему Мировому океану, в том числе и в российском секторе Арктики.

В-третьих, общий характер мирового экономического развития определяется, в том числе, и новыми самоограничениями в экологической сфере [21].

¹ Формирование сети российских городов до 1917 г. [Электронный ресурс]. URL: https://vuzlit.ru/1072805/formirovanie_seti_rossijskih_gorodov_1917.

Нестабильность на Западе и Востоке и вызовы американской внешней политики преследуют достижение большого множества задач, но нам в рамках данной статьи интересна одна — направленность деятельности «коллективного Запада» на свертывание любых российских планов хозяйственного освоения (в том числе разработку углеводородов в Арктике), а значит, и экономической базы нового инновационного освоения Арктики.

В настоящее время интерес к Арктике проявляют все государства, которые имеют выход к побережью Северного Ледовитого океана или территории в арктической зоне. О своих интересах в Арктике заявляют Япония и Китай. Это связано в первую очередь с мало изученным и тем более слабо освоенным ресурсным потенциалом региона. Речь идет как о морской, так и сухопутной части региона [17].

Важно отметить, что часть государств арктического пояса имеют друг к другу территориальные претензии и спорят за те или иные территории. Кроме того, ряд государств (Россия, США, Канада, Дания и Норвегия) проявляют особый интерес к увеличению подконтрольного им арктического пространства [14]. В апреле 2019 г. Служба береговой охраны США представила свой «Арктический стратегический прогноз», направленный на обеспечение лидерства Америки в регионе при активном развитии и поощрении форм партнерства, объединении усилий и обеспечении процесса постоянных инноваций во всех сферах деятельности человека в данном регионе [20, с. 8].

Арктические стратегии и родственные документы, формируемые США, Канадой, Данией, Норвегией, Финляндией, Швецией, Китаем, Японией, содержат важную геополитическую и геоэкономическую информацию, необходимую для выработки оптимальной инновационной стратегии развития Российской Арктики. Арктические амбиции проявляет и Великобритания [7]. Весьма активна на этом направлении Норвегия. Еще «в начале 2009 г. в Осло прошла встреча министров иностранных дел стран НАТО, на которой Норвегия говорила о целесообразности формирования военных сил, чтобы обеспечивать безопасность арктического региона и участвовать в миротворческих операциях, осуществлять совместное патрулирование морских границ и воздушного пространства над Исландией» [3, с. 33].

При этом наибольшую опасность представляют скоординированные планы НАТО в арктической зоне. Неофициальная точка зрения НАТО, выраженная тем не менее на сайте организации, такова: «...противоборствующая политика великих держав, прежде всего России и США, стала в большей мере проявляться в Арктике, поскольку обе страны понимают растущее центральное значение региона для их стратегических интересов. Второй фактор — более пристальное внимание к вопросам Арктики со стороны неарктических стран, особенно в связи с тем, что на Крайнем Севере приветствуется расширение экономической деятельности» [11].

Закономерен вопрос о том, что нового содержится в информации о планах развёртывания НАТО в арктической зоне. Ответ может быть только один — ничего [19, с. 10]. Новым элементом является использование экологической проблематики как повода для военно-политического противостояния. Формально процесс начался при предшествовавшем президенте США: «...новшество в интерпретации Б. Обамы интересов США в Арктике состояло в пристальном внимании к вопросам “мягкой безопасности”: угроза техногенных и природных катастроф, последствия изменения климата, защита окружающей среды от последствий экономической деятельности, энергетическая безопасность...» [8, с. 106].

Таким образом, реально имеющиеся экологические проблемы становятся поводом для организации вмешательства во внутренние дела суверенных стран. В нашем случае — России. Приведем пример. В Арктическом регионе Greenpeace выступает как один из инструментов мягкой силы. Вспомним события августа 2012 г. и сентября 2013 г., когда платформа Приразломная стала объектом дав-

ления данной организации на «Газпром». Надо сказать, что по многим вопросам позицию Greenpeace поддерживают не только общественные настроения, но и бизнес-компании. В какой-то степени общественное мнение может быть выражено позицией С.А. Медведева, профессора Высшей школы экономики, который поддерживает идею создания всемирного природного парка с запретом ведения хозяйственной деятельности, разработки ресурсов и размещения военной техники: «По-хорошему, у России, как у не справившегося и безответственного хозяина, Арктику надо отобрать и передать под международную юрисдикцию подобно Антарктиде с полным запретом на хозяйственную и военную деятельность» [12, с. 12].

* * *

Арктика представляет собой не только регион обеспечения национальных интересов присутствующих там стран, но также является еще одной платформой для установления международных контактов и внешнеполитического влияния. Как одна из прибрежных стран Северного Ледовитого океана, Российская Федерация имеет свои Арктические внутренние морские воды, территориальное море (12 морских миль), прилежащую зону (24 мили), исключительную экономическую зону (200 миль) и континентальный шельф (200 миль, с возможностью расширения до 350). В общей сложности российские границы в Арктике занимают почти половину арктического побережья, что, в свою очередь, открывает доступ к огромным экономическим перспективам.

Развитие России как политический и экономический императив требует сохранения Арктики не просто в составе территории (акватории), но и в качестве экономически активного пространства [20]. Арктика в цивилизационном развитии России является фактором, определяющим как политику, так и экономику страны. В принципе по данному вопросу существует единое мнение в экспертном и научном сообществе. Причем это мнение сформировалось и укрепилось достаточно давно, в условиях, когда экономических условий для освоения Северного морского пути не было [4; 22]. Однако характер данного влияния оценивается по-разному.

Проблема освоения Севера тесно связана с глобальной проблемой природных ресурсов, которая имеет общемировое значение и в последнее время сильно обострилась. Ее возникновение и обострение обусловлены вполне объективными причинами — повышением потребностей общественного производства, а также углублением несоответствия между территориальным размещением природных ресурсов, населения и промышленного производства. Значение Севера усугубляется тем, что, обладая огромными сырьевыми и топливно-энергетическими ресурсами, он является одним из самых крупных территориальных экологических резервов планеты. Поэтому северные районы оказались узлом, сосредоточением глобальных важнейших проблем — экологической, топливно-энергетической, сырьевой. По крайней мере, можно сказать, что на северном территориальном «полигоне» испытываются пути решения этих проблем [2, с. 3].

Принципиально важным является не только то, что Россия — крупнейшая из арктических стран — своими жизненными интересами и своей историей тесно связана с Севером, с Арктикой. Поэтому интерес в России к этим общим вопросам естественен. Арктика и ранее имела большое значение для нашей страны, а сейчас оно все больше увеличивается. Профилирующее значение для экономики арктического региона и всей России имеет освоение нефтегазовых и некоторых других природных ресурсов. Эта деятельность имеет значимые экологические последствия, которые долгое время не принимались во внимание. Очень важно отметить то, что не только СССР, но и другие страны долгое время акцентировали внимание на экономических достижениях, высоко оценивая свои успехи, а в ряде случаев и успе-

хи соседей. Посетивший Норильск в 1971 г. премьер-министр Канады П. Трюдо признал: «То, чего вы достигли здесь в труднейших географических и климатических условиях на вечной мерзлоте, несомненно, представляет собой одно из современных чудес света, которое может послужить примером организации жизни в Арктике для всех других стран» [5, с. 273]. Однако последующий период экономического развития привел к иным результатам: «богатое советское наследие сейчас, по сути, как чемодан без ручки: выбросить жалко, а как максимально эффективно использовать то, что есть — непонятно» [15]. В этом контексте важно то, что более поздний международный опыт хозяйственного освоения арктических территорий («Долина Маккензи» (Канада), нефтегазовая провинция «Северный Склон» и Прадхо-Бей (США), Северо-Западная Норвегия, Гренландская юго-западная группа алюминиевых производств (Дания)) уже был экологически ориентирован. Ключевые ограничения в экологической сфере относятся не только к России: «Специфические особенности арктической окружающей среды служат индикаторами глобальных экологических воздействий, таких как изменение климата и трансграничный перенос загрязнителей на большие расстояния» [13, с. 98]. Но именно для России экологические проблемы используются для политического давления. В современном международном праве существуют возможности для различного толкования одних норм права [16, с. 79].

С учетом хрупкой экосистемы Арктики и активной деятельности экологических организаций, нефтегазодобывающим компаниям необходимо доказывать свою компетентность в области обеспечения безопасности Арктического региона, поскольку любая экономическая деятельность в Арктике требует высоких мер безопасности во избежание экологических катастроф [10]. Мощный и уникальный ресурсный потенциал Арктики позволяет предположить, что рациональное природопользование и инфраструктурное обустройство позволят региону стать локомотивом развития российской экономики. При этом критическую важность приобретают вопросы сохранения экологии и экологически ориентированных форм хозяйствования. Для этого необходимо применение эколого-экономического междисциплинарного подхода, предполагающего включение в состав ресурсного потенциала региона категорий «экологическая емкость территории (ландшафта)», «потенциал устойчивости ландшафта», а также использование методики моделирования ресурсных циклов для целей оптимизации отраслевой структуры производства и формирования региональной системы экологизации хозяйственной деятельности [18].

Подведем итоги. Эффективное решение экономических задач, связанных с освоением и эксплуатацией богатейших арктических ресурсов, невозможно без обеспечения устойчивого социально-экономического развития Арктических регионов, формирования пространственного каркаса, развития транспортной и инженерной инфраструктуры, коммуникаций и связи. Жизнеспособная, способная адаптироваться к внешним вызовам экономика арктических регионов — необходимое условие для устойчивого и поступательного процесса реализации потенциала арктических ресурсов и обеспечения государственных интересов в области национальной безопасности. Учитывая растущий международный интерес к арктическому региону и уровень инвестиционной активности, можно констатировать, что процессы международного и межрегионального сотрудничества в сфере освоения арктических ресурсов сегодня не имеют альтернатив.

Текущие практики использования экологического фактора во внешнеполитических и внешнеэкономических целях могут уменьшить скорость и качество российского освоения Арктики.

Рассматривая экологический фактор в системе внешних и внутренних вызовов развития Российской Арктики, опасно уклониться в любое крайнее положение. С одной стороны, ошибкой является недооценка внешних воздействий, ориенти-

рованных на причинение России ущерба через ограничения ее экономических возможностей в Арктике. С другой стороны, серьезные происшествия экологического характера в арктической зоне в 2020 г. свидетельствуют о том, что в условиях рыночной экономики мы пока не осуществляем достаточно эффективного экологического контроля. Выход из этой ситуации очевиден, но прост лишь на теоретическом уровне. Или мы возьмем экологическую ситуацию в Арктическом регионе под контроль, или ее возьмут под контроль у нас. Таков императив в данном вопросе.

Литература

1. Агранат Г. А. Освоение севера: мировой опыт // Итоги науки и техники. ВИНТИ АН СССР. Т. 15. М., 1988.
2. Агранат Г. А. Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера. М. : Наука, 1984.
3. Антюшина Н. М. Арктика: новый формат международного сотрудничества. М. : Ин-т Европы РАН, 2014. 138 с. (Доклады Института Европы / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 307).
4. Гранберг А. Г. Использование Северного морского пути: тенденции и перспективы // Российский экономический журнал. 1997. № 5/6. С. 29–38; № 7. С. 24–32.
5. Данилов С. Ю., Черкасов А. И. Двенадцать лиц Канады. М. : Мысль, 1987.
6. Додин Д. А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб. : Наука, 2005.
7. Еремина Н. В., Межевич Н. М. Стратегия Британии в Арктике: виденье 2018–2019 гг. // Современная Европа. 2020. № 1 (94). С. 25–37.
8. Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 103–111.
9. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Шесть тезисов о российской Арктике с позиций современных международных экономических отношений // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения–2018. Материалы IX международной научно-практической конференции / под общ. ред. Р. В. Бадылевича, Л. О. Залкинд. Апатиты, 2018. С. 8–9.
10. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А. Освоение Арктики: как избежать потери качества при выигрыше темпа? // Управленческое консультирование. 2019. № 1. С. 20–28.
11. Лантень М. Меняющаяся система безопасности Арктики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2019/06/28/menyayushchayasya-sistema-bezopasnosti-arktiki/index.html> (дата обращения: 11.06.2020).
12. Лукин Ю. Ф. Виртуальная реальность мягкой силы в Арктике // Арктика и Север. 2014. № 14. С. 158–183.
13. Мазур И. И. Арктика — точка бифуркации в развитии глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2 (6). С. 93–104.
14. Межевич Н. М., Куденкова А. В. Некоторые внешнеполитические предпосылки развития российского бизнеса в арктическом регионе // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2015. № 3. С. 22–30.
15. Тулупов Д. Арктический транзит [Электронный ресурс]. URL: http://www.baltpp.ru/a/2013/12/18/Arkticheskij_tranzit/ (дата обращения: 28.07.2020).
16. Шамахов В. А. Особенности современного международно-правового режима Арктики // Российская Арктика — территория права : альманах. Вып. II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / отв. ред. В. П. Емельянцева, Е. А. Галиновская. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИД «Юриспруденция», 2015.
17. Шамахов В. А., Ивченко Б. П. Обеспечение национальной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019.
18. Шамахов В. А., Исаев А. П., Яновский В. В. Кристические факторы окружающей среды в стратегии развития арктической зоны // Управленческое консультирование. 2018. № 3. С. 28–40.
19. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Россия в Арктике: на пересечении внешних и внутренних угроз // Управленческое консультирование. 2019. № 8. С. 10–18.

20. *Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками* : монография / под науч. ред. В. А. Крюкова, Т. П. Скуфьиной, Е. А. Корчак. Апатиты : ФИЦ КНЦ РАН, 2020.
21. *Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство*. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 504 с.
22. *Bandman M. K., Vorobieva V. V., Yesikova T. N., Ionova V. D., Robinson B. V.* Yenisei — Northern Sea Route: cargo generating potential of Angaro-Yenisei region. Novosibirsk : IEIE SD RAS, 1998.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Agranat G. A. Development of the north: world experience // Results of science and technology [Itogi nauki i tekhniki]. VINITI Academy of Sciences of the USSR. V. 15. M., 1988. (In rus)
2. Agranat G. A. Use of resources and development of the territory of the Foreign North. M. : Science, 1984. (In rus)
3. Antyushina N. M. Arctic: a new format of international cooperation. M. : Institute of Europe RAS, 2014. 138 p. (Reports of the Institute of Europe / Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; No. 307). (In rus)
4. Granberg A. G. Using the Northern Sea Route: Trends and Prospects // Russian Economic Journal [Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal]. 1997. No. 5/6. P. 29–38; No. 7. P. 24–32. (In rus)
5. Danilov S. Yu., Cherkasov A. I. Twelve faces of Canada. M. : Thought, 1987. (In rus)
6. Dodin D. A. Sustainable development of the Arctic (problems and prospects). St. Petersburg : Science, 2005. (In rus)
7. Eremina N. V., Mezhevich N. M. Strategy of Britain in the Arctic: vision 2018–2019 // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2020. No. 1 (94). P. 25–37. (In rus)
8. Konyshv V. N., Sergunin A. A. Russian-American relations in the Arctic: cooperation or rivalry ? // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2018. V. 62. No. 9. P. 103–111. (In rus)
9. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M. Six theses on the Russian Arctic from the perspective of modern international economic relations // North and Arctic in the new paradigm of world development. Luzin readings-2018. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference / under the general. ed. of R. V. Badylevich, L. O. Zalkind. Apatites, 2018. P. 8–9. (In rus)
10. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. Development of the Arctic: how to avoid loss of quality when winning pace? // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. No. 1. P. 20–28. (In rus)
11. Lanteigne M. A changing Arctic security system [Electronic resource]. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2019/06/28/menyayushchayasya-sistema-bezopasnosti-arktiki/index.html> (date of address: 11.06.2020). (In rus)
12. Lukin Yu. F. Virtual reality of soft power in the Arctic // Arctic and North [Arktika i Sever]. 2014. No. 14. P. 158–183. (In rus)
13. Mazur I. I. Arctic — a point of bifurcation in the development of the global world // Age of globalization [Vek globalizatsii]. 2010. No. 2 (6). P. 93–104. (In rus)
14. Mezhevich N. M., Kudenkova A. V. Some foreign policy prerequisites for the development of Russian business in the Arctic region // North and the market: the formation of an economic order [Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka]. 2015. No. 3. P. 22–30. (In rus)
15. Tulupov D. Arctic transit [Electronic resource]. URL: http://www.baltpp.ru/a/2013/12/18/Arkticheskij_transit/ (date of address: 28.07.2020) (In rus)
16. Shamakhov V. A. Features of the modern international legal regime of the Arctic // Russian Arctic — territory of law: almanac. Issue II. Conservation and sustainable development of the

Arctic: legal aspects / ex. ed. V.P. Emelyantsev, E.A. Galinovskaya. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing house "Jurisprudence", 2015. (In rus)

17. Shamakhov V.A., Ivchenko B.P. Ensuring national security in the Arctic zone of the Russian Federation. St. Petersburg : NWIM of RANEPa, 2019. (In rus)
18. Shamakhov V.A., Isaev A.P., Yanovsky V.V. Critical environmental factors in the development strategy of the Arctic zone // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. No. 3. P. 28–40. (In rus)
19. Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Russia in the Arctic: at the intersection of external and internal threats // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. No. 8. P. 10–18. (In rus)
20. Economics of the modern Arctic: the basis of success is effective interaction and integrated risk management: monograph /ed. by V.A. Kryukov, T.P. Skufina, E.A. Korchak. Apatites : KSC RAS, 2020. (In rus)
21. Etkind A. The nature of evil. Raw materials and the state. M. : New literary review, 2020. 504 p. (In rus)
22. Bandman M.K., Vorobieva V.V., Yesikova T.N., Ionova V. D., Robinson B.V. Yenisei — Northern Sea Route: cargo generating potential of Angaro-Yenisei region. Novosibirsk : IEIE SD RAS, 1998.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhova@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Center for Belarusian Studies of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Современное политическое участие онлайн vs офлайн: новые возможности — прежняя активность?

Каминченко Д. И.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; dmitkam@inbox.ru

РЕФЕРАТ

Работа посвящена изучению особенностей политического участия в условиях современного информационного общества. В условиях стремительной цифровизации политического пространства особую актуальность приобретает анализ существующих и возникающих форм политического участия.

Цель данной работы состоит в том, чтобы изучить воздействие внутренних установок индивида на его готовность к участию в общественно значимых мероприятиях как в онлайн, так и в офлайн форматах. Влияние внутренних установок индивидов рассматривается в работе сквозь призму двух факторов: восприятие социальных медиа как основного канала для выражения гражданских интересов (фактор восприятия) и отношение людей к идее о возможности появления в пространстве социальных медиа единого политического лидера (фактор лидерства).

В качестве основного прикладного метода исследования выбран опрос среди студенческой молодежи, так как студенческая молодежь является активным пользователем современных социальных медиа.

Результаты опроса показывают, что почти половина активных пользователей социальных медиа готовы участвовать в общественных процессах как онлайн, так и офлайн. Кроме того, подавляющее большинство участников опроса воспринимают интернет-платформы современных социальных медиа как основной канал и механизм выражения гражданской активности. Опрос также показал, что половина активных пользователей отрицают возможность появления в пространстве социальных медиа единого политического лидера (хотя велика доля и тех, кто, наоборот, согласен с этой идеей — более трети всех респондентов). Перекрестный анализ данных опроса подтвердил обозначенное в работе предположение, согласно которому восприятие индивидами социальных медиа как коммуникативного канала, эффективного для целей гражданского участия, способствует формированию у них готовности к участию в общественно значимых мероприятиях онлайн. Вместе с тем, изучение воздействия фактора лидерства на появление у индивидов готовности к разным формам политического участия не сформировало однозначного мнения о характере этого воздействия и требует дальнейшего изучения. Данное исследование демонстрирует, что активность в социальных медиа отнюдь не способствует общественно-политической пассивности их пользователей.

Ключевые слова: политическое участие, гражданская активность, социальные медиа, интернет, онлайн, офлайн

Для цитирования: Каминченко Д. И. Современное политическое участие онлайн vs офлайн: новые возможности — прежняя активность? // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 18–35.

Modern Political Participation Online vs Offline: New Opportunities — Previous Activity?

Dmitriy I. Kaminchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation; dmitkam@inbox.ru

ABSTRACT

The paper is devoted to the study of the features of political participation in the modern information society. In the context of the rapid digitalization of the political space, the analysis of existing and emerging forms of political participation is of particular relevance.

The aim of the paper is to study the impact of an individual's internal attitudes on his/her willingness to participate in socially significant events, both online and offline. The influence of internal attitudes of individuals is considered in the paper through the prism of two factors: the perception of social media as the main channel for the expression of civic interests (perception factor) and people's attitude to the idea of the possibility of a single political leader appearing in social media space (leadership factor).

Poll among students was chosen as the main applied research method, since students are an active users of modern social media.

The poll results show that almost half of active users of social media are ready to participate in social processes both online and offline. In addition, the vast majority of respondents perceive the Internet platforms of modern social media as the main channel and mechanism for expressing civic activity. The poll results also showed that half of active users deny the possibility of a single political leader appearing in the social media space (although there is a large proportion of those who, on the contrary, agree with this idea — more than a third of all respondents). Cross-analysis of the poll data confirmed the assumption indicated in the work, according to which the individuals perception of social media as a communicative channel effective for the purpose of civic participation, contributes to their readiness to participate in socially significant events online. At the same time, the study of the impact of the leadership factor on individuals' readiness for various forms of political participation did not form an unambiguous opinion on the nature of this impact and requires further study. This study demonstrates that activity in social media does not contribute to the socio-political passivity of their users.

Keywords: political participation, civic engagement, social media, Internet, online, offline

For citing: Kaminchenko D. I. Modern Political Participation Online vs Offline: New Opportunities — Previous Activity? // Administrative consulting. 2020. N 8. P. 18–35.

Введение

Современные информационно-коммуникационные технологии существенно изменяют условия функционирования сложившихся политических институтов. В условиях информационного общества институты оказываются погруженными в сетевое пространство, которому присущи определенные правила и поведенческие паттерны, воздействующие на институциональное функционирование. Практика электронных петиций и интернет-голосования, процедуры обсуждения в Сети законодательных проектов и инициатив, а также новые формы участия индивида в политике (например, политический флэшмоб) свидетельствуют о серьезных изменениях в диалоге общества и государства. Под влиянием цифровых технологий происходит трансформация существующих моделей этого диалога в сторону повышения степени его открытости и прозрачности.

Необходимо отметить, что в современной науке существуют разные позиции по вопросам, связанным с последствиями цифровизации политического участия. Одни ученые убеждены, что интернет делает возможным в режиме реального времени более широкое и активное участие граждан и политиков [16, с. 26], создавая в том числе и новые формы политического участия [5, с. 119]. В свою очередь другие ученые обращают внимание на такое явление, как слактивизм. Согласно данной концептуальной позиции, участие онлайн способствует усилению политической пассивности индивида, в отличие от реального, офлайн-формата политического участия [23]. Подобные дискуссии актуализируют сразу несколько вопросов. Во-первых, вызывает интерес вопрос о том, способствуют ли интернет-технологии реальной политической активизации граждан, либо активность онлайн не перерас-

тает в политическое участие офлайн. Возможно, интернет-платформы вовлекают в политическую активность только тех граждан, кто и при отсутствии данных платформ был готов принимать участие в политическом процессе. Важно осознать, увеличивают ли цифровые технологии число политически активных граждан или нет, после чего можно делать заключения о характере и последствиях влияния современных цифровых платформ на политическое участие. В этой связи, формулировать выводы о том, что интернет способствует увеличению демократического участия (и как результат — укреплению демократии как таковой), еще рано [9, с. 43–44].

Во-вторых, актуализируется вопрос о поиске грани, разделяющей онлайн и офлайн участие. Информация о политическом событии, происходящем офлайн, может мгновенно распространиться в сетевом коммуникативном пространстве, вызвать активное обсуждение и приобрести тем самым новые смыслы и дальнейшее развитие. Вместе с тем, одно сообщение (в текстовом, видео или ином формате), появившееся в дискурсивном поле социальных медиа, способно вызвать моментальную общественную реакцию и, в результате — реальные действия органов государственной власти и политических акторов. В-третьих, по-прежнему, актуален вопрос о возможности появления в коммуникативном пространстве интернета лидеров, способных объединять и выражать интересы большого числа граждан и успешно конкурировать в рамках политических процессов офлайн.

Данная работа посвящена изучению такой актуальной научной проблемы, как трансформация отношения индивидов к общественному и политическому участию в условиях современного информационного общества. Как уже отмечалось, благодаря развитию современных информационно-коммуникационных технологий у общества и власти появляются новые возможности для организации и осуществления взаимного диалога. При этом появляются и определенные коммуникативные риски, связанные, например, с возможными манипулятивными воздействиями со стороны политических субъектов. В этих условиях крайне актуальным выглядит изучение отношения индивидов в современном обществе как к самой идее общественного и политического участия в целом, так и к отдельным партиципаторным практикам, в частности. Наша работа посвящена изучению одного из аспектов обозначенной научной проблемы. Цель работы заключается в том, чтобы изучить особенности воздействия определенных когнитивных и поведенческих факторов на готовность индивидов к участию в общественно значимых мероприятиях. Зачастую подобные мероприятия имеют непосредственное отношение к основным политическим акторам: либо субъекты политики напрямую участвуют в этих мероприятиях, либо являются адресатами тех сообщений, которые формулируются обществом в ходе подобных мероприятий. Для выполнения указанной цели, очевидно, необходимо опираться на комплекс подходов, среди которых — аксиологический, коммуникативный, поведенческий и сетевой. Значимость проводимого исследования заключается в том, что его результаты позволят глубже понять отношение индивидов к идее участия в общественно значимых событиях как в онлайн, так и офлайн форматах. Более того, его результаты способны прояснить связь между готовностью к участию индивидов в разных форматах, а также установить, что влияет на эту готовность, усиливая, либо ослабляя ее.

Теоретические основания

Прежде чем перейти к описанию методологии исследования, необходимо кратко очертить степень изученности рассматриваемой в работе проблемы. Разумеется, вопросам, посвященным роли интернета в современном политическом участии, отведено немалое внимание исследователей. В целом, следует отметить, что понятие «политическое участие», по мнению Э. И. Авзаловой, охватывает «совокупность

различных способов вовлечения граждан в политику» [1, с. 188]. Если классические определения политического участия зачастую акцентируют внимание на том, что оно призвано прямо или косвенно влиять на процесс принятия решений, подчеркивая, таким образом, инструментальный характер участия, то сегодня политическое участие воспринимается в более широком смысле, а не только с позиций влияния на процессы принятия решений [19, с. 343].

Интернет-платформы, выстраивающие современный медийный ландшафт (трансформирующий, в свою очередь, способы потребления политической информации [18, с. 2]), создают для политического участия индивидов как существенные возможности, так и определенные риски. С одной стороны, по мнению авторов масштабного социологического исследования «Российское общество и вызовы времени», интернет «дал толчок многим отнюдь не виртуальным гражданским инициативам», а также он «вернул вкус и интерес к публичной политике, спорам, дискуссиям, обмену мнениями значительной части населения» [11, с. 156]. Положительную роль интернета в появлении возможностей для включения большого числа людей в гражданскую активность отмечает и А. В. Соколов [13, с. 304]. Можно согласиться с тем, что на аксиологическом уровне интернет способствовал усилению открытости и прозрачности происходящих политических процессов и событий. Стремительное распространение цифровых технологий открыло новые возможности для осознания и реализации гражданами своих прав. Доступ к широкому объему информации важен для совершения гражданами осознанного политического выбора. На поведенческом уровне отмечаем активизацию на платформах сети интернет различных практик гражданского и политического участия: от проведения обсуждений и дискуссий по разным темам до координации действий в решении общественно значимых вопросов.

С другой стороны, сам коммуникативный процесс в интернете может сопровождаться наличием посторонних шумов (препятствующих выражению обществом различных сигналов и сообщений) и нарушений, например, в форме троллинга [20, с. 419]. Более того, глобальное развитие интернет-пространства по-новому актуализирует значимость таких ценностей, как безопасность и порядок (прежде всего, в условиях проведения различными политическими акторами активных манипулятивных действий в информационной сфере). Всеобщая цифровизация политического поля создает угрозы для воплощения ценностей независимости и суверенитета государства. На поведенческом уровне неуклонное взаимопроникновение онлайн и офлайн коммуникативных пространств может способствовать распространению пассивности индивидов в случае необходимости решения общественно значимых вопросов, а также — распространению неконвенциональных форм общественного и политического участия.

А. В. Соколов предлагает понимать под политическим участием в интернете «использование интернет-технологий для вовлечения различных групп граждан в политику; организации взаимодействия политических субъектов с населением; оказание влияния на формирование, принятие и реализацию политических решений, формирование и функционирование политических институтов, деятельность политических и примыкающих к ним общественных организаций, а также на деятельности несистемных политических движений и на акции, направленные на коренную перестройку существующей политической системы» [12].

Отдельное внимание ученых отведено изучению разных форм политического участия онлайн. А. М. Ваховский раскрывает содержание двух типов складывающихся форм политического участия, осуществляемых с помощью современных сетевых технологий: конвенциональных и неконвенциональных форм [4, с. 14]. В целом российские и зарубежные ученые рассматривают особенности целого ряда конкретных форм политического участия в интернете, таких как: онлайн-петиции [7; 10; 14], электронное голосование [2; 17], ведение дискуссий в Сети [6; 20], онлайн-комментарии [15] и т. д.

Необходимо отметить и направление исследований, связанное с поиском факторов, определяющих поведение пользователей интернет-платформ поддержки социальных сетей. С. Щебетенко в одной из своих работ изучает связь между самооценкой и поведением пользователей социальных медиа [22, с. 17], а Д. Воллебек, Р. Карлсен, К. Стин-Джонсон и Б. Энджолрас анализируют роль конкретных эмоций в политическом поведении в интернет-пространстве [25, с. 2]. Д. Дж. Уилкинс, А. Г. Ливингстоун и М. Левин приходят к выводу, что коллективная пользовательская активность в интернете по одному социальному вопросу может способствовать аналогичным действиям, направленным на решение другого социального вопроса, но только в том случае, когда у пользователей интернета формируется уверенность в эффективности подобных действий [24, с. 103]. Это подчеркивает значимость восприятия обществом существующих интернет-платформ в качестве эффективного канала для решения социальных вопросов.

Вместе с тем одним из наименее изученных (но при этом крайне актуальным) вопросов этой предметно-тематической сферы является вопрос о влиянии онлайн практик участия индивида в политике на офлайн действия. Следует подчеркнуть, что в ряде случаев политического участия разделение на онлайн и офлайн действия является затруднительным, неслучайно ученые отмечают, что офлайн и онлайн пространства заметно переплетены, особенно среди молодежи [21, с. 118]. Одним из наиболее рациональных путей изучения данного вопроса является анализ когнитивных и поведенческих факторов, находящих свое отражение в готовности индивидов участвовать в общественно значимых мероприятиях, как в онлайн, так и в офлайн форматах. Более того, подобные факторы целесообразно анализировать не напрямую (так как они являются, в первую очередь, элементами сознания индивида и далеко не всегда могут быть наблюдаемы и четко зафиксированы), а через их проявление/реакцию на другие факторы.

В нашей работе мы сосредоточимся на изучении такого когнитивного фактора, как восприятие индивидом интернет-пространства (на примере современных платформ поддержки социальных сетей) в качестве основного канала выражения своей гражданской активности. Предположительно, чем сильнее и упорнее современные интернет-платформы социальных медиа воспринимаются индивидом в качестве эффективного канала для выражения своих гражданских интересов, тем активнее индивид будет принимать участие в общественных мероприятиях онлайн. Вместе с тем, возможно, подобный характер восприятия социальных медиа положительно сказывается и на политическом участии офлайн. В любом случае, высказанные предположения целесообразно сформулировать в форме двух исследовательских гипотез.

Исследовательская гипотеза № 1. Восприятие индивидом современных социальных медиа в качестве основного канала выражения своей гражданской активности положительно сказывается на готовности индивида принимать участие в общественно значимом массовом мероприятии онлайн.

Исследовательская гипотеза № 2. Восприятие индивидом современных социальных медиа в качестве основного канала выражения своей гражданской активности положительно сказывается на готовности индивида принимать участие в общественно значимом массовом мероприятии офлайн.

Подчеркнем, в обозначенных гипотезах когнитивный фактор представлен на уровне восприятия и отношения индивидов к социальным медиа как к эффективной площадке для выражения своих гражданских прав. Подобное проявление основывается на ряде определенных когнитивных установок, например, на осмыслении и отношении к интернет-пространству в целом как к некой открытой площадке, где сами коммуникативные акты между субъектами отличаются особой прозрачностью, динамичностью (оперативностью) и высокой степенью наблюдаемости. Наличие подобных когнитивных установок способствует и появлению мнения о том, что в интернет-про-

странстве повышается и эффективность политической коммуникации (в частности, улучшается качество обратной связи со стороны органов государственной власти и политических партий), что и формирует отношение к социальным медиа как к эффективному каналу выражения своей гражданской активности. Кроме того, пользователь социальных медиа, наблюдая за активностью других пользователей в диалоге с властью в рамках коммуникативных интернет-площадок, также может начать испытывать стремление к взаимодействию с политическими акторами внутри этих площадок. В этом случае формируется кумулятивный когнитивный эффект, усиливающийся в условиях массового использования данных технологий.

Еще один фактор, предположительно способный оказывать существенное воздействие на политическое участие, как в онлайн, так и в офлайн форматах — фактор лидерства. С одной стороны, наличие лидера, способного сплотить пользователей вокруг решения конкретных общественно значимых вопросов, а также объединить их усилия и скоординировать общие действия для выражения своих гражданских интересов, должно способствовать повышению готовности индивидов участвовать в политических действиях. С другой стороны, сетевая (децентрализованная и гетерархическая) логика функционирования современных социальных медиа нередко свидетельствует об отсутствии необходимости наличия лидера в ходе различных политических процессов, в которых социальные медиа играют активную роль. Возможно, причина подобного расхождения заключается именно в формате участия: для традиционных форм политического участия (офлайн) чаще всего необходимо наличие лидера, способного объединить усилия граждан, а для онлайн участия наличие такого лидера не является обязательным условием самого участия в политике. В любом случае, целесообразно сформулировать две исследовательские гипотезы, которые, в некоторой степени, способны прояснить указанное выше противоречие.

Исследовательская гипотеза № 3. Наличие/появление в пространстве социальных медиа единого политического лидера, способного объединить большинство пользователей социальных медиа, положительно сказывается на готовности индивида принимать участие в общественно значимом массовом мероприятии онлайн.

Исследовательская гипотеза № 4. Наличие/появление в пространстве социальных медиа единого политического лидера, способного объединить большинство пользователей социальных медиа, положительно сказывается на готовности индивида принимать участие в общественно значимом массовом мероприятии офлайн.

Поведенческий фактор в гипотезах № 3 и № 4 проявляется сразу в нескольких плоскостях. Во-первых, выявляется сама возможность появления в коммуникативном пространстве современных социальных медиа политического лидера, способного объединить большинство их пользователей. Важным аспектом здесь является степень проникновения сетевой (децентрализованной и гетерархичной) логики в поведенческие практики индивидов. Во-вторых (и как следствие первого пункта), необходимо понять, готовы ли индивиды участвовать в общественных и политических действиях при наличии или отсутствии некоего ориентира и движущей силы. У пользователя могут присутствовать разные поведенческие установки на случай наличия или отсутствия подобного ориентира, например, от этого может зависеть степень его активности. Примером может служить следующая ситуация: факт активного участия в каком-нибудь флешмобе общеизвестного лидера может сподвигнуть пользователя к аналогичной (по степени своей активности) форме участия в рамках этого флешмоба (например, выполнение какого-нибудь характерного для темы конкретного флешмоба действия), в случае отсутствия среди участников флешмоба подобного лидера пользователь может ограничиться только пассивным наблюдением за данным событием.

Теоретическую часть нашей работы необходимо завершить важным уточнением. В данном исследовании мы постараемся сконцентрировать внимание на воздействии

когнитивных и поведенческих факторов на готовность индивидов в среде активных пользователей современных социальных медиа к участию в общественно значимых мероприятиях. С одной стороны, это не позволяет экстраполировать полученные результаты на все общество (так как в исследовании участвует, в основном, только молодежь), с другой стороны — это позволит обратить пристальное внимание на значимые закономерности в области влияния цифровизации общества на тех, кто активнее остальных использует социальные медиа в повседневной жизни.

Материалы и методы

Выполнение обозначенной в данной работе цели (изучение особенностей воздействия когнитивных и поведенческих факторов на готовность индивидов к участию в общественно значимых мероприятиях) требует не только концептуальной опоры на ряд существующих подходов (аксиологический, коммуникативный, поведенческий и сетевой), но и использования прикладного метода. Одним из наиболее эффективных методов, позволяющих изучать когнитивные и поведенческие факторы, по праву, считается опрос. Проведение опроса позволит протестировать обозначенные в предыдущем разделе гипотезы.

Структура опросного листа отражает задачи исследования и рассматриваемые в нем переменные. Учитывая необходимость рассматривания готовности индивидов к участию в политике онлайн, требовалось опросить именно активных пользователей интернет-платформ поддержки социальных сетей, поэтому опрос проводился среди студенческой молодежи.

Для уточнения того, являются ли респонденты активными пользователями социальных медиа, были сформулированы два закрытых вопроса: «Пользуетесь ли вы социальными медиа (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter, Telegram и т.д.)?» и «Как часто вы пользуетесь социальными медиа (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter, Telegram и т.д.)?».

Изучение готовности людей принимать участие в общественно значимых мероприятиях также требовало формулировки соответствующих вопросов закрытого типа: «Готовы ли вы принять участие в организации и проведении общественно значимого массового мероприятия онлайн?» и «Готовы ли вы принять участие в организации и проведении общественно значимого массового мероприятия офлайн?».

Нашли свое отражение в опросной анкете и факторы, позволяющие изучать особенности отношения респондентов к разным формам политического участия. Для анализа восприятия участниками опроса социальных медиа как основного канала для выражения гражданской активности был сформулирован соответствующий вопрос закрытого типа. В свою очередь, закрытый вопрос для установления значимости фактора лидерства выглядел следующим образом: «Как вы считаете, возможно ли появление в пространстве социальных медиа единого политического лидера, способного объединить большинство пользователей социальных медиа?».

Помимо интерпретации полученных результатов по каждому вопросу был проведен также и перекрестный анализ данных по ряду вопросов, чтобы оценить воздействие каждого из двух обозначенных выше факторов на готовность респондентов принимать участие в общественно значимых мероприятиях. На основании проведенного анализа сделаны соответствующие выводы.

Результаты

В опросе, проведенном среди студентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в ноябре 2019 г., приняли участие 123 респондента, среди которых 67 представителей женского пола и 56 — мужского пола.

93,5% всех опрошенных составили молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет, 5,7% респондентов — в возрасте от 23 до 30 лет и только 0,8% опрошенных — в возрасте от 31 до 40 лет.

Все 100% участников опроса положительно ответили на вопрос о том, пользуются ли они современными социальными медиа. Кроме того, 96,7% всех респондентов, отвечая на вопрос о частоте использования социальных медиа, выбрали следующий вариант ответа: «Неоднократно в течение дня» (в сформулированном вопросе именно данный вариант ответа характеризует наиболее частое использование интернет-платформ социальных медиа). Это позволяет говорить о том, что почти все опрошенные респонденты активно используют социальные медиа.

49% всех опрошенных сказали, что они готовы принять участие в организации и проведении общественно значимого мероприятия онлайн (причем, из всех респондентов, ответивших таким образом, доля мужчин составила 48,3%, а женщин — 51,7%), относительно же участия в офлайн мероприятиях свою готовность выразили 45% всех опрошенных (из них мужчин — 53,6%, а женщин — 46,4%), что свидетельствует о близких значениях в плане поведенческих интенций в сфере участия. Подробные результаты ответов на этот вопрос представлены на рис. 1.

Половина опрошенных заявили о том, что появление в пространстве социальных медиа единого политического лидера невозможно, 36% полагают, что такая возможность существует. Подробные результаты ответов на этот вопрос представлены на рис. 2.

По мнению двух третей всех опрошенных респондентов, именно социальные медиа являются сегодня основным каналом проявления гражданской активности, и только пятая часть опрошенных не согласны с этим утверждением. Подробные результаты ответов на этот вопрос представлены на рис. 3.

Для того чтобы понять, как люди воспринимающие/невоспринимающие социальные медиа в качестве основного канала проявления гражданской активности

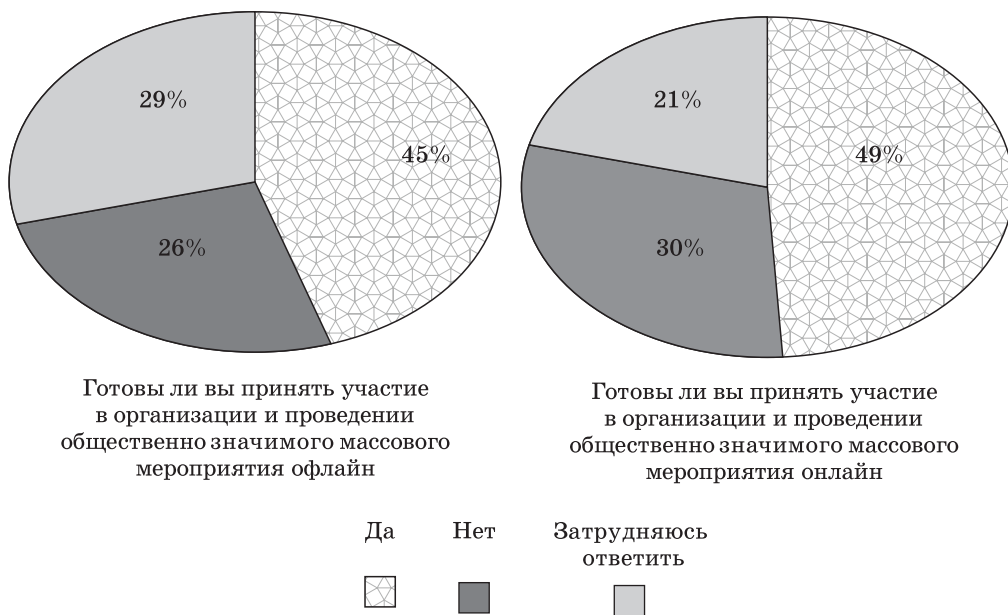

Рис. 1. Готовность активных пользователей социальных медиа принимать участие в общественно значимых мероприятиях

Fig. 1. Willingness of active users of social media to participate in socially significant events

Как вы считаете, возможно ли появление в пространстве социальных медиа единого политического лидера, способного объединить большинство пользователей социальных медиа?

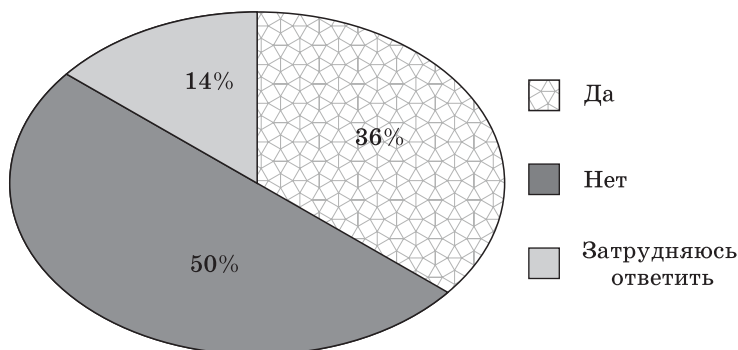

Рис. 2. Отношение общества к идее о возможности появления в социальных медиа единого политического лидера

Fig. 2. Public attitude to the idea of the possibility of a single political leader appearing on social media

выражают готовность к участию онлайн или офлайн, был проведен перекрестный анализ ответов респондентов на соответствующие вопросы. Выясняется, например, что 56,1% опрошенных, воспринимающих социальные медиа как основной канал проявления гражданской активности, готовы принимать участие в общественно значимом массовом мероприятии онлайн, а 28,8% — не готовы. При этом число респондентов, готовых к участию онлайн среди невоспринимающих социальные медиа в качестве подобного канала — значительно меньше (только 32%), а неготовых к участию — 36%. Подробные результаты перекрестного анализа ответов на эти вопросы представлены в табл. 1.

По вашему мнению, в современном обществе социальные медиа можно рассматривать как основной механизм (канал) выражения активности граждан?

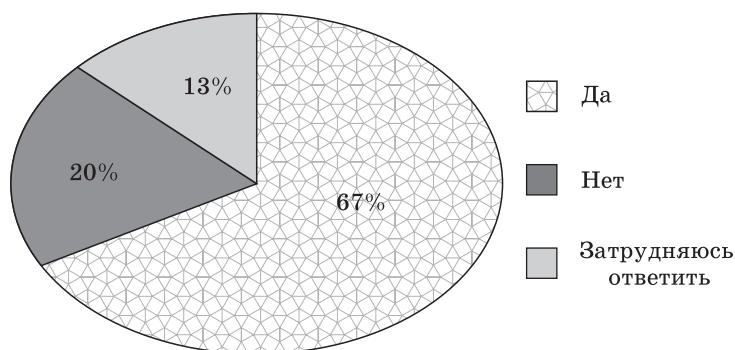

Рис. 3. Восприятие социальных медиа как основного канала для проявления гражданской активности

Fig. 3. Perception of social media as the main channel for demonstration of civic activity

Перекрестный анализ данных опроса также необходим для того, чтобы понять готовность к участию онлайн или офлайн тех респондентов, кто считает возможным/невозможным появление в пространстве социальных медиа единого политического лидера, способного объединить большинство пользователей социальных медиа. Это позволит понять роль фактора лидерства в готовности пользователей социальных медиа к участию в общественно значимых мероприятиях. Результаты анализа демонстрируют, что большинство (61,4%) тех, кто убежден в возможности появления такого лидера, готовы к участию онлайн, 25% — не готовы. Соотношение ответов среди тех респондентов, кто не разделяет мнения о возможности появления такого лидера, уже иное: 42,6% на 34,4%. Подробные результаты перекрестного анализа ответов на эти вопросы представлены в табл. 2.

Таблица 1

Результаты перекрестного анализа ответов: фактор восприятия/готовность к участию, %

Table 1. Results of responses cross-analysis: perceptual factor / willingness to participate

Вопрос/Вариант ответа		По вашему мнению, в современном обществе социальные медиа можно рассматривать как основной механизм (канал) выражения активности граждан?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Готовы ли вы принять участие в организации и проведении общественно значимого массового мероприятия онлайн?	Да	56,1	32,0	37,5
	Нет	28,0	36,0	31,3
	Затрудняюсь ответить	15,9	32,0	31,3
	Всего	100	100	100
Готовы ли вы принять участие в организации и проведении общественно значимого массового мероприятия офлайн?	Да	50,0	48,0	18,8
	Нет	26,8	24,0	25,0
	Затрудняюсь ответить	23,2	28,0	56,3
	Всего	100	100	100

Таблица 2

Результаты перекрестного анализа ответов: фактор лидерства/готовность к участию, %

Table 2. Results of responses cross-analysis: leadership factor / willingness to participate

Вопрос/Вариант ответа		Как вы считаете, возможно ли появление в пространстве социальных медиа единого политического лидера, способного объединить большинство пользователей социальных медиа?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Готовы ли вы принять участие в организации и проведении общественно значимого массового мероприятия онлайн?	Да	61,4	42,6	38,9
	Нет	25,0	34,4	27,8
	Затрудняюсь ответить	13,6	23	33,3

Вопрос/Вариант ответа		Как вы считаете, возможно ли появление в пространстве социальных медиа единого политического лидера, способного объединить большинство пользователей социальных медиа?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
	Всего	100	100	100
Готовы ли вы принять участие в организации и проведении общественно значимого массового мероприятия офлайн?	Да	56,8	42,6	27,8
	Нет	27,3	29,5	11,1
	Затрудняюсь ответить	15,9	27,9	61,1
	Всего	100	100	100

Обсуждение

Результаты анализа данных проведенного опроса позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, почти половина всех активных пользователей социальных медиа готовы принять участие в организации и проведении общественно значимых мероприятий онлайн. Приблизительно такое же число респондентов готовы участвовать в общественно значимых мероприятиях офлайн. Данный результат, в некоторой степени, резонирует с частью сложившихся в науке убеждений о роли интернета в политическом участии. С одной стороны, немалое число (почти половина) активных пользователей готовы участвовать в общественных процессах как онлайн, так и офлайн, при этом готовность к участию в мероприятиях онлайн не препятствует аналогичной готовности к участию офлайн, т. е. активное пользование интернетом открыто не способствует формированию пассивного отношения к партиципаторным практикам офлайн. С другой стороны, эти цифры говорят и о том, что сложившиеся в интернете практики онлайн участия в общественно значимых мероприятиях принципиально не активизируют дополнительные группы людей для выражения ими своей гражданской активности. Более того, скорее всего, среди пользователей социальных медиа сложилась устойчивая группа тех, кто готов к участию в общественных мероприятиях в целом (вне зависимости от формы: онлайн или офлайн). Чтобы проверить это предположение, был проведен дополнительный перекрестный анализ данных по вопросам о готовности к участию пользователей в общественно значимых мероприятиях онлайн и офлайн. Его результаты представлены в табл. 3.

Результаты анализа подтверждают выдвинутое предположение: более двух третей тех респондентов, кто готов участвовать в общественно значимых мероприятиях онлайн, выражают свою готовность к участию в общественных мероприятиях и офлайн, и только 15% опрошенных среди тех, кто готов к участию онлайн, высказались отрицательно о своей готовности к участию офлайн. В свою очередь, почти 60% из тех респондентов, кто заявил о неготовности к участию в общественно значимых мероприятиях онлайн, не готовы участвовать в них и офлайн. Таким образом, среди активных пользователей социальных медиа присутствует существенная и устойчивая группа тех, кто готов к участию в общественной жизни как онлайн, так и офлайн, поэтому для них социальные медиа являются важным, но, скорее всего, не единственным каналом для выражения своей гражданской активности. Вместе с тем, среди активных пользователей социальных медиа сложилась

Таблица 3

Результаты перекрестного анализа ответов: готовность к участию онлайн/офлайн, %
 Table 3. Results of responses cross-analysis: willingness to participate online/offline, %

Вопрос/Вариант ответа		Готовы ли вы принять участие в организации и проведении общественно значимого массового мероприятия онлайн?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
		%		
Готовы ли вы принять участие в организации и проведении общественно значимого массового мероприятия офлайн?	Да	68,3	29,7	15,4
	Нет	15,0	59,5	3,8
	Затрудняюсь ответить	16,7	10,8	80,8
	Всего	100	100	100

и небольшая (по численности) группа тех пользователей, для кого социальные медиа открывают необходимые возможности для участия в общественно значимых мероприятиях, при этом участвовать в подобных мероприятиях иными путями (не с помощью интернет-платформ социальных медиа) они не готовы.

Во-вторых, отрицательное отношение респондентов проведенного опроса (которое высказали 50% всех опрошенных) к идее о возможности появления в интернет-пространстве единого политического лидера, способного объединить большинство пользователей, согласуется с идеей о сетевой логике функционирования коммуникативного пространства современных интернет-платформ. Данная логика диктует функционирующим в обществе политическим институтам свои принципы децентрализации и гетерархии, отвергая возможность наличия единого, принимающего все решения центра и формируя акцент на распределении властных полномочий между многочисленными акторами. Это говорит об изменении самой природы и морфологии власти в условиях сетевого коммуникативного пространства.

В-третьих, необходимо отметить, что подавляющее большинство участников опроса воспринимают интернет-платформы современных социальных медиа как основной канал и механизм проявления гражданской активности, что в очередной раз подчеркивает значимость общественно-политической роли, выполняемой социальными медиа. Неслучайно социальные медиа рассматриваются сегодня как проводник общественного мнения [8, с. 42] и «один из важнейших институтов современного общества, который способствует агрегации и артикуляции общественных интересов» [3]. Этот результат, в некоторой степени, снова опровергает идею о том, что использование интернет-платформ способствует формированию у их пользователей пассивного отношения к идее участия в общественных и политических действиях. Сами интернет-платформы воспринимаются далеко не только как источник информации развлекательного свойства или инструмент для поддержания существующих или поиска новых знакомств, но и как важнейший механизм для выражения гражданских интересов и участия в решении общественно значимых вопросов.

В-четвертых, результаты проведения перекрестного анализа говорят о том, что ошутимое большинство тех респондентов, кто воспринимает социальные медиа как основной канал для выражения гражданской активности, готовы к участию в общественно значимых мероприятиях онлайн, т. е. в рамках этих же социальных медиа. В свою очередь, те респонденты, кто не воспринимает социальные медиа

в качестве основного канала для выражения гражданской активности, чаще всего не готовы и к участию в общественно значимых мероприятиях с помощью этих интернет-платформ. Это свидетельствует о том, что фактор определенного восприятия социальных медиа (как коммуникативного канала, эффективного для целей гражданского участия) способствует формированию у индивидов готовности к участию в общественно значимых мероприятиях онлайн, что полностью подтверждает обозначенную выше исследовательскую гипотезу № 1.

Подтверждение данной гипотезы актуализирует вопрос о том, почему молодые и активные пользователи социальных медиа (воспринимающие социальные медиа как основной канал для выражения гражданской активности) готовы к участию в организации и проведении общественно значимых мероприятий онлайн. На наш взгляд, причины выявленной закономерности находятся в плоскости когнитивных установок индивидов. Интернет воспринимается ими как открытая и динамичная коммуникативная площадка с высокой степенью прозрачности и оперативности взаимодействий, позволяющая решать разные (не только коммуникативные) задачи. Подобное отношение к современным социальным медиа экстраполируется и на политическую плоскость (тем более что органы государственной власти нередко активно используют интернет для взаимодействия с обществом), т. е. данное пространство воспринимается индивидами как эффективная площадка для решения общественных и политических вопросов. В этой связи, допустимым является предположение о том, что распространение подобных когнитивных установок будет способствовать и интенсификации политического участия в интернет-пространстве. В свою очередь, на распространение подобных когнитивных установок может оказать влияние как увеличение числа активных пользователей социальных медиа, так и последовательные действия политических субъектов по вовлечению граждан в коммуникативные практики посредством современных платформ социальных медиа.

В-пятых, тестируя на основании проведенного перекрестного анализа исследовательскую гипотезу № 2, следует отметить, что, как и в предыдущем случае, ощущаемое большинство тех респондентов, кто воспринимает социальные медиа как основной канал для выражения гражданской активности, готовы к участию в общественно значимых мероприятиях офлайн, т. е. в рамках уже функционирующих в реальном политическом пространстве институтов. Однако, при этом и в случае с теми респондентами, кто не рассматривает социальные медиа в качестве основного канала для выражения гражданской активности, число тех респондентов, кто готов к участию в общественно значимых мероприятиях офлайн, намного превышает число неготовых к нему. В результате, гипотеза подтверждена только частично и требует проведения дополнительного исследования. Спектр возможных причин подобного результата верификации этой гипотезы может быть крайне широк: от высокой степени удовлетворенности функционированием уже сложившихся общественных и политических институтов до скептического отношения к интернет-платформам социальных медиа как к эффективному каналу политической коммуникации (вспомним, что на заре своего развития интернет в целом рассматривался как поле вне политики, хотя к сегодняшнему дню ситуация кардинально изменилась). В этой связи отмечаем, что вопрос о влиянии когнитивного восприятия социальных медиа как эффективного канала политической коммуникации на готовность принять участие в общественно значимых мероприятиях офлайн остается дискуссионным и требующим проведения дополнительных исследований.

В-шестых, подавляющее большинство тех респондентов, кто соглашается с возможностью появления в пространстве социальных медиа единого политического лидера, выражают свою готовность к участию в общественно значимых мероприятиях, проводимых в рамках этих платформ. Это говорит о том, что фактор при-

сутствия сильного и единого лидера, вопреки идее о влиянии сетевой логики на политико-коммуникативное пространство интернета, оказывает существенное воздействие на готовность к участию в подобных мероприятиях онлайн. Однако среди тех респондентов, кто не разделяет подобное мнение о возможности появления лидера, чаще всего, также высказывается готовность к партиципаторным практикам онлайн. Поэтому, исследовательская гипотеза № 3 подтверждена только частично и также требует проведения дополнительного исследования.

В-седьмых, результаты перекрестного анализа влияния фактора лидерства на участие граждан офлайн также говорит о том, что и те респонденты, кто соглашались с возможностью появления в пространстве социальных медиа единого политического лидера, и те, кто с этим не согласны, чаще всего (в случае с «согласными» это проявляется значительно сильнее) выражают свою готовность к участию офлайн, т. е. посредством сложившихся общественных и политических институтов. В этой связи следует констатировать, что исследовательская гипотеза № 4 подтверждена только частично и также требует проведения дополнительного исследования.

Результаты тестирования двух последних гипотез требуют обратить внимание, как минимум, на две закономерности: вне зависимости от того, согласны ли участники опроса с идеей о возможности появления в пространстве социальных медиа единого политического лидера, они, чаще всего, выражают свою готовность к участию в общественно значимых мероприятиях как онлайн, так и офлайн, но при этом, преобладание готовых к участию граждан ощутимее именно среди тех, кто согласен с точкой зрения о едином лидере. Причинами подобного результата может быть наложение в современном политическом пространстве сетевых (гетерархичных) и иерархичных свойств. С одной стороны, сетевая логика цифрового общества выдвигает на передний план идею децентрализации и отсутствия необходимости для совершения политического действия определенного ориентира, движущей силы, с другой стороны — наличие лидера, являющегося ориентиром для политических действий индивидов и групп, по-прежнему является крайне значимым фактором для политического участия (подчеркнем, что исследование проводилось именно среди молодежной аудитории, активных интернет-пользователей). Поэтому пока преждевременно делать выводы о том, способствует ли данный поведенческий фактор появлению готовности у индивидов принять участие в общественно значимых мероприятиях. Подчеркнем, выдвинутые предположения требуют проведения дополнительных исследований, прежде всего, в области анализа универсальных и партикулярных черт политического сознания пользователей социальных медиа.

Из четырех обозначенных в работе исследовательских гипотез свое полное подтверждение нашла только одна: восприятие индивидом современных социальных медиа в качестве основного канала выражения своей гражданской активности положительно сказывается на готовности индивида принимать участие в общественно значимом массовом мероприятии онлайн. Остальные гипотезы подтверждены только частично.

Подводя общие итоги, необходимо отметить, что результаты проведенного исследования в очередной раз подтверждают идею о том, что современные интернет-платформы поддержки социальных сетей играют важную общественно-политическую роль. Эти интернет-платформы могут быть рассмотрены не только как инструмент для получения и обмена информацией, поиска и укрепления межличностных связей, отдыха и развлечений, но и как важнейший канал для выражения людьми своих гражданских интересов. Причем, среди активных пользователей интернета доминирует идея о том, что именно современные социальные медиа являются основным каналом для проявления обществом своей гражданской активности. Подобное отношение к социальным медиа способствует и появлению у людей готовности принимать участие в массовых общественно значимых мероприятиях.

тиях именно внутри социальных медиа (онлайн). Как показало исследование, активность в социальных медиа отнюдь не способствует общественно-политической пассивности пользователей, как минимум, на уровне готовности принимать участие в общественно значимых мероприятиях. Вместе с тем, следует отметить примерно равное соотношение числа тех пользователей, кто готов участвовать в общественно значимых событиях как онлайн, так и офлайн. Более того, среди активных пользователей социальных медиа присутствует существенная и устойчивая группа тех, кто готов к участию в общественной жизни как онлайн, так и офлайн, поэтому для них социальные медиа являются важным, но, скорее всего, не единственным каналом для выражения своей гражданской активности. Однако существует и небольшая (по численности) группа тех пользователей, для кого социальные медиа открывают необходимые возможности для участия в общественно значимых мероприятиях, так как участвовать в мероприятиях офлайн они не готовы. Это позволяет предположить, что платформы социальных медиа способны активизировать общественно-политические действия (онлайн или офлайн), чаще всего тех пользователей, кто в целом и изначально, вне зависимости от наличия/отсутствия этих платформ или доступа к ним, скорее всего, готов принимать участие в реальных (офлайн) партиципаторных практиках. Впрочем, данное предположение, вероятно, требует дальнейшего изучения, как и взаимосвязь между отношением пользователей социальных медиа к идее о возможном появлении в этом коммуникативном пространстве единого политического лидера (фактор лидерства) и их готовностью участвовать в значимых общественно-политических мероприятиях, как онлайн, так и офлайн. Необходимо также отметить, что половина активных пользователей отрицают возможность появления в пространстве социальных медиа единого политического лидера (хотя велика доля и тех, кто, наоборот, согласен с этой идеей — более трети всех респондентов).

Результаты проведенного исследования дополняют существующую систему знания о современном политическом участии и факторах, потенциально способных оказывать на него свое воздействие. Эти результаты могут быть полезны специалистам, занимающимся изучением как современных, так и традиционных форм политического участия, а также политическим деятелям и экспертам для выстраивания коммуникативных поведенческих стратегий в пространстве социальных медиа (прежде всего, в молодежной среде).

Заключение

В данной работе были изучены особенности воздействия когнитивных и поведенческих факторов на готовность молодежи (активных пользователей современных социальных медиа) к участию в общественно значимых мероприятиях. В ходе проведения исследования были сделаны выводы о соотношении числа тех пользователей, кто готов принимать участие исключительно в онлайн мероприятиях, и тех, кто выражает свою готовность к участию офлайн. В работе также были проанализированы особенности восприятия современных социальных медиа как канала для выражения гражданской активности (когнитивный фактор восприятия и отношения) и отношение к идее о возможности появления в пространстве социальных медиа единого политического лидера (поведенческий фактор лидерства). Это позволило проанализировать особенности воздействия двух обозначенных факторов на появление у пользователей готовности к участию в общественно значимых мероприятиях как онлайн, так и офлайн. Вместе с тем, некоторые результаты исследования требуют проведения дополнительного изучения, например, роль фактора лидерства в появлении у индивидов готовности к разным формам политического участия, а в качестве одного из возможных методов для изучения этой роли может быть выбрано шкалирование.

Литература

1. Авзалова Э. И. Интернет-участие как новая форма политического участия граждан // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 1. С. 187–193.
2. Балашов А. Н., Бочанов М. А. Интернет-технологии как фактор развития политической активности граждан: тренды и противоречия // PolitBook. 2017. № 2. С. 22–34.
3. Балув Д. Г., Каминченко Д. И. Отражение ценностей современного российского общества в социальных медиа. Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 3. С. 5–13.
4. Ваховский А. М. Интернет-пространство: эволюция форм политического участия // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 13–21.
5. Войнов Д. А. Креативность интернет-коммуникации как способ индивидуального политического участия граждан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 117–126.
6. Волковский Д. В., Филатова О. Г. Дискуссии в интернете как форма электронного участия в политике: региональный аспект // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2019. № 20–21. С. 6–16.
7. Гольбрайх В. Б. Экологические общественные инициативы в интернете как новая практика политического участия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 340–350.
8. Каминченко Д. И. Порядок как ценность в текстах современных социальных медиа // Информационное общество. 2016. № 2. С. 39–42.
9. Малькевич А. А. От электронного голосования к протестной мобилизации: как интернет трансформирует политическое участие // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 39–46.
10. Радина Н. К. Онлайн-петиция в междисциплинарных полях и на теоретических перекрестках: политология и лингвистика // Коммуникативные исследования. 2018. № 4. С. 193–208.
11. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. Горшков М. К., Петухов В. В. М. : Весь мир, 2015.
12. Соколов А. В. Интернет-пространство: новые возможности для политического участия // Вестник Пермского университета. Серия : Политология. 2013. № 4. С. 98–115.
13. Соколов А. В. Интернет-технологии политического участия и их влияние на офлайн-политику // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–1 (84). С. 303–310.
14. Asher M., Leston-Bandeira C., Spaiser V. Do parliamentary debates of e-petitions enhance public engagement with Parliament? An analysis of Twitter conversations // Policy & Internet. 2019. Vol. 11. N 2. P. 149–171.
15. Clementson D. E. How web comments affect perceptions of political interviews and journalistic control // Political Psychology. 2019. Vol. 40. N 4. P. 815–836.
16. Curran T., Singh R. E-democracy as the future face of democracy: a case study of the 2011 Irish elections // European View. 2011. N 10. P. 25–31.
17. Fivaz J., Schwarz D. Smart Democracy für Smart Cities — Online-Wahlhilfen und ihr Beitrag zu einer modernen Demokratie // HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik. 2015. Vol. 52. P. 482–501.
18. Greenwood M. M., Sorenson M. E., Warner B. R. Ferguson on Facebook: Political persuasion in a new era of media effects // Computers in human behaviour. 2016. N 57. P. 1–10.
19. Hooghe M., Hosch-Dayican B., van Deth J. W. Conceptualizing political participation // Acta Politica. 2014. Vol 49. Is. 3. P. 337–348.
20. Lindgren S. Movement mobilization in the age of hashtag activism: Examining the challenge of noise, hate, and disengagement in the MeToo campaign // Policy & Internet. 2019. Vol. 11. N 4. P. 418–438.
21. Lonnqvist J.-E., Deters F. G. Facebook friends, subjective well-being, social support, and personality // Computers in human behaviour. 2016. N 55. P. 113–120.
22. Shchebetenko S. Do personality characteristics explain the associations between self-esteem and online social networking behaviour? // Computers in human behaviour. 2019. N 91. P. 17–23.
23. Tormey S. Politicising digital space: Theory, the internet and renewing democracy. Contemporary political theory. 2018.

24. Wilkins D. J., Livingstone A. G., Levine M. All click, no action? Online action, efficacy perceptions, and prior experience combine to affect future collective action // *Computers in human behaviour*. 2019. N 91. P. 97–105.
25. Wollebæk D., Karlsen R., Steen-Johnsen K., Enjolras B. Anger, fear, and echo chambers: The emotional basis for online behavior // *Social Media + Society*. April-June 2019. P. 1–14.

Об авторе:

Каминченко Дмитрий Игоревич, старший преподаватель кафедры прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат политических наук; dmitkam@inbox.ru

References

1. Avzalova E. I. Online Participation as a New Form of Citizen Participation in Politics // *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* [Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2015. Vol. 157. N 1. P. 187–193. (In rus).
2. Balashov A. N., Bochanov M. A. Internet technologies as a factor of development of political activity of citizens: trends and contradictions // *PolitBook* [PolitBuk]. 2017. N 2. P. 22–34. (In rus).
3. Baluev D. G., Kamинchenko D. I. The reflection of the values of modern Russian society in social media // *Bulletin of Perm University. Political Science* [Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya]. 2017. N 3. P. 5–13. (In rus).
4. Vakhovskiy A. M. Internet space: the evolution of forms of political participation // *Izvestiya Tula State University* [Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki]. 2016. N 4. P. 13–21. (In rus).
5. Voynov D. A. The Creativity of the Internet Communication as a Citizen Political Participation // *RUDN Journal of Political Science* [Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya]. 2012. N 1. P. 117–126. (In rus).
6. Volkovskii D. V., Filatova O. G. Internet discussions as a form of e-participation in politics: regional aspect // *PR and advertising in a changing world: regional aspect* [PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt]. 2019. N 20–21. P. 6–16. (In rus).
7. Golbraykh V. B. Environmental public initiative in the internet as a new public participation practice // *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science* [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya]. 2016. N 4 (36). P. 340–350. (In rus).
8. Kamинchenko D. I. Order as the value in texts of modern social media. // *Information society* [Informatsionnoe obshchestvo]. 2016. N 2. P. 39–42. (In rus).
9. Malkevich A. A. From online voting to protest mobilization: how the internet is transforming political participation // *Administrative Consulting* [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 11 (131). P. 39–46. (In rus).
10. Radina N. K. Online-petition in interdisciplinary fields and theoretical crossroads: political science and linguistics // *Communication Studies* [Kommunikativnye issledovaniya]. 2018. N 4 (18). P. 193–208. (In rus).
11. Russian society and the challenges of the time. The second book / Editors: Gorshkov M. K., Petukhov V. V. M. : Ves Mir Publishers. 2015. (In rus).
12. Sokolov A. V. Internet-Based Technologies of Political Participation and Their Impact on the Off-Line Policy // *Izvestiya of Altai State University Journal* [Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014. N 4–1 (84). P. 303–310. (In rus).
13. Sokolov A. V. Internet space: new opportunities for political participation // *Bulletin of Perm University. Political Science* [Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya]. 2013. N 4 (24). P. 98–115. (In rus).
14. Asher M., Leston-Bandeira C., Spaiser V. Do parliamentary debates of e-petitions enhance public engagement with Parliament? An analysis of Twitter conversations // *Policy & Internet*. 2019. Vol. 11. N 2. P. 149–171.
15. Clementson D. E. How web comments affect perceptions of political interviews and journalistic control // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. N 4. P. 815–836.
16. Curran T., Singh R. E-democracy as the future face of democracy: a case study of the 2011

- Irish elections // *European View*. 2011. N 10. P. 25–31.
17. Fivaz J., Schwarz D. Smart Democracy für Smart Cities — Online-Wahlhilfen und ihr Beitrag zu einer modernen Demokratie // *HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik*. 2015. Vol. 52. P. 482–501.
 18. Greenwood M. M., Sorenson M. E., Warner B. R. Ferguson on Facebook: Political persuasion in a new era of media effects // *Computers in human behaviour*. 2016. N 57. P. 1–10.
 19. Hooghe M., Hosch-Dayican B., van Deth J. W. Conceptualizing political participation // *Acta Politica*. 2014. Vol 49. Is. 3. P. 337–348.
 20. Lindgren S. Movement mobilization in the age of hashtag activism: Examining the challenge of noise, hate, and disengagement in the MeToo campaign // *Policy & Internet*. 2019. Vol. 11. N 4. P. 418–438.
 21. Lonnqvist J-E., Deters F. G. Facebook friends, subjective well-being, social support, and personality // *Computers in human behaviour*. 2016. N 55. P. 113–120.
 22. Shchebetenko S. Do personality characteristics explain the associations between self-esteem and online social networking behaviour? // *Computers in human behaviour*. 2019. N 91. P. 17–23.
 23. Tormey S. Politicising digital space: Theory, the internet and renewing democracy. *Contemporary political theory*. 2018.
 24. Wilkins D. J., Livingstone A. G., Levine M. All click, no action? Online action, efficacy perceptions, and prior experience combine to affect future collective action // *Computers in human behaviour*. 2019. N 91. P. 97–105.
 25. Wollebæk D., Karlsen R., Steen-Johnsen K., Enjolras B. Anger, fear, and echo chambers: The emotional basis for online behavior // *Social Media + Society*. April-June 2019. P. 1–14.

About the author:

Dmitriy I. Kaminchenko, Senior Lecturer of Department of Applied Policy Analysis and Modeling of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in Political Sciences; dmitkam@inbox.ru

Контент-анализ как способ выявления геополитической ориентации субъектов международных отношений

(на примере гражданской войны в Йемене)

Антончева О. А.¹*, Апанасенко Т. Е.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *antoncheva-oa@ranepa.ru

²Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Часто традиционный анализ не позволяет однозначно ответить на вопрос, чьим потенциальным союзником из сверхдержав является тот или иной субъект международных отношений. Тогда на помощь традиционному анализу может прийти контент-анализ языка прессы. Язык прессы рассматривается как выражение коллективного сознания, а его особенности — как выражение коллективного бессознательного социальной группы с опорой на марксистскую, дюркгеймианскую и хабермасовскую традицию.

Определенный канал прессы (СМИ) может либо ориентироваться на национальные интересы, либо не ориентироваться на них, поскольку он может выражать ценности социальной группы, несовместимые с такой ориентацией. Если канал прессы, ориентирующийся на национальные интересы, симпатизирует какому-либо субъекту международных отношений (это выявляется с помощью контент-анализа), такой субъект является потенциальным союзником страны, к которой принадлежит данный канал, и наоборот.

В исследовании в качестве субъекта международных отношений с неоднозначной геополитической ориентацией было выбрано йеменское движение «Ансар Алла» (хуситы), в качестве канала прессы (СМИ), ориентирующегося на национальные интересы, — газета «Известия», а не ориентирующегося на национальные интересы — «Газета.ру». С помощью контент-анализа был сделан вывод, что «Известия» симпатизируют хуситам, «Газета.ру» же относится к хуситам отрицательно. На основе допущения, что язык прессы выражает истинные интересы социальной группы, был сделан вывод, что хуситы являются потенциальным союзником России.

Ключевые слова: хуситы, Салех, «Известия», «Газета.ру», контент-анализ, национальные интересы, либеральные ценности, язык прессы, коллективное бессознательное, бессознательное социальной группы

Для цитирования: Антончева О. А., Апанасенко Т. Е. Контент-анализ как способ выявления геополитической ориентации субъектов международных отношений (на примере гражданской войны в Йемене) // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 36–44.

Content Analysis as a Way to Identify the Geopolitical Orientation of Subjects of International Relations (Using the Example of the Civil War in Yemen)

Olga A. Antoncheva¹*, Tatiana E. Apanasenko²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *antoncheva-oa@ranepa.ru

²Independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Any subject of international relations is a potential ally of one of the superpowers. Sometimes traditional analysis does not allow to understand which one. Then a content analysis of the

press language can come to the aid of traditional analysis. The language of the press is considered as an expression of collective consciousness, and its features — as an expression of collective unconscious. Collective consciousness and collective unconscious belong to a certain social group. This approach is based on the Marxist, Durkheim and Habermas traditions. A certain media may focus on national interest, or may not, as it may express social group values incompatible with that orientation. If a media that focuses on national interests sympathizes with a subject of international relations, such a subject is a potential ally of the country to which the media belongs, and vice versa. Whether the media sympathizes with a certain subject of international relations is revealed using content analysis.

In this study, the Yemeni movement Ansar Alla (Houthis) was chosen as a subject of international relations with an ambiguous geopolitical orientation, the newspaper “Izvestia” which focus on the national interests and the newspaper “Gazeta.ru” which does not focus on the national interests was chosen as a mass media. Using content analysis, it was concluded that “Izvestia” sympathizes with Houthis, and “Gazeta.ru” treats the Houthis negatively. On the basis of the assumption that the language of the press expresses the true interests of the social group, it was concluded that the Houthis are a potential ally of Russia.

Keywords: Houthis, Saleh, “Izvestia”, “Gazeta.ru”, content analysis, national interests, liberal values, the language of the press, collective unconscious, social group unconscious

For citing: Antoncheva O. A., Apanasenko T. E. Reducing Rural-Urban Social Inequality: Chinese and Russian Comparative Experience // Administrative consulting. 2020. N 8. P. 36–44.

Актуальность исследования и постановка проблемы. Обоснование выбора объекта исследования

Исследователь, который ставит перед собой цель выявить, интересы каких сверхдержав стоят за деятельностью основных игроков на международной арене при очень сложной картине событий, может прибегнуть к контент-анализу языка прессы. Этот язык как проявление коллективного сознания своими особенностями способен раскрыть истинные намерения своего носителя.

Носитель языка прессы представляет собой некую социальную группу. Авторы придерживаются допущения, что социальная группа обладает как сознанием, так и коллективным бессознательным.

Допущение, что сознание ассоциированных индивидов существует и даже противостоит сознанию изолированных индивидов восходит к дюркгеймианской традиции [9, т. XIII, с. 40, т. XIV, с. 488; 8, с. 33, 130, 157; 7, с. 7, 78; 6, с. 80; 17; 25; 3, с. 399–402; 11, с. 47; 1, с. 14; 2, с. 44; 5; 19, с. 20–21; 24; 21; 18; 15; 23]; обладание социальной группы не только сознанием, но и бессознательным — к марксистской [4, с. 447–448] и хабермасовской [12]. Отождествляя язык с сознанием [13, с. 240], а его «оговорки по Фрейду» — с работой коллективного бессознательного, авторы опирались на идею Ю. Хабермаса о необходимости критического проникновения в идеологию и осознание неврозов с использованием методологического инструментария Маркса и терапевтического психоанализа Фрейда [12].

Согласно этим допущениям, коллективное бессознательное через особенности языка выражает интересы социальной группы, даже если социальная группа свои интересы не осознает и не рационализирует. Так происходит потому, что истинные интересы группы основаны на коллективных представлениях, в основе которых лежит память предшествующих поколений [16; 22], осуществляющая функцию «Супер-эго», «гипердуховности» [10; 20, с. 123], «супервайзинга духа» [14; 21, с. 123], ставящую на первый план ценности выживания группы.

Выясним, что собой представляет социальная группа, обладающая сознанием и бессознательным и разговаривающая языком прессы, оговорки которого, подобно оговоркам по Фрейду, выдают истинные интересы социальной группы.

Можно было бы предположить, что это — национальное государство (подход К. Клаузевица, К. Шмидта), однако государство состоит из неоднородных по своим интересам социальных групп (прежде всего, марксистский подход, первым поставивший под сомнение наличие единых государственных интересов).

Мы рассмотрим социальные группы, ассоциирующие себя с государством и его интересами, и те, которые противопоставляют свои интересы национальным. Не входя в подробности, что это за социальные группы, предположим, что языком первых разговаривает газета «Известия», а вторых — «Газета.ру».

Газета «Известия» поддерживает национальные, геополитические интересы государства, заключающиеся в расширении и сохранении сфер влияния. В противоположность этому «Газета.ру» с позиций либерализма отождествляет укрепление позиций на международной арене России и действующего антилиберального политического режима. Даже если бы такого отождествления не происходило, либеральное сознание противится выстраиванию супердержавной иерархии и поддерживает выход международных субъектов из сфер влияния супердержав. Впрочем, супердержава, занимающаяся экспортом либеральных ценностей, вызывает симпатию у либерального сознания, поскольку такой неоколониализм в глазах либерального сознания может быть оправдан. Российский же либерализм с его лозунгами «за вашу и нашу свободу» и «восстановление Польши по Днепр» традиционно ассоциирует национальные внешнеполитические интересы с национальным консервативным политическим режимом. Поэтому все, что работает на укрепление позиций России, у «Газеты.ру» скорее будет вызывать антипатию.

Рассмотрим далее ситуацию гражданской войны в Йемене. Это та самая сложная картина событий, когда имеется ряд политических субъектов, о которых нельзя однозначно сказать, каких именно сверхдержав они агенты влияния или потенциальные агенты влияния. Это, например, движение «Ансар Алла» (хуситы), экс-президент Али Абдалла Салех, президент Абд Раббо Мансур Хади и силы, которые эти два человека персонифицируют, «Южный Переходный Совет» и многие другие. Так, президент Салех, объединивший Йемен, за счет чего Россия лишилась такой сферы влияния, как ориентирующийся на нее Южный Йемен, должен быть агентом влияния США, но именно он пал жертвой «арабской весны» — процесса, более однозначно ассоциирующегося с агентами влияния США. Президент Хади, сменивший Салеха ценой невероятных жертв, являлся членом команды Салеха. Он мало чем отличался от Салеха по своей политической программе, по стилю своего политического руководства (если не считать того, что он являлся суннитом, однако вряд ли это было решающим фактором в период ухода Салеха в отставку, как это не было препятствием для Хади занимать при президентстве Салеха руководящие посты в шиитской среде). Соответственно возникают вопросы, какие именно социальные группы стояли за спинами этих президентов.

Непонятна роль «Южного Переходного Совета». «Южный Переходный Совет», пытающийся восстановить государство Южный Йемен (в определенные годы бывшее сферой влияния СССР), находится, при этом, на позиции фундаментализма суннитского толка, что делает его естественным геополитическим союзником Саудовской Аравии, но по ряду причин союз состояться никак не может. И, наконец, хуситы, благодаря своему шиизму тяготеющие к Ирану, традиционному и геополитически-естественному союзнику России, но которые в силу своей антисекюлярности и однозначной нелегитимности явным агентом влияния России быть не могут.

Рассмотрим, поможет ли контент-анализ выявить геополитическую ориентацию подобных субъектов международных отношений на примере хуситов.

Гипотеза исследования: если исходить из сознательной ориентации газет «Известия» и «Газета.ру» и потенциала хуситов в качестве союзника России, контент-анализ должен выявить намерение, возможно, неявное, создать хуситам положительный имидж у «Известий» и отрицательный у «Газеты.ру».

Подтверждение гипотезы позволит рекомендовать контент-анализ в качестве инструмента выявления геополитической ориентации субъектов международных отношений, что сделать без контент-анализа весьма затруднительно.

Базой исследования контент-анализа являются текстовые материалы новостной ленты газет «Известия» и «Газета.ру» за период 4 ноября 2017 г. — 13 июня 2020 г., посвященные событиям в Йемене. Фрагмент материала, составляющего базу исследования, структурированный по наиболее значимым событиям этого периода, приведен в табл. 1.

Таблица 1

Хронология действий воюющих сторон в Йемене и реакция на них средств массовой информации

Table 1. Timeline of the actions of the warring parties in Yemen and the reaction of the media to them

Дата	Событие	Реакция «Газеты.ру»	Реакция «Известий»
4 ноября 2017	Взрыв в Эр-Рияде	Газета не освещала событие	СМИ сообщили о взрыве у аэропорта Эр-Рияда. Опубликовано видео с места взрыва в Эр-Рияде
...	...	...	...
4 декабря 2017	Гибель Салеха	СМИ сообщили об убийстве экс-президента Йемена СМИ: в результате столкновений в Йемене погибли 245 человек	Экс-президент Йемена официально разорвал союз с хуситами. Экс-президент Йемена жив и руководит боями против хуситов. Опубликовано видео с телом якобы убитого экс-президента Йемена. Чиновник из партии экс-президента Йемена Салеха подтвердил его гибель. Внештатный корреспондент Sputnik пропал в Йемене. Лидер хуситов назвал историческим день гибели экс-президента Салеха. Красный Крест сообщил об авиаударах по столице Йемена. Эксперт предсказал новый виток конфликта в Йемене. В Йемене провели обыск в доме пропавшего корреспондента Sputnik

Дата	Событие	Реакция «Газеты.ру»	Реакция «Известий»
5 декабря 2017	Неопределенная ситуация после гибели Салеха	Повстанцы в Йемене удерживают в заложниках 41 журналиста	Повстанцы взяли в заложники более 40 журналистов в Йемене. Бомбардировки Сану угрожают безопасности посольства РФ в Йемене. Жертвами столкновений в столице Йемена за два дня стали 125 человек. Сын убитого экс-президента Йемена призвал отомстить за отца
...	...	...	...
9 апреля 2020	Арабская коалиция объявляет двухнедельное перемирие в Йемене в связи с пандемией COVID-19	Аравийская коалиция объявила перемирие в Йемене	Арабская коалиция объявила о прекращении военной операции в Йемене
26 апреля 2020	Южный Переходный Совет объявляет режим самоуправления в Южном Йемене	Йеменские сепаратисты объявили самоуправление на юге страны	Газета не освещала событие
13 июня 2020	Над Наджраном сбивают баллистическую ракету, запущенную хуситами	Саудовская Аравия сбива ракету над Наджраном	Иран раскритиковал доклад ООН об атаках на саудовские НПЗ

Контент-анализ

В текстах, составивших базу исследования, были выявлены три категории. Первая категория включила в себя все слова, которые можно классифицировать как наименования хуситов, как то: «хуситы», «движение «Ансар Алла» («Ансар Аллах»», «хуситское движение», «мусульмане-шииты, поддерживающие изгнанного президента страны», «хуситская группировка» и т.п. Большинство слов этой категории носят нейтральную эмоциональную окраску.

Вторая категория объединила те наименования хуситов, которые, скорее, вызывают положительные ассоциации: «повстанцы», «йеменская оппозиция», «бойцы».

Третья категория — отрицательные: «мятежники», «военизированная группировка», «радикалы», «боевики», «террористы», «главари» (вместо нейтрального термина по отношению к лидерам хуситов); «террористическая группировка».

Было произведено исследование доли положительных и отрицательных лексем в общем количестве лексем, касающихся хуситов, в текстах материалов «Известий» и «Газеты.ру» за указанный период. Доля положительных лексем у «Известий» составила 23%, отрицательных — 20% (остальные лексемы были нейтральными).

Таблица 2

Распределение положительных и отрицательных лексем наименования хуситов в материалах «Известий» и «Газеты.ру» до, во время и после убийства Салеха
 Table 2. Distribution of positive and negative tokens of the name of the Houthis in the materials of "Izvestia" and "Gazeta.ru" before, during and after the murder of Saleh

Издание/ Эмоциональная окраска лексем	Период до убийства Салеха Ноябрь — 3 декабря 2017	Период во время убийства Салеха и некоторое время спустя 4 декабря 2017 — январь 2018	Период после убийства Салеха 1 февраля 2018 — 13 июня 2020
«Известия»			
Лексемы положительного наименования хуситов, доля в общем количестве лексем наименования хуситов, %	26	23	22
Лексемы отрицательного наименования хуситов, доля в общем количестве лексем наименования хуситов, %	16	24	17
«Газета.ру»			
Лексемы положительного наименования хуситов, доля в общем количестве лексем наименования хуситов, %	0	60	11
Лексемы отрицательного наименования хуситов, доля в общем количестве лексем наименования хуситов, %	0	0	33

У «Газеты.ру» доли положительных и отрицательных лексем оказались равными: обе доли составили 25%.

Гипотеза исследования, таким образом, подтверждается в некоторых своих частях: выявить бессознательные предпочтения «Газеты.ру» не удалось, контент-анализ продемонстрировал ее нейтральное отношение к хуситам. Однако тот же контент-анализ выявил, что «Известия» относятся к хуситам, скорее, положительно. При этом тенденция «Известий» подавать имидж хуситов в положительном ключе незначительна.

Намного более выразительную картину дает частота распределения положительных и отрицательных наименований хуситов по периодам.

Точкой преломления восприятия хуситов явилось убийство ими Салеха: в указанный период это самое яркое проявление их деятельности, самое важное, поскольку оно вызвало перераспределение сил и союзнических связей враждующих сторон, и сильнейшее по эмоциональному воздействию на публику в силу своей жестокости по отношению к известному лицу. Концентрация в российских газетах материалов, посвященных Йемену, тоже наибольшая в районе 4 декабря 2017 г. — даты гибели Салеха.

Если распределить количество упоминаний хуситов с помощью положительных и отрицательных лексем по периодам: а) до убийства Салеха; б) в момент его убийства и некоторое время спустя, сопровождающееся остаточными явлениями эмоциональной реакции на убийство, а затем некоторой растерянностью в плане определения своей позиции; в) последующий период, — то получается следующая картина, представленная в табл. 2.

Как видно из табл. 2, в отношении «Известий» гипотеза подтверждается. Если посмотреть на соотношение положительных и отрицательных лексем по периодам, то преимущество положительных лексем над отрицательными выглядит достаточно выразительным. То, что «Известия» положительно воспринимают хуситов, уже не подлежит сомнению, исключение составляет только период убийства Салеха: тогда процент отрицательных лексем преобладает, хотя и незначительно. Другими словами, незначительность преобладания процента положительных лексем за весь период исследования у «Известий» вызвана тем, что было много отрицательных лексем в момент убийства Салеха.

Что касается «Газеты.ру», с конца Гражданской войны в Йемене — с 2015 г. — и до 4 декабря 2017 г., это СМИ крайне мало уделяло внимания Йемену в своих материалах, а в период с ноября 2017 г. и до 3 декабря 2017 г. не уделяло совсем. По всей видимости это являлось результатом того, что события в Йемене в этот период не вызвали крупного международного резонанса и не касались России напрямую. «Известия» традиционно являлись более увлеченными международными отношениями, даже в новостной ленте. Однако в период убийства Салеха доля положительных лексем наименования хуситов в новостной ленте «Газеты.ру» составила 60%, упоминания же хуситов в отрицательном ключе не было ни одного.

Здесь напрашивается только один вывод: подсознательно «Газета.ру» настолько приветствует гибель Салеха, что создает однозначно положительный имидж его убийцам, несмотря на то, что относится к хуситам отрицательно. Последнее доказывается значительным преобладанием отрицательных лексем наименования хуситов над положительными в период после убийства Салеха (33% против 11%).

Исследование частоты употребления положительных и отрицательных лексем наименования хуситов подтверждает и вторую часть гипотезы: «Газета.ру» воспринимает хуситов отрицательно, нейтральное отношение «Газеты.ру» к хуситам за полный период исследования конструируется за счет очень высокого процента положительных лексем наименования хуситов во время убийства Салеха.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: «Известия» создают положительный образ хуситам, а «Газета.ру» — отрицательный.

Неожиданным бонусом, поскольку такая задача изначально в исследовании не ставилась, стал ответ на вопрос о геополитической ориентации Салеха: отрицательное отношение к нему, продемонстрированное «Газетой.ру», позволяет заключить, что он был, скорее, потенциальным союзником России.

Выводы

1. При сложной картине событий в условиях неясности геополитической ориентации субъекта международных отношений, его геополитическую ориентацию способен выявить контент-анализ языка прессы, являющийся инструментом вскрытия бессознательного определенной социальной группы.
2. Йеменское движение «Ансар Алла» (хуситы), при всей его одиозности и неоднозначности, следует признать сферой интересов России. Об этом свидетельствует контент-анализ, который выявил положительное отношение к движению со стороны газеты «Известия» с ее ориентацией на национальные интересы России и отрицательное — «Газеты.ру» с ее ориентацией на либеральные ценности.

Литература

1. Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.
2. Де Роберти Е. Задачи социологии / Социология в России XIX — начала XX веков : тексты. М., 1997. Вып. 2.
3. Дюркгейм Э. Метод социологии / Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1990. С. 391–532.
4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения. В 3-х т. Т. 1. М. : Политиздат, 1983. С. 418–516.
5. Эспинас А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии с прибавлением краткой истории социологии. СПб., 1898.
6. Bonald L. de. Démonstration philosophique du principe constitutive de la société / Oeuvres complètes. Paris : Le Clère, 1817–1843. (reprint Genève: Slatkine, 1982). Т. XII.
7. Bonald L. de. Du Divorce considéré de XIX siècle relativement à l'état domestique et à l'état public de société / Oeuvres complètes. Paris: Le Clère, 1817–1843. (reprint Genève: Slatkine, 1982). Т. V.
8. Bonald L. de. Essai analytique sur les lois naturelles de l'ordre social / Oeuvres complètes. Paris: Le Clère, 1817–1843. (reprint Genève: Slatkine, 1982). Т. I.
9. Bonald L. de. Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et l'histoire / Oeuvres complètes. Paris : Le Clère, 1817–1843. (reprint Genève: Slatkine, 1982). Т. XIII–XIV.
10. Durkheim E. Représentations individuelles et représentations collectives // Revue de métaphysique et de morale. 1898. N 6. P. 273–302.
11. Durkheim E. Sociologie et philosophie. P., 1924.
12. Habermas J. Theorie und Praxis: Sozialphilosophische Studien. Frankfurt a. M., 1963.
13. Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt a. M., 1970, 5:e utv. unpl., 1982.
14. Halbwachs M. La Psychologie collective. Paris : CDU, 1938.
15. Heilbron J. Les métamorphoses du durkheimisme. 1920–1940 // Revue française de sociologie. 1985. N 26. P. 203–237.
16. Hirsch T. Maurice Halbwachs et la sociologie religieuse: Des Formes aux Cadres sociaux de la mémoire // Archives des sciences sociales des religions. 2012. Vol. 159. P. 225–245.
17. Karsenti B. Autorité, société, pouvoir. La science sociale selon Bonald / L'invention de la société. Paris: EHESS. 2003. P. 261–286.
18. Lacombe R. La thèse sociologique en psychologie // Revue de métaphysique et de morale. 1926. Vol. 33. N 3. P. 351–377.
19. Lukes S. Emile Durkheim. His Life and Work. A Historical and Critical Study. Harmondsworth, 1977.
20. Marcel J.-C. Les deux catégories cachées de La Doctrine de Durkheim. Le programme de sociologie de la connaissance d'Halbwachs // Durkheimian Studies. 2018. Vol. 24. P. 121–132.
21. Marcel J.-C. Mauss et Halbwachs: vers la foundation d'une psychologie collective (1920–1945) // Sociologie et Sociétés. 2004. 36. 2. P. 73–90.
22. Marcel J.-C. Mémoire, espace et connaissance chez Maurice Halbwachs / En: Jaisson M. et Baudelot C. (dir.). Maurice Halbwachs, sociologue retrouvé. Paris: Presses de l'ENS, 2007. P. 103–126.
23. Mucchielli L. Pour une psychologie collective: l'héritage durkheimien d'Halbwachs et sa rivalité avec Blondel durant l'entre-deux guerres // Revue d'histoire des sciences humaines. 1999. Vol. 1. P. 103–141.
24. Mucchielli L. Sociologie et psychologie en France, l'appel à un territoire commun: vers une psychologie collective (1890–1940) // Revue de synthèse. 1994. 115. 3–4. P. 445–483.
25. Pranchère J.-Y. Totalité sociale et hiérarchie. La sociologie théologique de Louis de Bonald // Revue européenne des sciences sociales. 2011. 49–2. P. 145–167.

Об авторах:

Антончева Ольга Алексеевна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; antoncheva-oa@ranepa.ru

Апанасенко Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

References

1. Vundt V. Problems of the psychology of peoples. M., 1912. (In rus)
2. De Roberti E. Problems of sociology / Sociology in Russia XIX — early XX centuries: the texts. M., 1997. Vol. 2. (In rus)
3. Durkheim E. Method of sociology / On the division of Social Labour. M. : Nauka, 1990. P. 391–532 (In rus)
4. Marx K. Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte / Marx K., Engels F. Selected works. Vol. 1. M. : Politizdat, 1983. P. 418–516. (In rus)
5. Espinas A. Social life of animals. Experience of comparative psychology with the addition of a brief history of sociology. SPb., 1898. (In rus)
6. Bonald L. de. Démonstration philosophique du principe constitutive de la société / Oeuvres completes. Paris: Le Clère, 1817–1843. (reprint Genève: Slatkine, 1982). T. XII.
7. Bonald L. de. Du Divorce considéré de XIX siècle relativement à l'état domestique et à l'état public de société /Oeuvres completes. Paris : Le Clère, 1817–1843. (reprint Genève: Slatkine, 1982). T. V.
8. Bonald L. de. Essai analytique sur les lois naturelles de l'ordre social /Oeuvres completes. Paris: Le Clère, 1817–1843. (reprint Genève: Slatkine, 1982). T. I.
9. Bonald L. de. Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par le raisonnement et l'histoire /Oeuvres completes. Paris : Le Clère, 1817–1843. (reprint Genève: Slatkine, 1982). T. XIII–XIV.
10. Durkheim E. Représentations individuelles et représentations collectives // Revue de métaphysique et de morale. 1898. N 6. P. 273–302.
11. Durkheim E. Sociologie et philosophie. P., 1924.
12. Habermas J. Theorie und Praxis: Sozialphilosophische Studien. Frankfurt a. M., 1963.
13. Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt a. M., 1970, 5:e utv. upnl., 1982.
14. Halbwachs M. La Psychologie collective. Paris: CDU, 1938.
15. Heilbron J. Les métamorphoses du durkheimisme. 1920–1940 // Revue française de sociologie. 1985. N 26. P. 203–237.
16. Hirsch T. Maurice Halbwachs et la sociologie religieuse: Des Formes aux Cadres sociaux de la mémoire // Archives des sciences sociales des religions. 2012. Vol. 159. P. 225–245.
17. Karsenti B. Autorité, société, pouvoir. La science sociale selon Bonald / in L'invention de la société. Paris: EHESS. 2003. P. 261–286.
18. Lacombe R. La thèse sociologique en psychologie // Revue de métaphysique et de morale. 1926. Vol. 33. N 3. P. 351–377.
19. Lukes S. Emile Durkheim. His Life and Work. A Historical and Critical Study. Harmondsworth, 1977.
20. Marcel J.-C. Les deux catégories cachées de La Doctrine de Durkheim. Le programme de sociologie de la connaissance d'Halbwachs // Durkheimian Studies. 2018. Vol. 24. P. 121–132.
21. Marcel J.-C. Mauss et Halbwachs: vers la foundation d'une psychologie collective (1920–1945) // Sociologie et Sociétés. 2004. 36. 2. P. 73–90.
22. Marcel J.-C. Mémoire, espace et connaissance chez Maurice Halbwachs / En: Jaisson M. et Baudelot C. (dir.). Maurice Halbwachs, sociologue retrouvé. Paris : Presses de l'ENS, 2007. P. 103–126.
23. Mucchielli L. Pour une psychologie collective: l'héritage durkheimien d'Halbwachs et sa rivalité avec Blondel durant l'entre-deux guerres // Revue d'histoire des sciences humaines. 1999. Vol. 1. P. 103–141.
24. Mucchielli L. Sociologie et psychologie en France, l'appel à un territoire commun: vers une psychologie collective (1890–1940) // Revue de synthèse. 1994. 115. 3–4. P. 445–483.
25. Pranchère J.-Y. Totalité sociale et hiérarchie. La sociologie théologique de Louis de Bonald // Revue européenne des sciences sociales. 2011. 49–2. P. 145–167.

About the authors:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; antoncheva-oa@ranepa.ru

Tatiana E. Apanasenko, Independent researcher (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanasenko2008@mail.ru

Рефлексивное управление как основа обеспечения военной безопасности современного государства

Амуров М. А.

Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; amurov10@bk.ru

РЕФЕРАТ

Целью данной статьи выступает обоснование детерминанты современных изменений политики военной безопасности, которой выступает рефлексивное управление. Военная безопасность в статье рассматривается как функция от политических установок и стратегических решений, а ее управленческая основа — как изменяющийся и изменяемый механизм, призванный соответствовать региональным и глобальным запросам и тенденциям развития общества. Автор обосновывает предположение о том, что система обеспечения военной безопасности сегодня требует радикальной управленческой трансформации, а ключевым механизмом этой трансформации является рефлексивное управление. Исследование носит теоретический характер, а его основным *методом* выступает концептуальная трансформация управленческого аспекта политики военной безопасности сквозь призму теории рефлексивного управления. Концепция рефлексивного управления до сих пор не получила должного развития в отечественной науке, однако ее актуальность определяется существенным изменением сложившихся перспектив анализа, разработки и реализации политики военной безопасности в мирное время: (1) смещением внимания управленцев на механизмы трансформации институтов военной безопасности на глобальные вызовы; (2) активизацией дискуссий об «открытых» и «закрытых» пространствах в политике; (3) развитием потенциала управления, основанного на непрерывном образовании, на сетевом управлении и многоуровневом принятии решений. В рамках рефлексивного управления когнитивные и нормативные убеждения формируют политико-административную иерархию и экономические стимулы в качестве механизмов координации военной безопасности. При этом механизм обеспечения военной безопасности состоит из таких компонентов, как (1) субъекты и (2) объекты обеспечения военной безопасности; (1) нормативно-правовой, (2) теоретико-исследовательский и (3) предметно-деятельностный компоненты обеспечения военной безопасности. Рефлексивное управление, становясь основой военной безопасности современного государства, подразумевает, что в гонке вооружений страны не должны забывать о более глубоких, фундаментальных целях управления государством. Любые действия и в рамках прямого обеспечения военной безопасности, и в рамках дипломатического регулирования отношений на международной арене, должны предаваться коллективной и индивидуально-управленческой рефлексии лиц, принимающих решения. Ключевую роль в политике военной безопасности должна играть не теория ведения войны, а разработка инструментов, помогающих решать возникающие конфликты мирным путем.

Ключевые слова: военная безопасность, рефлексивное управление, механизм обеспечения военной безопасности, управленческие трансформации

Для цитирования: Амуров М. А. Рефлексивное управление как основа обеспечения военной безопасности современного государства // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 45–54.

Reflexive Governance as the Basis for Military Security in a Modern State

Mark A. Amurov

Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; amurov10@bk.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to substantiate the determinants of contemporary changes in military security policy, which is reflexive management. Military security is considered as a function of political attitudes and strategic decisions, and its governmental potential is a changing mechanism designed to meet regional and global demands and tendencies of society development. The author substantiates the assumption that today, the system of ensuring military security requires radical governmental transformation, and the key mechanism of this transformation is reflexive governance. The theoretical research method is a conceptual transformation of the governmental aspect of the military security policy through the prism of the theory of reflexive governance. The concept of reflexive governance has not yet been properly developed in Russian academic investigations, but its relevance is determined by a substantial change in the existing prospects for the analysis, development, and implementation of the military security policy in times of peace: (1) shifting the attention of civil servants to the mechanisms of transformation of military security institutions to global challenges; (2) activation of discussions about “open” and “closed” spaces in politics; (3) development of the potential of governance based on continuous education and network management; and (4) development of a network governance system. Within the framework of reflexive governance, cognitive and normative beliefs form the political-administrative hierarchy and economic incentives as mechanisms for coordinating military security. At the same time, the mechanism of ensuring military security consists of such components as (1) subjects and (2) objects of military security; (1) normative and regulatory, (2) theoretical and research, and (3) activity components of military security. Reflexive governance, while becoming the basis of the military security in a modern state, implies that in the arms race countries should not forget about deeper, fundamental goals of state management. Any action both within the framework of direct provision of military security and within the framework of diplomatic regulation of relations in the international arena should be devoted to collective and individual-administrative reflexing of decision makers. A key role in military security policy should be played not by the theory of warfare, but by the development of tools to help resolve emerging conflicts peacefully.

Keywords: military security, reflexive governance, mechanism of ensuring military security, governance transformations

For citing: Amurov M. A. Reflexive Governance as the Basis for Military Security in a Modern State // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 45–54.

Введение

Обеспечение военной безопасности — приоритетная задача каждой страны. На сегодняшний день система военной безопасности — это самый сложный механизм, включающий в себя множество субъектов, объектов, этапов. Однако важнейшим и часто забываемым сегодня принципом исследований безопасности (security studies) является то, что военная безопасность любого государства представляет собой значимый элемент его политической системы [24]. От качества обеспечения системы военной безопасности и вооруженности зависит место страны в мировом сообществе.

Так, важнейшей задачей любого государства является защита собственной государственной границы, поэтому, например, Россия охраняет приграничное пространство, представленное различными зонами. Это и воздушное пространство, и континентальный шельф, и земельное пространство. Кроме того, под охраной приграничных зон находятся и ресурсы в этих зонах. На международном уровне Российская Федерация обеспечивает защиту своих объектов, которые находятся не на территории государства. К ним относятся объекты, размещенные на территориях других государств, в Мировом океане, в космосе. Если того требует политика государства, Вооруженные силы Российской Федерации поддерживают политические акции путем проведения военных мероприятий. Кроме того, в мирное время проводится подго-

товка к гражданской обороне, обеспечивается развитие необходимой военной инфраструктуры, военной безопасности населения на случай военных действий; с гражданами производится информационная работа по вопросам обеспечения военной безопасности государства. Также в мирное время обеспечивается контроль за выполнением договорных обязательств в области уменьшения вооружения, планируются и проводятся мероприятия, целью которых является укрепление доверия между странами. Кроме того, страна постоянно демонстрирует готовность к участию в миротворческих операциях. Для этого правительством непрерывно выделяются ресурсы как человеческие, так и материальные и технические. Военная безопасность в политическом измерении — это непрекращающийся диалектический поток вопросов войны и мира, доминанты которой определяются сложившейся здесь-и-сейчас политической ситуацией.

Тем не менее, благодаря глобальным процессам демократизации, гуманизации и информатизации общества, все больше стран — и Россия в том числе — приходят к выводу, что, несмотря на всеобщую гонку вооружения, стоит сделать курс на стремление к мирным взаимоотношениям, как во внутренней, так и во внешней политике. Несмотря на множество постоянно развивающихся военных технологий, каждое государство должно стремиться к установлению всеобщего мира путем использования инструментов такого характера, которые помогут решать возникающие конфликты на ранней стадии и преимущественно мирным путем [1; 5]. И поскольку военная безопасность — функция от политических установок и стратегических решений, ее управленческая основа неизбежно меняется. Характеристика этих — управленческих — изменений составляет содержание данной статьи. Более конкретно, в нашу задачу входит обоснование детерминанты этих изменений, которой является рефлексивное управление, а также — на основе теоретического анализа — характеристика структуры механизма обеспечения военной безопасности в ситуации управленческой рефлексивности.

Теоретические основы

Обеспечение военной безопасности страны направлено на защиту внешних и внутренних границ, свобод и интересов общества и всего государства от возможных опасностей и военных угроз со стороны потенциальных агрессоров. В мирное время благодаря институту военной безопасности организуется процесс стабильности внутри страны, с целью защиты конституционного строя, а также целостности и неприкосновенности территорий; должна быть сформирована и реализована единая политика государства, касающаяся вопросов военной безопасности страны [12, с. 6]. В отсутствие военных действий особо важно иметь дружественные отношения со странами-соседями и другими государствами. Это позволяет иметь союзников в дополнение к уже имеющейся системе обороны государства, которую также надо совершенствовать и обновлять с течением времени. Вместе с тем, Вооруженные силы государства и другие войска должны обеспечивать постоянную готовность по предотвращению, ликвидации или локализации угроз как внешних, так и внутренних. В свою очередь государство должно обеспечивать все условия для качественного совершенствования, как Вооруженных сил, так и других войск. В Российской Федерации, например, подробнейшим образом разработаны меры, которые предусматривают экстренный переход Вооруженных сил и других войск на военное положение. Как было показано в [2], в случае необходимости, предприятия оборонно-промышленного комплекса РФ могут перейти на выпуск военной продукции, а органы государственного и военного управления смогут организовать и подготовить граждан к военному положению, предоставив информацию и задачи по организации военной безопасности, основных моментах гражданской обороны.

В отличие от политики мирного или погранично-военного времени, в период наличия непосредственной угрозы и начала вооруженного конфликта в первую очередь должно быть своевременно объявлено состояние войны [11]: введен режим военного или чрезвычайного положения, проведено обеспечение территорий Вооруженными силами, а также эти Вооруженные силы должны быть приведены в боевую готовность. После этого происходит координация действий деятельности федеральных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, населения в связи с военным положением с целью отражения агрессии, которая присутствует в отношении государства. После обеспечения экстренных мер, военное положение в стране должно затронуть все области и отрасли. Должна быть скоординированная борьба различного характера — вооруженная, политическая, дипломатическая, экономическая и информационная. Военные действия должны проходить по четко регламентированному плану. В период военной угрозы страна переводит свои отрасли и предприятия, а также транспорт и коммуникации на условия работы в военном положении. Вводятся мероприятия по обеспечению гражданской обороны. Решив вопросы внутреннего положения в стране, необходимо обратиться к союзникам для более быстрой реализации военных целей в сложившейся ситуации. Кроме того, важным моментом является предотвращение вступления других стран в союз с агрессором. Этому может способствовать обращение потерпевшей стороны в ООН или другие международные организации.

На сегодняшний день организация военных действий представляет собой комплексную систему интеграции различных параллельных процессов, таких как наблюдение, разведка, навигация и пр. Действия должны быть синхронизированы во времени и пространстве, поскольку их реализация происходит в очень высоком темпе средствами современных технических вооружений [8; 13]. Сегодня на первое место выходят внедрение в армию новых технологий, высокоточного оружия, адресного координирующего материально-технического снабжения. Эти новинки занимают классические военные понятия, такие как оборона, маневр, нанесение удара. Точный расчет и анализ на краткосрочную и долгосрочную перспективу с помощью современных технических средств и вооружений позволяют спланировать предстоящие сценарии боевых действий.

Одну из ведущих ролей в организации Вооруженных сил Российской Федерации играют информационные технологии. Именно информационные технологии, включающие в себя физические, когнитивные, управленческие функции, охватывают каждый элемент системы военного дела. Это основа системы боевого управления, передачи информации, организации контроля за обеспечением материально-технической части [13, с. 201]. Современные информационные технологии позволяют организовать взаимодействие всех боевых элементов и участников военного столкновения, мобилизовать систему контроля и управления, а также организовать коммуникационную работу, тем самым помогая автоматизировать процесс принятия итогового решения. Другими словами, информационные технологии, применяемые сегодня в военном деле, позволяют сохранять главный ресурс — время. Отдельно стоит отметить, что информационные технологии начинают занимать ведущее положение в некоторых военных областях: это касается робототехники, беспилотной авиации, технического зрения и т. д. Одной из важных научных перспектив развития военного обеспечения является топогеодезическое и навигационное обеспечение. Данные технологии несут в себе функцию объективного и оперативного предоставления информации [16; 20].

Процесс обработки информации основан на использовании технических средств. Среди основных средств следует выделить программы и устройства по распознаванию изображений, видео, голоса, нейронных сетей. На сегодняшний день актив-

но внедряются технологии, основанные на искусственном интеллекте. Совокупность использования технических средств позволяет более точно и оперативно принимать решения, а также вести контроль над командованием Вооруженными силами. Для этого необходима точная и оперативная информация. Именно поэтому технический прогресс не стоит на месте, постоянно совершенствуются инструменты, позволяющие при необходимости гибко реагировать на поступающую информацию о новых угрозах и действиях противника. Поступающая информация обрабатывается техническими средствами, ведь чем современнее применяемые технологии сбора и обработки информации, тем выше шансы на опережение и отражение угрозы со стороны противника.

В числе самых точных технологических носителей цифровой аудио- и видеосвязи следует отметить аэрокосмическую, оптико-электронную разведку, с применением цифровой и компьютерной обработки. Они позволяют формировать карты местности, различного рода базы данных [7, с. 42], создавать объемные карты местности, которые используют для отработки, к примеру, на летных тренажерах. Также эти данные широко используются для прогнозирования боевых действий и их последствий.

Тем не менее, несмотря на выверенную историей четкость действий по обеспечению военной безопасности в мирное время и их трансформаций в случае эскалации конфликтов; несмотря на усложняющиеся технические инновации в сфере военных действий, реализация политики военной безопасности с каждым десятилетием становится все сложнее. Это касается и России, и других стран мира. Практика последних десятилетий показывает, что прописанные механизмы действий не срабатывают, а традиционных дипломатических усилий недостаточно для того, чтобы принудить агрессора прекратить вооруженный конфликт. Все это является основанием предположить, что система обеспечения военной безопасности сегодня требует радикальной управленческой трансформации, а ключевым механизмом этой трансформации как, впрочем, и функционирования новой системы военной безопасности, является рефлексивное управление.

Концепция рефлексивного управления предполагает существенное изменение сложившихся перспектив анализа, разработки и реализации политики военной безопасности в мирное время. Во-первых, следуя постулатам «рефлексивной мод-эрнитизации» [18], внимание управленцев перемещается с оптимизации институциональных рамок для целей оборонительной или охранительной политики на механизмы, с помощью которых институты военной безопасности трансформируются в ответ на вызовы глобализации, гуманизации и демократизации общества. Во-вторых, концепция рефлексивности как самокритической рефлексии, нацеленной на изучение внутриинституциональных предположений и гипотез [25], постепенно приводит к активизации дискуссий об «открытых» и «закрытых» пространствах в политике, связанных в том числе с открытостью данных и гибкостью управления. В-третьих, концепция рефлексивного управления развивает множество дискуссий об управлении, основанном на непрерывном образовании [23], о сетевом управлении [19] и многоуровневом принятии решений [22]. В этом контексте рефлексивность обозначает такой способ управления, при котором когнитивные процедуры предназначены для создания обратной связи по многочисленным регуляторным механизмам с целью оказания влияния на интересы участников, а через них — на регуляцию непосредственно действий. В рамках рефлексивного управления когнитивные и нормативные убеждения формируют политико-административную иерархию и экономические стимулы в качестве механизмов координации военной безопасности [15]. Ассоциируя рефлексивность с управлением, термин «рефлексивное управление» подразумевает, что трансформационные социальные, политические и институ-

циональные изменения в ответ на вызовы внешнего по отношению к конкретному государству развития могут стать объектом управления.

В.А. Лефевр [10, с. 87] определяет рефлексивное управление в контексте реализации военной безопасности как процесс, включающий в себя действия одной стороны, которая передает противнику основание для принятия решения. Другими словами, это воздействие на противника с помощью определенных манипуляций, причем противник будет принимать решение, устраивающее первую сторону неосознанно [6, с. 45]. Взаимодействие информационных технологий в процессе рефлексивного управления может как затормозить процесс, так и помочь ему. Технологии позволяют оперативно и глубоко просчитывать и пересчитывать любые действия, а поэтому существует угроза вычисления того, что то или иное военное мероприятие является рефлексивным. С другой стороны, принятие решения ложится на человека, поэтому информационно-технологическому обеспечению все же не хватает человеческого фактора. Манипуляция уже не выступает чисто человеческим способом взаимодействия. Сегодня в процесс ведения войны активно внедряются технологии, способные просчитывать миллионы вариантов, поэтому война человека с человеком теряет свою актуальность. В технически развитом мире характер войны дополняется видом «человек против машины» и «машина против машины». Именно поэтому важно развивать возможность совместного использования информационных технологий и рефлексивного управления. Примером может служить организация процесса предупреждения и снижения угроз в киберпространстве.

Результаты и обсуждение

Обеспечение военной безопасности в новой парадигме рефлексивного управления предполагает выполнение комплекса условий и действий, которые позволят предотвратить, минимизировать или ликвидировать угрозу, возникающую перед государством наиболее эффективным образом. Механизм обеспечения военной безопасности и представляет собой этот комплекс условий и действий, совокупность субъектов, работа которых направлена на выявление опасностей и угроз, разработку стратегии противостояния, организацию, согласно законодательству, соответствующей военно-политической деятельности по устранению всевозможных опасностей, угрожающих государству, обществу, личности. Данный механизм состоит из следующих компонентов.

1. *Субъекты обеспечения военной безопасности* — совокупность органов и организаций и конкретных людей, которые задействованы в системе военной безопасности, основанной на рефлексивном управлении. На основании рефлексии имеющихся возможностей государства и сил потенциальных противников они обеспечивают решение задач по предотвращению и ликвидации военных угроз. Сфера их деятельности ограничена полномочиями и компетенциями, предоставляемыми государством. Субъектами обеспечения военной безопасности являются все институты, органы и организации, начиная с Президента Российской Федерации и Совета Безопасности Российской Федерации и заканчивая обычными организациями и простыми гражданами [4].

2. *Объекты обеспечения военной безопасности* в рамках парадигмы рефлексивного управления представляют собой интересы государства, общества, личности. К интересам личности следует относить непосредственно жизнь и права граждан, предоставление защиты стабильности во всех сферах, организацию безопасных и посильных условий труда, защиту охраны труда, защиту населения от вооруженных и воинствующих религиозных группировок. С политической точки зрения объектом обеспечения военной безопасности является любая среда, которая высту-

пает необходимым объектом защиты в случае военных действий. К таким объектам относятся экономическая, научная, социальная, духовная и другие сферы. Кроме того, следует отметить противодействие агрессии, направленной на целостность государства, противодействие коррупции, противодействие криминализации различного рода структур и военную защиту основ политической власти, которые также относятся к объектам обеспечения военной безопасности. При этом понятие «национальная безопасность» представляет собой защиту государства, общества и личности от угроз как внутренних, так и внешних, предоставление необходимого и достойного качества жизни, независимость, территориальную целостность [3]. Все эти условия подкрепляются обязательным устойчивым социально-экономическим развитием в Российской Федерации.

3. *Нормативно-правовой компонент обеспечения военной безопасности* включает законодательные акты, нравственные нормы и правила, которые направлены на создание и поддержание безопасных условий в стране. Среди нормативных актов встречаются законы «Об обороне», «О безопасности», «Стратегия национальной безопасности», «Военная доктрина» и т. д. Эти документы определяют политику государства, действия власти в условиях предупреждения и ликвидации военных действий, а также их обязанности при введении чрезвычайного положения [9]. Кроме того, в рамках рефлексивной парадигмы среди правовых принципов для всех субъектов обеспечения военной безопасности следует выделить моральные нормы, такие как личная ответственность, честь, достоинство, нравственность [20].

4. *Теоретико-исследовательский компонент механизма обеспечения военной безопасности* — фундаментальное, носящее мировоззренческий характер и постоянно развивающееся, рефлекслируемое знание о сущности, смысле и реальных механизмах военной безопасности. В стремительно меняющемся мире важно исследовать направления обеспечения безопасности, разрабатывать план действий, как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу. Постоянно меняется характер угроз, которые могут затронуть государство [17]. Это предполагает необходимость организации постоянного процесса исследовательской работы, которая обеспечит наличие максимально возможной рефлексии и детальной работы с информацией, исходя из которой можно выстраивать стратегию военной безопасности. Проблемы идеологии и методологии военной безопасности решаются большим количеством специалистов. Среди основных проблем научного обеспечения деятельности по обеспечению уровня военной безопасности можно отметить:

- прогнозирование мировой военно-политической обстановки и военной безопасности страны в связи с этой обстановкой;
- анализ существующего процесса управления военной безопасностью государства;
- теоретический разбор возможных угроз, которые могут быть реализованы в отношении Российской Федерации;
- постоянное совершенствование процесса развития теории и практики военной безопасности Российской Федерации [11; 15; 21].

Решением этих проблем занимаются многие специалисты, целый ряд гражданских и военных исследовательских организаций. Кроме того, в нашей стране с целью решения теоретико-исследовательских вопросов был создан научный совет при Совете Безопасности Российской Федерации.

5. *Предметно-деятельностный компонент* отвечает за организацию конкретных действий. Действия субъектов основаны на рефлексии, выраженной уже в конкретной системе принципов, направление которых исходит из основных целей военной безопасности государства. Другими словами, понятие предметно-деятельностного компонента включает в себя заранее просчитанные действия субъектов обеспечения военной безопасности, которые они применяют на каждой ступени развития стратегии с помощью необходимого технического обеспечения и на основании

установленных методов в интересах государства, общества, личности. Действия по обеспечению военной безопасности должны проходить по четко спланированному сценарию, включающему:

- анализ возможных угроз, согласно военной обстановке на данный момент времени в стране;
- информирование субъектов военной безопасности, в которое входит отчет о состоянии объектов безопасности и их действиях в вопросах ликвидации военных угроз, представляющих опасность для государства;
- принятие решений на первоначальных этапах, при обнаружении военной угрозы, по ее нейтрализации, согласно имеющимся на данный момент военным возможностям государства;
- организацию процесса мобилизации всех субъектов обеспечения военной безопасности государства. Данные мероприятия проводятся для наиболее быстрого решения задач по ликвидации и отражению возникающих военных угроз;
- анализ результативности проведенных мероприятий, внесение корректировок в утвержденный план мероприятий, в случае наличия военных угроз в будущем.

Таким образом, обеспечение военной безопасности страны представляет собой совокупность всех составляющих общего механизма. От готовности и качества исполнения функции каждого из компонентов зависит общий исход выхода страны из военного положения. Только сплоченная качественная работа по заранее утвержденному плану с большей вероятностью приведет к успеху. Каждый из выше рассмотренных компонентов является важным, ведь невозможно существование одного компонента без другого, например, без теоретико-методологической основы нельзя грамотно построить предметно-деятельностный компонент. Рефлексивное управление, становясь основой военной безопасности современного государства, подразумевает, что в гонке вооружений страны не должны забывать о более глубоких, фундаментальных целях управления государством. Любые действия и в рамках прямого обеспечения военной безопасности, и в рамках дипломатического регулирования отношений на международной арене, должны предаваться коллективной и индивидуально-управленческой рефлексии лиц, принимающих решения. Современная политологическая теория и практика военной безопасности должна быть основана на рефлексивном управлении; ключевую роль должна играть не теория ведения войны, а разработка инструментов, помогающих решать возникающие конфликты мирным путем.

Литература

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Васильченко В. А. Идеологическая война против России: анализ внешних и внутренних акторов // Политэкс. 2017. Т. 13. № 3. С. 40–56.
2. Балашов А. И. Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 34 (319). С. 46–55.
3. Белозеров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11.
4. Белозеров В. К. Военная доктрина России: в начале большого пути // Власть. 2015. № 2. С. 98–103.
5. Гареев М. А. Угрозы современного мира // Национальные приоритеты России. 2014. № 1 (11). С. 8–16.
6. Иванов В. В., Маркус А. С. Топогеодезическая карта XIX века // Армейский сборник. 1999. № 9. С. 42–45.
7. Ивашов Л. Г. Мир на изломе истории. Хроники геополитических сражений. М. : Книжный мир, 2018.
8. Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики: тенденции на 2020–2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 38–62.
9. Кучерявый М. Глобальное информационное общество и проблемы безопасности // Власть. 2013. № 9. С. 91–92.

10. Лефевр В. А. Лекции по теории рефлексивных игр. М. : Когито-Центр, 2009.
11. Махонин В. А. Государственная идеология и внешние войны: четыре века российского опыта // Военная мысль. 2011. № 5. С. 3–18.
12. Радиков И. В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Политические науки. 2017. № 4. С. 6–11.
13. Радиков И. В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ. СПб., 2017.
14. Скулаков Р. М. Территориальная целостность государства в системе научных категорий и ее методологическое значение для военного права // Военное право. 2017. № 3. С. 13–30.
15. Смолян Г. Л. Рефлексивное управление — технология принятия манипулятивных решений // Труды института системного анализа РАН. М. : Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. 2013. С. 54–61.
16. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М. : АСТ, Транзиткнига, 2005.
17. Avant D. D., Finnemore M., Sell S. K. Who governs the globe? In: D. D. Avant, M. Finnemore, S. K. Sell (eds). Who governs the globe? Cambridge: Cambridge University Press, 1–32. 2010.
18. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
19. Buzan B., Ole W. et al. (ed.) Security: A new framework for analysis. Boulder : Lynne Rienner, 1998.
20. Daase C., Friesendorf C. Introduction: security governance and the problem of unintended consequences. In: Daase C., Friesendorf C. (eds.). Rethinking security governance: the problem of unintended consequences. London : Routledge, 1–20. 2010.
21. Innes M. Policing uncertainty: countering terror through community intelligence and democratic policing. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 605: 222–241. 2006.
22. Marsden T. From post-productionism to reflexive governance: Contested transitions in securing more sustainable food futures. Journal of Rural Studies, 29, 123–134. 2013.
23. Meadowcroft J. Environmental political economy, technological transitions and the state. New Political Economy, 10 (4): 479–498. 2005.
24. Rose N., Miller P. Political power beyond the state: problematics of government. British Journal of Sociology, 43 (2): 173–205. 1992.
25. Stirling A. Precaution, foresight and sustainability: Reflection and reflexivity in the governance of science and technology. In: Voß J.-P., Bauknecht D., Kemp R. (eds.), Reflexive governance for sustainable development (p. 225–272). Cheltenham : Edward Elgar, 2006.
26. Torgerson D. Reflexivity and developmental constructs: The case of sustainable futures. Journal of Environmental Policy & Planning. 20 (6). 781–791. 2018.

Об авторе:

Амуров Марк Александрович, Помощник члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); amurov10@bk.ru

References

1. Avksentiev V. A., Aksyumov B. V., Vasilchenko V. A. Ideological war against Russia: analysis of external and internal actors // Politex [Politeks]. 2017. V. 13. N 3. P. 40–56. (In rus)
2. Balashov A. I. Military potential and economic restrictions of the Russian army // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost']. 2015. V. 11. N 34 (319). P. 46–55. (In rus)
3. Belozеров V. K., Soloviev A. V. Hybrid war in domestic political and scientific discourse // Power [Vlast']. 2015. N 9. P. 5–11. (In rus)
4. Belozеров V. K. Military doctrine of Russia: at the beginning of the big path // Power [Vlast']. 2015. N 2. P. 98–103. (In rus)
5. Gareev M. A. Threats of the modern world // National priorities of Russia [Natsional'nye priority Rossii]. 2014. N 1 (11). P. 8–16. (In rus)
6. Ivanov V. V., Marcus A. C. Topogeodetic map of the XIX century // Army collection [Armeiskii sbornik]. 1999. N 9. P. 42–45. (In rus)

7. Ivashov L. G. Peace on the fracture of history. Chronicles of geopolitical battles. M.: Book world. 2018. (In rus)
8. Kokoshin A. A. Some macro-structural changes in the world policy system: trends for the 2020–2030s // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2014. N 4. P. 38–62. (In rus)
9. Kucheryavyy M. Global Information Society and Security Issues // Power [Vlast']. 2013. N 9. P. 91–92. (In rus)
10. Lefevr V. A. Lectures on the theory of reflexive games. M.: Cogito Center, 2009. (In rus)
11. Makhonin V. A. State ideology and external wars: four centuries of Russian experience // Military thought [Voennaya mysl']. 2011. N 5. P. 3–18. (In rus)
12. Radikov I. V. Human security: reality or fiction? // Bulletin of Moscow University. Political science [Vestnik Moskovskogo universiteta. Politicheskie nauki]. 2017. N 4. P. 6–11. (In rus)
13. Radikov I. V. Military security of society and the state: Political analysis. St. Petersburg, 2017. (In rus)
14. Skulakov R. M. Territorial integrity of the state in the system of scientific categories and its methodological significance for military law // Military law [Voennoe pravo]. 2017. N 3. P. 13–30. (In rus)
15. Smolyan G. L. Reflexive control — technology for making manipulative decisions // Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences. M.: Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences. 2013. P. 54–61. (In rus)
16. Toffler A., Toffler H. War and anti-war. What is war and how to fight it. How to survive at the dawn of the 21st century. M.: AST, Transit Book, 2005. (In rus)
17. Avant D. D., Finnemore M., Sell S. K. Who governs the globe? In: D. D. Avant, M. Finnemore, S. K. Sell (eds). Who governs the globe? Cambridge: Cambridge University Press, 1–32. 2010.
18. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
19. Buzan B., Ole W. et al. (ed.) Security: A new framework for analysis. Boulder : Lynne Rienner, 1998.
20. Daase C., Friesendorf C. Introduction: security governance and the problem of unintended consequences. In: Daase C., Friesendorf C. (eds.). Rethinking security governance: the problem of unintended consequences. London : Routledge, 1–20. 2010.
21. Innes M. Policing uncertainty: countering terror through community intelligence and democratic policing. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 605: 222–241. 2006.
22. Marsden T. From post-productionism to reflexive governance: Contested transitions in securing more sustainable food futures. Journal of Rural Studies, 29, 123–134. 2013.
23. Meadowcroft J. Environmental political economy, technological transitions and the state. New Political Economy, 10 (4): 479–498. 2005.
24. Rose N., Miller P. Political power beyond the state: problematics of government. British Journal of Sociology, 43 (2): 173–205. 1992.
25. Stirling A. Precaution, foresight and sustainability: Reflection and reflexivity in the governance of science and technology. In: Voß J.-P., Bauknecht D., Kemp R. (eds.), Reflexive governance for sustainable development (p. 225–272). Cheltenham : Edward Elgar, 2006.
26. Torgerson D. Reflexivity and developmental constructs: The case of sustainable futures. Journal of Environmental Policy & Planning. 20 (6). 781–791. 2018.

About the author:

Mark A. Amurov, Assistant Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); amurov10@bk.ru

Проблема классификации объектов применения силы в информационных конфликтах

Коростелёв С. В.

Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ksv1@iacis.ru

РЕФЕРАТ

Как следствие изменений в технологическом укладе и соответствующей ему организации мировой экономики, в составе участников вооруженных конфликтов произошли серьезные изменения. Во-первых, противоборствующими сторонами являются не только государства. Во-вторых, абсолютное большинство целей, подлежащих поражению для обеспечения победы в конфликте, в настоящее время находятся в частном секторе и вне государственного контроля. Также существенной особенностью информационного противоборства является то, что в абсолютном большинстве ситуаций непосредственный исполнитель информационного нападения не может быть идентифицирован немедленно и в существенной степени из-за того, что «военные» конфликты в киберпространстве в контексте международных отношений могут быть «встроены» в различные формы борьбы за влияние: политические, экономические, информационные, технологические, медийные и идеологические и др. То есть значительное число участников обычной повседневной деятельности во всех сферах жизни из любой точки земного шара могут стать не только косвенными, но и непосредственными участниками информационного конфликта.

В цифровую эпоху объекты, выбираемые для поражения, могут иметь совершенно иные и неожиданные свойства, что обуславливает существование значительного числа подходов к классификации объектов информационного воздействия. Сила применяется против физических и виртуальных объектов в физическом, информационном и когнитивных измерениях.

Сложность оценки причиненного государствам и их населению ущерба в когнитивной сфере и, соответственно, сопоставления с практикой присвоения ответственности за использование традиционных средств ведения вооруженного противоборства делает невозможным в ближайшее время формирование какого-либо адекватного универсального международного политико-правового режима противодействия информационным угрозам. Устранение угроз в киберпространстве является общим интересом по обеспечению международной стабильности, но в настоящее время может осуществляться государствами только лишь самостоятельно.

Заявление в федеральном законодательстве перечня недопустимых агрессивных действий, осуществляемых посредством информационных воздействий, будет, по своей сути, превентивной мерой, так как установит пороговые ограничения для осуществления вмешательства во внутренние дела государства извне для других международных акторов.

Ключевые слова: киберпространство, цели информационного противоборства, применение силы, когнитивное измерение, международная ответственность, международное гуманитарное право

Для цитирования: Коростелев С. В. Проблема классификации объектов применения силы в информационных конфликтах // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 55–66.

The Problem of Classification of Targets in Informational Conflicts

Stanislav V. Korostelev

Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, Saint Petersburg, Russian Federation; ksv1@iacis.ru

ABSTRACT

As a result of changes in the technological tenor and congruous with it organization of the world economy, serious changes have occurred in the gradation of participants in armed conflicts. Firstly, the warring parties are not only states now. Secondly, the vast majority of the targets to be overpowered to ensure victory in the conflict are currently in the private sector and out of state control. Also, an essential feature of the information confrontation is that in the vast majority of situations, the direct perpetrator of an information attack cannot be identified immediately and to a large extent due to the fact that "military" conflicts in cyberspace in the context of international relations can be "embedded" in various forms of struggle for power: political, economic, informational, technological, media and ideological, etc. That is, a significant number of participants in ordinary everyday life implicit activities in all walks of life from all over the globe can be not only indirect but also direct participants of informational conflict.

In the digital era, targets selected for destruction can have completely different and unexpected properties, which leads to the existence of a significant number of approaches to the classification of targets of informational impact. Force is used against physical and virtual objects in the physical, informational and cognitive dimensions.

The complexity of assessing the physical damage inflicted on states, and their population in the cognitive sphere conformably, and relating it with the practice of assigning international responsibility for the use of traditional means of warfare makes it impossible to form any adequate universal international political and legal regime for countering information threats in the near future. The elimination of threats in cyberspace is a common interest in ensuring international stability, but at present it can be carried out by states only on their own.

A statement of the specified list of unacceptable aggressive actions carried out through information influences in the federal legislation will be, in essence, a preventive measure, since it will establish a threshold restriction for other international actors to interfere in the internal affairs of the state from outside.

Key words: cyberspace; targets in informational confrontation; use of force; cognitive dimension; international responsibility; international humanitarian law

For citing: Korostelev S. V. The Problem of Classification of Targets in Informational Conflicts // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 55–66.

Применение термина «информационная война» ко всему спектру деятельности в сфере получения и распределения информации представляется не совсем удачным. Во-первых, использование термина «война» является по своей сути исторической традицией и может быть применимо только к ситуациям вооруженного насилия прошлого, когда сторонами конфликта являлись государства, которые руководствовались нормами права войны и нейтралитета. Правовой режим войны также предполагал обнародование соответствующей декларации о переходе в состояние войны с избранным конкретным противником (*animus belligerendi*). С принятием Пакта Бриана — Келлога, Устава ООН, Женевских конвенций 1949 г. войны были поставлены вне закона, и в обиход вошли понятия «применение силы» и «вооруженный конфликт», хотя по факту государства могут находиться в состоянии «войны». Кроме того, в настоящее время переход в состояние войны требует особого юридического оформления в национальном законодательстве, например в случае, если совершаются акты применения вооруженной силы (вооруженное нападение) иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности государства или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН, — то есть в случае агрессии, ее непосредственной угрозе или действий, указывающих на ее подготовку, а также в случае необходимости выполнения международных договоров¹.

¹ См. например: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/

Более того, в современную эпоху для причинения ущерба противнику в связи с изменениями в технологическом укладе исчезла необходимость содержания инфраструктуры, необходимой для ведения масштабных и продолжительных боевых действий в их привычном понимании. Так, например, в случае обращения к информационным средствам противоборства, инженерное оборудование предполагаемых районов ведения боевых действий, накопление ресурсов, различные аспекты мобилизационных мероприятий, ранее служившие признаками непосредственности угрозы агрессии, более не являются существенными фактами, оправдывающими обращение государства-объекта предполагаемого нападения, например, к упреждающим действиям.

Так же, как следствие изменений в технологическом укладе и соответствующей ему организации мировой экономики, в составе участников вооруженных конфликтов произошли серьезные изменения. Во-первых, противоборствующими сторонами являются не только государства. Ими могут быть, например: международные организации, которые осуществляют меры принуждения по отношению к каким-либо государствам; государства, уничтожающие элементы террористической инфраструктуры на территориях других государств; террористические группы и экстремистские движения, оказывающие давление на государства; индивиды, объявляющие войну всем и вся; не связанные с государством частные лица и организации и т. п. А для решения задач формирования и средства вооруженных сил государства не обязательно должны пересекать физические границы государства — объекта принуждения. Во-вторых, абсолютное большинство целей, подлежащих поражению для обеспечения победы в конфликте, в настоящее время находятся в частном секторе и вне государственного контроля. А это уже само по себе затрагивает моральные и правовые основы процессов подготовки и ведения боевых действий государственными вооруженными формированиями, особенно, если последствия применения информационных средств ведения боевых действий, даже исключительно против военных объектов, сказываются в гораздо большей степени на населении и гражданской инфраструктуре. Также существенной особенностью информационного противоборства является то, что в абсолютном большинстве ситуаций непосредственный исполнитель информационного нападения не может быть идентифицирован немедленно и в существенной степени из-за того, что «военные» конфликты в киберпространстве в контексте международных отношений могут быть «встроены» в различные формы борьбы за влияние: политические, экономические, технологические, информационные (в том числе медийные и идеологические) и др. То есть значительное число участников обычной повседневной деятельности во всех сферах жизни из любой точки земного шара могут стать не только косвенными, но и непосредственными участниками инфомационного конфликта.

Таким образом, применение не только термина «война», но и «вооруженный конфликт» к информационному противостоянию вступает в противоречие с традиционными теорией и практикой использования методологического аппарата военных наук, политики и права для политико-правового анализа актов применения силы в межгосударственных отношениях. Можно утверждать, что термины «война», «вооруженный конфликт», «нападение» имеют достаточно «неудобное» фактологическое и нормативное содержание для современных ситуаций применения информационных средств борьбы. Главным образом ввиду того, что еще менее определенным становится содержание термина «законная военная цель», что, в свою очередь, создает проблемы для начальной правовой квалификации актов применения силы.

(дата обращения: 24.05.2020); Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591/ (дата обращения: 24.05.2020).

Лозунговое определение новой ситуации в сфере применения силы, например, как «гибридные», «информационные» войны, «войны нового поколения», мало что дает для политико-правового обоснования обращения к необходимым и соразмерным ответным мерам.

Как можно определить нормативные рамки для конфликтов, если в них используются информационные технологии? Когда можно сделать заявление, что масштаб, интенсивность и продолжительность информационных действий свидетельствуют о состоянии войны (вооруженного конфликта) и возможности присвоения международной ответственности?

Очевидно, что в цифровую эпоху объекты, выбираемые для поражения, могут иметь совершенно иные и неожиданные свойства, что обуславливает существование значительного числа подходов к классификации объектов информационного воздействия.

Например, иногда в доктрине информационных противоборств предлагается разделение целей на четыре категории: физические, кибернетические, информация, сознание [2, с. 117].

Из определения «информационной войны», данного в Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников Содружества Независимых Государств¹, можно выделить три категории целей: физические объекты (информационные системы, процессы и ресурсы, критически важные и другие структуры); политическую, экономическую и социальную системы; и население.

Рассматривая Стратегию национальной безопасности² и Доктрину информационной безопасности³ Российской Федерации можно выделить следующие объекты возможного применения силы: конституционные права и свободы человека и гражданина (см. п. 8 (а) Доктрины, п. 22 Стратегии), в том числе культурные, исторические и духовно-нравственные ценности, и общественное сознание (п. 21 Стратегии); информационная инфраструктура (в первую очередь критическая информационная инфраструктура) и единая сеть электросвязи (см. п. 8 (б, в) Доктрины); государственная политика и культура (см. п. 8 (г) Доктрины); международная стратегическая стабильность и суверенитет Российской Федерации (см. п. 8 (д) Доктрины).

Единое руководство по целеуказанию Объединенного комитета начальников штабов Вооруженных сил США⁴ (далее — ОКНШ) выделяет две категории целей: физические (географические объекты или объекты инфраструктуры, либо их группы, которые в силу своих свойств обеспечивают функционирование цели; вооружение и технические средства; индивиды; организационные структуры и др.); и виртуальные (объекты в киберпространстве, которые являются носителями функций, определяющими свойства цели).

Единое руководство ОКНШ по ведению информационных действий⁵ рассматривает их физическое, информационное и когнитивное измерения.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html?doc=6162> (дата обращения: 17.01.2020).

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 18.01.2020).

³ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 18.01.2020).

⁴ Joint Publication 3-60. Joint Targeting. 31 January 2013. Section A. Targets. 2. Target Description (a) [Электронный ресурс]. URL: https://jpsc.ndu.edu/Portals/72/Documents/JC2IOS/Additional_Reading/1F4_jp3-60.pdf (дата обращения: 03.02.2020).

⁵ Joint Publication 3-13. Information Operations. Ch. I. 2. The Information Environment [Электронный ресурс]. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_13.pdf (дата обращения: 19.01.2020).

В данном случае физическое измерение включает, прежде всего, системы управления и категорию «лиц, принимающих решения» (далее — ЛПР), а также обеспечивающую их деятельность инфраструктуру. То есть, это физические платформы и соединяющие их коммуникационные сети. Физическое измерение включает в себя, но не ограничивается ими, людей, специальное оборудование, предназначенное для решения военных задач, различные излучающие и вычислительные устройства, в том числе персональные, или любые другие объекты, в том числе печатные издания, — т. е. все, что может быть выявлено наблюдением. Физическое измерение не ограничивается исключительно военными или даже общегосударственными системами и процессами — к нему может быть отнесена, например, распределенная трансграничная сеть, связанная через государственные, экономические и географические границы.

Информационное измерение охватывает процессы сбора, обработки, хранения, распространения и защиты информации и именно в нем осуществляется управление и передаются замыслы. Всякое действие в данном измерении оказывает влияние на содержание, объем и направление движения информации.

Когнитивное измерение информационной среды охватывает мыслительные процессы лиц, участвующих в передаче информации, являющихся ее адресатом, реагирующих или воздействующих на нее. Это может происходить на этапах обработки информации, восприятия, оценки и принятия решений отдельными лицами или их группами. На эти элементы влияют многие факторы, включая личные и групповые культурные убеждения, социальные нормы, уязвимости, мотивации, эмоции, опыт, мораль, образование, психическое здоровье, идентичность, идеологические установки и др. Понимание масштаба и характера влияния таких факторов в конкретной обстановке имеет решающее значение для оказания наиболее эффективного влияния на ЛПР.

Как таковое, когнитивное измерение представляет собой наиболее важный компонент информационной среды, поскольку именно когнитивные характеристики описывают то, как цели информационного воздействия обрабатывают информацию или осуществляют функции управления. В тех случаях, когда объектом, равно как и субъектом, информационного воздействия является индивид, когнитивные характеристики сосредоточены на описании моделей мыслительных процессов, свойственных данному человеку, либо оказания влияния на принятие решений данным лицом¹.

Когнитивные характеристики объекта применения силы особенно важны для правильной оценки критических узлов в системе целей, предназначенных для поражения, поскольку практически каждой системе присуща определяющая ее деятельность управляющая функция, нейтрализация которой может иметь решающее значение для достижения желаемых изменений в поведении цели.

¹ Так, например, в разделе IV «Стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности» п. 23 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации определяется, что: «Основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности являются: а) противодействие использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации; <...> к) нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 15.01.2020).

Однако ход информационных конфликтов последнего времени показывает, что противники не стремятся к разрушению, например, социальных сетей, а наоборот, к использованию их в своих информационных операциях по назначению, т. е. для манипулирования ими и, соответственно, распространения дезинформации. Именно этот аспект информационного противоборства ставит международное сообщество перед проблемой согласования стандартов поведения в сетях, поскольку нападать и обороняться в среде, где нормы в настоящее время регламентируют лишь технические аспекты ее функционирования, намного сложнее. Но также является очевидным, что в настоящее время единая регламентация оборота информации в социальных сетях представляется невозможной из-за различий в философии сути контроля объема свободы выражения мнений в противоборствующих государствах.

То есть для снижения вероятности ответного применения силы, основанном на принципе взаимности, *основная задача противоборствующих сторон состоит в противодействии распространению дезинформации без создания препятствий свободе выражения мнений*. Причем в ходе информационного противоборства в социальных сетях особенно важное значение приобретают знания в социально-политической сфере, психологии, коммуникации и других гуманитарных науках. Именно эти знания помогают построить доверие к государственным институтам, обучить население медийной грамотности и методики проверки фактов и, тем самым, обеспечить устойчивость государства в новой информационной среде.

А сами инфраструктура и платформы социальных сетей нуждаются в защите всеми сторонами информационного конфликта в такой же степени, как и критически важные объекты физической инфраструктуры государства. Этот аспект является одним из парадоксов стратегии обеспечения информационной безопасности.

Как и в случае с функциональными, когнитивные характеристики объектов информационного воздействия идентифицируются очень сложно. Для определения свойств цели необходимо определять¹:

- 1) как цель обрабатывает информацию;
- 2) как работает цикл принятия решения целью (если применимо);
- 3) как обрабатываются входные данные, которые необходимы цели для выполнения своих функций;
- 4) как обрабатываются результаты, полученные в результате выполнения целью своих функций;
- 5) какой объем информации может обработать цель;
- 6) как цель или система целей хранит информацию;
- 7) если целью является физическое лицо или организация:
 - а) как организован мыслительный процесс;
 - б) каковы ее мотивы;
 - в) какое поведение демонстрирует цель;
 - г) каковы правила, нормы и убеждения цели;
 - д) каковы ее когнитивные уязвимости;
- 8) культурные представления (восприятие, взгляды, религиозная и этническая идентичность).

Одной из сложностей нормативной оценки ведения информационного противоборства в когнитивном измерении является то, что еще недавно его основным направлением предполагались оказание физических воздействий на критически важную инфраструктуру и компьютерные сети, взлом компьютерных программ, нарушение конфиденциальности, целостности информации и ее доступности. Именно такая форма вероятного конфликта послужила первоосновой для обоснования путей развития

¹ Joint Publication 3–13, см. выше.

норм киберправа, т. е., по сути, правового обеспечения технологической устойчивости информационно-коммуникационной инфраструктуры (далее — ИКИ). Данный подход по регулированию технических и технологических аспектов защиты ИКИ нашел отражение в докладе Группы правительственных экспертов под эгидой ООН 2015 г. В этом докладе собственно защите информации уделено немного внимания, чему есть очевидное объяснение: следование примату прав человека не допускает какого-либо жесткого контроля потоков информации и нарушения фундаментального права на свободу выражения мнений и неприкосновенность частной жизни. В данном рекомендательном документе как раз демонстрируется неопределенность в определении нормативных порогов для вмешательства извне в ту сферу информационного пространства, которое государство предполагает находящимся в своей юрисдикции. С другой стороны, если предположить, что государство способно установить такие пороги и объявить их для других государств, то физическое лицо может оценить такие действия как нарушение его личных прав и свобод государством национальности.

Очевидным образом выбор объектов для применения силы и способы воздействия на них определяются предметом воздействия и способом формирования проблемы: в процессе обеспечения информационной безопасности необходимо постоянно осуществлять оценку не только возможного характера угроз, происходящих извне, но и состояние собственных объектов вероятного информационного воздействия, находящихся в пределах юрисдикции государства. Определение того, что является угрозой и как мы должны ей противодействовать, и какое состояние информационной безопасности является желаемым результатом, должно осуществляться непрерывно.

Как и в случае ведения боевых действий с использованием «привычных» нам средств поражения, в ходе решения задач принуждения с использованием информационных средств могут происходить события, влекущие гибель и страдания людей, разрушение объектов, необходимых для их выживания. Следовательно, и в процессе присвоения международной ответственности за поведение в такого рода конфликтах необходимо обращаться к императивным принципам международного гуманитарного права (далее — МГП), а именно: непричинения излишних страданий, избирательности поражения, запрещения вероломства, непричинения окружающей среде долговременного и существенного ущерба.

Ранее воюющие государства служили гарантами выполнения норм МГП участниками боевых действий, даже если второй стороной в конфликте являются организованные группы и лица, не связанные с каким-либо государством, как минимум в силу так называемой «оговорки Ф. фон Мартенса»: «В случаях, не предусмотренных международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания». В современных условиях отправной точкой для установления разграничения между «условно безопасной» информационной деятельностью и деятельностью с применением тех же информационных технологий, но, когда намеренно причиняется ущерб каким-либо государствам и лицам, также может служить данное обычное положение МГП, хотя, как было сказано выше, участниками информационного противоборства могут быть не связанные с государствами акторы. Но правом такой оценки и возможностями присвоения ответственности, по-прежнему, обладают лишь государства.

Каждое государство самостоятельно в своих нормативных актах определяет, является ли для него какое-либо состояние международных отношений вооруженным конфликтом. Например, Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»¹ в ст. 3 определяет действия, которые

¹ Ст. 3. Основания для введения военного положения [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/document/184121/paragraph/2678:0> (дата обращения: 15.01.2020).

Российской Федерацией считаются актом агрессии. Закон в то же время определяет, что применение силы должно осуществляться (или непосредственно указывать на подготовку к его совершению) иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности. Причем, обычное международное право определяет, что поведение отдельных органов государств, лиц, осуществляющих элементы государственной власти, лиц или группы лиц, действующих по указаниям, либо под руководством или контролем государств, либо в отсутствие или несостоятельности официальных властей, а в некоторых случаях, даже повстанческих движений, органов или агентов международной организации — могут быть расценены как основания для присвоения международной ответственности¹ и осуществления ответных мер для отражения агрессии или пресечения ее подготовки.

Таким образом, информационное воздействие должно осуществляться против «суверенитета, политической независимости и территориальной целостности» с тем, чтобы государство имело возможность использовать правовые механизмы (о которых должно быть предварительно оповещено мировое сообщество) для реагирования на акт агрессии. Возникает вопрос о том, каковы должны быть масштабы такого вмешательства в каждой из сфер кибернетического конфликта — физической, собственно информационной, когнитивной? Какие пороги (качественные / количественные) устанавливает государство для заявления политико-правового обоснования своего обращения к силе как справедливого для отражения акта агрессии?

Очевидно, что в случае наступления определенных государством в законе пороговых событий, начинают действовать нормы МГП, и для России возникнет состояние вооруженного конфликта, либо войны. Поскольку ни международные, ни национальные акты не определяют перечень способов исполнения нападения на территорию государства, то, возможно предположить, что применение для нападения информационных технологий также может порождать для России состояние вооруженного конфликта. Но в каком случае? Здесь очевидно следует исходить из определения того, причиняют ли информационные действия ущерб, сопоставимый с тем, который причиняется привычными и понятными нам средствами ведения вооруженной борьбы, и который подробно исследован в процессе развития норм МГП.

Любая деятельность государства в информационном пространстве регламентируется теми же нормами международного права, что и все иные виды деятельности². Например, применение силы против территории суверена очевидным образом является нарушением международного права, определяется в парадигме ООН как применение силы, запрещенное ст. 2 п. 4 Устава ООН. То есть, всякая деятельность государственных органов, причиняющая вред другому государству в пределах территории последнего, является неправомерным применением силы. Наиболее очевидным примером такого применения силы является нанесение ударов посредством систем оружия через границу государства — данное положение обычного международного права не подлежит оспариванию. Однако применение современных средств

¹ Доклад Комиссии международного права (53-я сессия). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты пятьдесят шестой сессии. Дополнение № 10 (Документ ООН A/56/10 «Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния») [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 20.01.2020); Доклад Комиссии международного права (63-я сессия). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты шестьдесят шестой сессии. Дополнение № 10 (Документ ООН A/66/10 «Текст проектов статей об ответственности международных организаций») [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/files/A_66_10-RU (дата обращения: 20.01.2020).

² Статья 2 п. 3 Устава ООН накладывает на государства обязанность разрешать свои международные споры мирными средствами, таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость.

информационного противодействия по элементам физической критической инфраструктуры государства может иметь эффект сравнимый и, даже более того, превосходящий по своим последствиям результаты огневого поражения.

Случайный ущерб, причиненный государству в пределах его суверенной территории в мирное время, влечет международную ответственность, но не является таким применением силы по смыслу ст. 2 п. 4 Устава ООН, которое порождает право потерпевших государств обращаться к самообороне в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Но «умышленность» причинения ущерба субъективно оценивается государствами в конкретном случае с учетом всех доступных им для оценки обстоятельств. Таким образом, только намеренная деятельность в информационном пространстве, причиняющая ущерб государству, его гражданам, объектам в пределах национальной территории, либо вне ее, является незаконным применением силы. Сама по себе такая деятельность не обязательно порождает право государств на самооборону, так как она не всегда может/должна быть оценена государством по масштабу, продолжительности и интенсивности действий, как «вооруженное нападение» вне зависимости от использованных средств вооруженной борьбы. Может ли, например, вызванный посредством информационного вмешательства в когнитивном измерении блэкаут послужить причиной для реторсий и, тем более, репрессалий со стороны потерпевшего государства? Очевидно, что нет. Однако десятки подобных инцидентов уже могут быть расценены как состоявшееся «вооруженное нападение», так как в этом случае свидетельство намеренности действий в информационном пространстве становится очевидным.

Сбор информации с использованием технических средств, несмотря на намеренный характер, также не противоречит существующему международному праву. Однако в определенных условиях такая деятельность может получить оценку как враждебные намерения другого государства и, в итоге, как «угроза силой» по смыслу ст. 39 Устава ООН, особенно если она намеренно ведет к причинению ущерба в пределах территории суверена.

Допустимость разведывательной деятельности является частью обычного неотъемлемого права государств на самооборону. Гаагская (IV) Конвенция о законах и обычаях войны на суше от 18 октября 1907 г.¹ (Положение, ст. 24, 29–31) явным образом признает право государств на разведывательную деятельность в ходе вооруженного конфликта. Аналогичным образом ст. 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.² также явно признает право государств на разведывательную деятельность в мирное время³. Практика государств также демонстрирует, что они относятся к сбору разведывательной информации как неотъемлемой сфере деятельности во внешней политике и международных отношениях. В то же время, шпионаж против себя расценивается внутренним законодательством большинства государств как уголовное преступление, причем как во время мира, так и во время вооруженного конфликта.

Собственно, все МГП построено на принципе сравнения последствий применения различных средств и способов ведения войны (см. [1]). Для объявления какого-либо средства ведения военных действий запрещенным последствия его применения сравнивались с последствиями применения известных видов вооружения и затем делался вывод о «гуманности/негуманности» данного средства или спосо-

¹ [Электронный ресурс]. <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 17.01.2020).

² [Электронный ресурс]. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 17.01.2020).

³ Статья 3 Конвенции: «Функции дипломатического представительства состоят, в частности: ... d) в выяснении всеми законными средствами условий и событий в государстве пребывания и сообщении о них правительству аккредитуемого государства...».

ба его применения. Таким образом, если последствия информационного воздействия могут быть сопоставлены с материальным ущербом, причиненным государству и его гражданам в ходе какого-либо вооруженного конфликта каким-либо средством ведения военных действий, либо способом его применения, то можно сделать вывод о существовании состояния информационной войны (вооруженного конфликта). Приемлемый ущерб, до превышения которого государство не обращается к ответным действиям, определяется этим государством самостоятельно в соответствии с его политической ситуацией, военными, экономическими, географическими и иными возможностями.

Кроме того, существует необходимость учитывать такой аспект акта применения силы, как «соразмерность». В случае превышения порога, который государство-объект информационного воздействия может посчитать для себя неприемлемым вмешательством, оно может осуществить ответные меры. Но в таком случае оно не обязано отвечать симметрично именно в информационной сфере. Как международное право, так и неправовой принцип взаимности, не накладывают таких ограничений. Выбор сферы реализации ответных мер всегда остается на усмотрение государства, и всегда существует большая вероятность того, что при разрушении стабильности в информационном пространстве конфликт будет перенесен в другую сферу, например, специальных экономических и принудительных мер¹.

Следовательно, ответные меры могут выйти, по оценке не только государства, против которого они применяются, но и третьих сторон, за рамки объема предполагаемой справедливой международной ответственности, и причиняя ущерб сверх того, что считается разумным ответом, привести к раскручиванию спирали конфликта². Эта опасность усугубляется риском ненамеренного наказания случайного актора; и, в свою очередь, неправильная атрибуция может привести к нежелательной эскалации напряжения в отношениях с третьими сторонами, в то время как истинный агрессор остается безнаказанным.

Можно сделать ряд выводов в отношении обращения к институту международного права как средству регулирования поведения в киберпространстве.

Во-первых, международное право не может служить средством предотвращения вмешательства с использованием информационных средств именно по причине сложности немедленной атрибуции: возникает сложность в обращении к гарантированному ст. 51 Устава ООН неотъемлемому праву на самооборону как политико-правовому обоснованию акта применения силы. До настоящего времени не сложилось сколько-либо авторитетной практики Совета Безопасности ООН, и тем более Международного суда ООН в определении временных параметров для обращения к самообороне: должно ли ответное применение силы происходить немедленно, или это возможно осуществить какое-либо время спустя? И не будут ли расценены такие действия, если они не проведены немедленно, а значительно позднее, как репрессалии? Что может быть законной целью для применяемой силы и для ответных мер? Какие способы могут использоваться? Ведь как было показано выше, современная практика в сфере МГП регламентирует осуществление «вооруженных» нападений лишь «кинетическим» оружием, а также устанавливает абсолютные запреты на использование химических, бактериологических, биологических и токсинных средств. Специальные же экономические и иные принудительные меры, а именно: экономическое давление, визовые запреты или другие действия

¹ Федеральный закон № 83-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102111154> (дата обращения: 29.01.2020).

² Всякая сторона конфликта считает свои действия a priori «справедливыми», поэтому лишь третьи стороны, используя механизмы международного права, могут определять их как правомерные/неправомерные.

не запрещаются международным правом, если они не приводят к масштабным страданиям. Чрезмерное же полагание на институт международного права в процессе исполнения государством международных обязательств в сфере международной безопасности и непринятие соразмерных ответных мер, не обязательно симметричных, может, как ни удивительно, свидетельствовать о его недостаточном политическом авторитете, слабой национальной мощи в целом.

Во-вторых, представляется маловероятным возможность заключения сколько-либо действенного соглашения в сфере недопустимости вмешательства с использованием информационных средств опять же ввиду сложности атрибуции актов применения силы и верификации последствий применения силы третьими сторонами, что является необходимым условием существования международных правовых норм. Так, например, единственным, по сути, соглашением в данной сфере является Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях 2001 г.¹ Ее положения оказались заведомо неэффективными, поскольку не успевают за развитием технологического уклада. Кроме того, данная конвенция не предусматривает присвоения каких-либо мер международной ответственности государствами, если они сами вовлечены в противоправную деятельность.

Таким образом, в настоящее время невозможно построить стратегию противодействия информационным вмешательствам, дающую представление о разграничении собственно «информационной войны (информационного вооруженного конфликта)» и постоянно присутствующего в нашей жизни информационного противоборства. Сложность оценки причиненного государствам и их населению ущерба в когнитивной сфере и, соответственно, сопоставления с практикой присвоения ответственности за использование традиционных средств ведения вооруженного противоборства, делает невозможным в ближайшее время формирование какого-либо адекватного универсального международного политико-правового режима противодействия информационным угрозам. Устранение угроз в киберпространстве является для государств общим интересом по обеспечению международной стабильности, но в настоящее время оно может осуществляться ими лишь самостоятельно.

Можно предположить, что вышеупомянутый Федеральный конституционный закон «О военном положении» должен также установить более широкий перечень действий (как минимум, отсылая к разъясняющим нормам), которые можно относить к актам агрессии, осуществляемой посредством информационных воздействий. В цифровую эпоху объекты, выбираемые для поражения, могут иметь совершенно иные и неожиданные свойства, что обуславливает существование значительного числа подходов к классификации объектов информационного воздействия. Сила применяется против физических и виртуальных объектов не только в физическом, но и в информационном и когнитивных измерениях. Заявление в федеральном законодательстве перечня недопустимых агрессивных действий, осуществляемых посредством информационных воздействий, будет, по своей сути, превентивной мерой, так как установит пороговые ограничения для осуществления вмешательства во внутренние дела государства извне для других международных акторов.

Для этого представляется необходимым осуществить значительный объем исследований для определения влияния информационных воздействий в когнитивном измерении на суверенитет, политическую независимость и территориальную целостность государства. Но ответ будет найден, очевидно, не в праве, в котором необходимый методологический аппарат отсутствует, а в тех отраслях знаний, которые изучают свойства личности.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185> (дата обращения: 01.02.2020). Россия в данном соглашении не участвует. Соединенные Штаты Америки, не являясь членом Совета Европы, — участвуют.

Литература

1. *Коростелев С. В.* О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы // Управленческое консультирование. 2015. № 6. С. 50–57.
2. *Robert D. Steele.* Takedown: Targets, Tools, and Technology in Challenging the United States Symmetrically and Asymmetrically: Can America be Defeated? (ed. Lloyd J. Matthews). U. S. Army War College Strategic Studies Institute. Carlisle Barracks. Pennsylvania. July 1998.

Об авторе:

Коростелёв Станислав Валентинович, Ответственный секретарь Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам, кандидат юридических наук, доцент; ksv1@iacis.ru

References

1. Korostelev S.V. About Peculiarities of Legal Regime of "New" Means and Methods of Warfare // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 6. P. 50–57. (In rus)
2. Robert D. Steele. Takedown: Targets, Tools, and Technology in Challenging the United States Symmetrically and Asymmetrically: Can America be Defeated? (ed. Lloyd J. Matthews). U. S. Army War College Strategic Studies Institute. Carlisle Barracks. Pennsylvania. July 1998.

About the author:

Stanislav V. Korostelev, Executive Secretary of the Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on Harmonization of Legislation in the Sphere of Security and Countering Emerging Threats and Challenges, PhD in Jurisprudence, Associate Professor; ksv1@iacis.ru

Обеспечение защиты прав человека в контексте противодействия генному допингу*

Редькина А. И. *, Шевченко О. А., Воронцов Д. И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», Москва, Российская Федерация; *juriste.ap@gmail.com

РЕФЕРАТ

В рамках настоящей статьи рассмотрены вопросы, связанные с обеспечением защиты прав человека в контексте борьбы с применением генного допинга. Факт использования генной терапии в отношении человека уже включает в себя значительный комплекс потенциальных этических проблем, включая вероятные риски для здоровья, степень информированности согласия пациента на проведение тех или иных манипуляций, а также долгосрочные последствия для жизни человека, а также, что не менее важно, на будущие поколения. Вместе с тем, проблематика применения генного допинга в отношении спортсменов в существенной степени обостряет и усложняет процесс выстраивания подходов к регулированию. В статье отмечается особая уязвимость права спортсмена на охрану здоровья в контексте проблемы генного допинга. В работе исследованы особенности реализации и защиты права человека на охрану здоровья и права на приватность, в том числе, с точки зрения законодательства о биомедицине и биоэтике, а также с учетом сложностей, связанных с выявлением применения генного допинга. Сформулированы выводы относительно возможных направлений совершенствования правового регулирования в данной сфере, среди которых ужесточение или детализация правового регулирования деятельности по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи, надлежащее информирование спортсменов, тренеров и иных специалистов в сфере спорта о возможных рисках применения методов генной инженерии в отношении человека, надлежащее регулирование проведения процедур тестирования, ужесточение уголовной ответственности и расширение субъектного состава преступлений в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: спорт, спортивное право, генный допинг, генетика, биоэтика, права человека, генная терапия

Для цитирования: Редькина А. И., Шевченко О. А., Воронцов Д. И. Обеспечение защиты прав человека в контексте противодействия генному допингу // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 67–77.

Protection of Human Rights in the Context of Fight against Gene Doping

Alena I. Redkina*, Olga A. Shevchenko, Dmitriy I. Vorontsov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation; *juriste.ap@gmail.com

ABSTRACT

This article examines issues related to the protection of human rights in the context of the fight against the use of gene doping. The fact of using gene therapy in relation to a person already includes a significant range of potential ethical problems, including probable health risks, the degree of awareness of the patient's consent to perform certain manipulations, as well as the long-term consequences for a person's life, and, which is equally important, for future generations. At the same time, the problems of the use of gene doping in relation to athletes significantly aggravates and complicates the process of building regulatory approaches. The article notes the particular susceptibility of the athlete's right to health care in the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14082 по теме: «Построение правовых моделей регулирования генетических модификаций спортсменов и противодействия генному допингу в спорте».

context of the problem of gene doping. The paper studies the features of the implementation and protection of the human right to protect health and the right to privacy, including legislation aspect of biomedicine and bioethics, as well as taking into account the difficulties associated with the identification of the use of gene doping. Conclusions regarding possible areas for improving legal regulation in this area, among which, strengthening or detailing the legal regulation of the provision of high-tech medical care, properly informing athletes, coaches and other sports professionals about the possible risks of applying genetic engineering methods to humans, proper regulation of testing procedures, toughening criminal liability and expansion of the subject matter of such crimes are formulated.

Keywords: sport, sports law, gene doping, genetics, bioethics, human rights, gene therapy

For citing: Redkina A. I., Shevchenko O. A., Vorontsov D. I. Protection of Human Rights in the Context of Fight against Gene Doping // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 67–77.

Введение

Запрещенный список ВАДА от 2020 г.¹ среди методов, запрещенных к использованию спортсменами как в соревновательный, так и во внесоревновательный периоды, включает в себя генный и клеточный допинг, а именно: использование нуклеиновых кислот или аналогов нуклеиновых кислот, которые могут изменять последовательности генома и/или изменять экспрессию генов по любому механизму, что включает в себя, но не ограничивается технологиями редактирования генов, подавления экспрессии генов и передачи генов, а также использование нормальных или генетически модифицированных клеток².

Данная категория методов, которые потенциально могут быть использованы для повышения спортивной производительности, является сравнительно новой для спорта, и стратегии борьбы с применением генного допинга перманентно совершенствуются.

Уникальный характер таких методов по сравнению с другими видами допинга, постоянное и динамичное развитие биомедицинских технологий, недостаточная на настоящий момент изученность всех краткосрочных и долгосрочных последствий их применения, а также проблемы, связанные с выявлением генного допинга, обуславливают необходимость достаточно осторожной разработки мер, направленных на противодействие генному допингу, в том числе, со стороны органов публичной власти, с тем, чтобы обеспечивать при этом баланс интересов всех вовлеченных сторон.

Одним из наиболее чувствительных вопросов здесь является защита прав человека, причем данная проблема может быть рассмотрена как с точки зрения необходимости надлежащего обеспечения противодействия генному допингу в силу его специфики, которая требует принятия более существенных мер по сравнению с иными видами допинга, так и с точки зрения борьбы с генным допингом, поскольку некоторые реализуемые меры могут затрагивать отдельные права человека.

Можно отметить следующие наиболее релевантные права человека, которые могут быть уязвимы в рамках борьбы с применением генного допинга (при применении недостаточных или избыточных мер):

- право на охрану здоровья;

¹ Prohibited List (january 2020) [Электронный ресурс] // World Anti-doping Agency URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/wada_2020_english_prohibited_list_0.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

² Запрещенный список 2020 года // Российское антидопинговое агентство «РУСАДА». [Электронный ресурс]. URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/bbb/2020%20Prohibited%20List%20RUS%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B9.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

- право на неприкосновенность частной жизни (право на приватность);
- право не быть подвергнутым дискриминации;
- право на достоинство личности.

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены некоторые аспекты защиты таких прав спортсменов в контексте противодействия генному допингу, как право на охрану здоровья и право на приватность, в том числе, с точки зрения законодательства о биомедицине и биоэтике.

Защита прав человека и применение генного допинга с точки зрения законодательства о биоэтике

В целом права человека рассматриваются с точки зрения следующих основных подходов в рамках биоэтики:

- защита человека как объекта медицинских экспериментов от вреда, который может быть причинен ему достижениями биомедицины;
- защита прав пациента [6, с. 379].

При использовании методов генной инженерии в качестве генного допинга в этом нет, как правило, никакой медицинской необходимости, что уже может вступать в конфликт с международными и национальными нормами в области здравоохранения и биомедицины.

Само по себе применение генной терапии поднимает серьезные этические проблемы, среди которых проблемы, связанные с потенциальными рисками для здоровья, проблемы согласия пациента на соответствующие манипуляции, а также связанные с влиянием на будущие поколения [17, с. 248].

В контексте применения генного допинга эти проблемы становятся еще более серьезными в силу характера целей использования соответствующих технологий.

Дело в том, что генный допинг предполагает не исправление каких-либо отклоняющихся от нормы характеристик организма, не излечение заболеваний или их профилактику (в противном случае существует возможность получения разрешения на терапевтическое использование), а именно улучшение неких отдельных характеристик организма.

Вопрос этичности использования генных технологий не в терапевтических, диагностических или профилактических целях не раз поднимался исследователями в сфере медицины и биотехнологий.

Так, использование технологий генной терапии в отношении человека, направленной не на лечение какого-либо заболевания, а на улучшение или изменение характеристик по желанию индивида, принципиально отличается от иных видов генной терапии. По мнению У. Ф. Андерсона, такое применение генных технологий создает новые этические проблемы [4, с. 287].

Теодор Фридман отмечает, что намеренное применение концепции и инструментов генетического улучшения отдельных индивидов обладает чрезвычайно тревожным потенциалом для разработки программ по созданию более предпочтительных видов человеческих существ, то есть, по сути, может быть направлено на достижение целей, связанных с евгеникой [9, с. 352].

Данный исследователь указывает, что даже в настоящее время возможные неблагоприятные долгосрочные последствия нетерапевтического генетического улучшения не являются достаточно предсказуемыми и точными для того, чтобы можно было оправдать их использование в нетерапевтических экспериментальных условиях [9, с. 352].

Вопрос о разграничении лечения заболеваний и улучшения человеческого организма с помощью применения технологий генной инженерии отмечается экспертами в данной области как значимый [7, с. 713].

Кроме того, некоторые международно-правовые инструменты в сфере защиты прав человека в рассматриваемой области содержат запрет на применение генных технологий для улучшения каких-либо характеристик человеческого организма.

Так, согласно ст. 13 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, принятой Комитетом министров Совета Европы 19.11.1996¹, вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека.

В Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 2115 (2017) «Использование новых генетических технологий в отношении человеческих существ»² указывается, что методы генной инженерии применяются в медицинской сфере в течение уже нескольких десятилетий, однако в связи с применением новых технологий недавние открытия, связанные с геномом человека, открыли двери для новых возможностей и беспрецедентных этических проблем. Такие открытия поднимают сложные этические вопросы и вопросы, связанные с защитой прав человека, включая причинение непреднамеренного вреда, аспекты, связанные с доступом к таким методам и согласием на их применение, а также потенциальное злоупотребление такими методами для целей улучшения или для евгенических целей.

Несмотря на то, что данный документ касается, главным образом, вмешательства в клетки зародышевой линии, указанное выше представляет научный интерес в рамках настоящей статьи.

Кроме того, стоит отметить, что само по себе влияние генной терапии не только на соматические клетки, но и на клетки зародышевой линии также становится предметом научных дискуссий в рамках вопроса о допустимости и этичности применения генного допинга, не в пользу последнего.

Позиция Всемирного антидопингового агентства по поводу методов, относящихся к генному допингу, как отмечал в 2007 г. Энди Миа (и которая на настоящий момент остается схожей), касается вопросов и проблем модификации соматических клеток, не затрагивая перспективы модификации клеток зародышевой линии [13, с. 154].

При этом все же использование генной терапии в отношении соматических клеток может привести к изменениям и клеток зародышевой линии в силу несовершенства методов такой терапии [14, с. 13].

В настоящее время не изучены в полной мере последствия применения генных технологий, как краткосрочные, так и отдаленные. Соответственно, проблема применения генного допинга в перспективе может рассматриваться не только с точки зрения нарушения прав самих спортсменов, которые проходят через процедуры применения в отношении них методов генной инженерии не в целях терапии, профилактики или диагностики, но и, вероятно, с точки зрения нарушения прав будущих поколений.

Данная проблема имеет и еще одно измерение.

Так, неясным, по мнению Барри Улиэна, является положение спортсмена, кото-

¹ Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 / «Московский журнал международного права». Июль — сентябрь 1999 г. № 35. Принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.

² Recommendation of Parliamentary Assembly of the Council of Europe № 2115 (2017) «The use of new genetic technologies in human beings» // Парламентская ассамблея Совета Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=24228&lang=en> (дата обращения: 01.06.2020).

рый прошел генную терапию в самом начале своей жизни. Если предположить, что таким образом было достигнуто улучшение его спортивных результатов, не совсем ясно, в какой мере спортсмен может нести ответственность за действия своих родителей, и можно ли его отстранять от занятий спортом, в особенности, с учетом того, что последствия некоторых генетических модификаций не могут быть временными или обратимыми [11, с. 434].

При этом, как указывает Энди Миа, этические дебаты о генном допинге выходят за пределы дискуссии об этике в спорте и медицине, а также о том, как спорт может быть защищен от иных незаконных форм повышения спортивных результатов [13, с. 154].

Право на охрану здоровья

Обеспечение защиты права на охрану здоровья имеет существенное значение в свете правового регулирования применения технологий по редактированию генома. Право на охрану здоровья является одним из основных прав человека и закреплено в ряде международных документов [18].

При этом одной из декларируемых органами публичной власти и спортивными организациями целей борьбы с применением допинга является охрана здоровья спортсменов.

Дэвид Хофф указывает, что применение допинга в спорте признано серьезной проблемой в отношении честной игры и защиты здоровья спортсменов [10, с. 49].

Антонио Риготци, Габриель Кауфманн-Колер и Джорджо Малинверни отмечают, что обеспечение защиты здоровья спортсменов является одним из традиционных политических обоснований осуществления антидопингового регулирования [15, с. 44].

Так, в цели Всемирного антидопингового кодекса (в ред. от 2019 г.)¹ входит защищать фундаментальное право спортсменов участвовать в соревнованиях, свободных от допинга, и таким образом пропагандировать здоровье, справедливость и равенство для всех спортсменов.

Кроме того, одним из критериев включения субстанций или методов в Запрещенный список является несение ими реального или потенциального риска для здоровья спортсмена (п. 4.3.1 Всемирного антидопингового кодекса (в ред. от 2019 г.)).

Вред здоровью спортсменов как причина беспокойности проблемой применения допинга в спорте, а также обоснование реализации мер по борьбе с допингом, отмечаются также и в международно-правовых актах в данной области, в частности, в преамбулах Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 г.² и Конвенции против применения допинга, принятой Советом Европы в Страсбурге 16 ноября 1989 г.³

Несмотря на то что в Запрещенном списке ВАДА от 2020 г.⁴ генный и клеточный допинг отнесены к запрещенным методам именно в силу их способности улучшить

¹ World Anti-Doping Code 2015 (with 2019 amendments) // World Anti-doping Agency [Электронный ресурс]. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/wada_anti-doping_code_2019_english_final_revised_v1_linked.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

² Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/doping_in_sport.shtml (дата обращения: 01.06.2020).

³ Конвенция против применения допинга // Совет Европы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007b0fb> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴ Prohibited List (january 2020) // World Anti-doping Agency [Электронный ресурс]. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/wada_2020_english_prohibited_list_0.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

ния спортивных результатов, проблему защиты права спортсмена на охрану здоровья в контексте борьбы с их применением нельзя обойти вниманием.

Риски, связанные с допингом, являются существенной значимой проблемой в области здравоохранения, поскольку право на охрану здоровья является одним из основных прав человека, и государство имеет корреспондирующие обязанности, в частности, включающие в себя реализацию мер по снижению риска заболеваний и иных проблем со здоровьем. Государство, в частности, должно осуществлять соответствующий контроль над спортивной деятельностью [5, с. 2].

Применение допинга может нарушать право спортсмена на охрану здоровья [16, с. 200].

Применение генного допинга может нести множество рисков для здоровья спортсменов, в частности, связанных как с функционированием различных систем организма в целом, так и с влиянием на экспрессию различных генов [8, с. 14; 14, с. 13].

Право на охрану здоровья предполагает обязательства государства, связанные с их уважением, защитой и обеспечением реализации, включая обязательство воздерживаться от продажи небезопасных лекарств или медицинских услуг (то есть, разрешение применения генных технологий до подтверждения безопасности таких методов может привести к нарушению государством права на охрану здоровья) [18].

Одним из вероятных решений надлежащего обеспечения права спортсменов на охрану здоровья в свете проблемы противодействия генному допингу может быть ужесточение или детализация правового регулирования деятельности по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи, в частности, с использованием методов генной инженерии.

Например, в России в настоящее время оказание такой помощи осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ¹, Приказом Минздрава России от 02.12.2014 № 796н «Об утверждении Положения об организации оказания специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи»² и иными актами, которые предусматривают, что такая помощь оказывается при наличии медицинских на то показаний, которые, в том числе, подтверждаются соответствующими врачебными комиссиями.

Михалис Критикос отмечает некоторые проблемы, связанные с эффективностью и безопасностью применения технологий редактирования генома, которые варьируются от перспективы причинения необратимого вреда здоровью до проблемы здоровья будущих поколений [12, с. 2].

Отдельно в данном случае стоит вопрос относительно прав спортсмена как пациента. В частности, в случае склонения спортсмена к применению генного допинга с использованием методов генной инженерии при отсутствии его информированного на то согласия может нарушать его права как пациента.

Также необходимо отметить, что протокол проведения генной терапии в отношении человеческого существа должен быть, в первую очередь, безопасным [4, с. 281], обеспечение чего может быть затруднительным в отношении спортсменов, которые подвергаются рискам использования в отношении них методов генной инженерии в целях улучшения своих спортивных результатов с использованием экспериментальных или неутвержденных методов.

¹ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

² Приказ Минздрава России «Об утверждении Положения об организации оказания специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи» от 02.12.2014 № 796н // «Российская газета». № 30. 13.02.2015.

Право спортсмена на охрану здоровья в контексте проблемы генного допинга может быть уязвимо не только при использовании соответствующих технологий, но и в рамках борьбы с их незаконным применением.

Так, Барри Улиэн отмечает, что вопросы нарушения прав человека могут подниматься в связи с процедурами выявления применения генного допинга. Например, использование для этого инвазивных процедур по забору тканей может приводить к легкому повреждению тканей, ухудшению работоспособности, пусть даже и незначительному, а также повышению риска возникновения инфекций. Это может привести к более серьезным возражениям по поводу тестирования спортсменов методом случайной выборки [11, с. 434].

Соответственно, реализуемый в этой области наиболее корректный подход со стороны органов публичной власти и спортивных организаций должен учитывать все эти аспекты, быть направлен на надлежащее информирование спортсменов, тренеров и иных специалистов в сфере спорта о возможных рисках применения методов генной инженерии в отношении человека не в терапевтических и иных предусмотренных нормативно-правовыми актами целях, а также на надлежащее регулирование проведения процедур тестирования.

Право на неприкосновенность частной жизни

Как указывает О. В. Афанасьева, право на неприкосновенность частной жизни — это прирожденное неотчуждаемое право личности, защищающее личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища, тайну личной корреспонденции, честь и доброе имя каждого человека [1, с. 76].

Право на приватность является одной из наиболее сложных областей защиты прав человека с точки зрения объема данного права, а также оснований его ограничения. Данное право может быть ограничено, если существует значительная в том потребность со стороны общества или государства [11, с. 434].

С. А. Шадрин отмечает, что составляющими частной жизни являются, в том числе, персональная идентификация, физическая (телесная) и моральная неприкосновенность человека, сбор и применение данных индивида (включая данные о генетической информации), а также доступ к персональной информации человека [3, с. 211–212].

Исследователи отмечают, что антидопинговый контроль и соответствующие процедуры могут предусматривать необходимость некоторого нарушения права спортсмена на личную свободу и неприкосновенность частной жизни, что, главным образом, касается проведения тестирований спортсменов [15, с. 44].

В контексте применения генного допинга данная проблема приобретает дополнительное измерение.

Так, антидопинговые органы могут счесть необходимым сбор информации о генетических профилях спортсменов на ранних этапах их спортивной карьеры для того, чтобы иметь возможность более точно идентифицировать их генетические модификации впоследствии, что поднимает существенные проблемы, касающиеся сбора, хранения и обеспечения конфиденциальности генетической информации [11, с. 434].

Всемирный антидопинговый кодекс (в ред. от 2019 г.) в настоящее время не содержит однозначного ответа на вопрос о необходимости создания геномных или ДНК профилей спортсменов для целей выявления генного допинга, допуская, однако, такую возможность (в соответствии с пунктом 6.2 статьи 6¹).

¹ World Anti-Doping Code 2015 (with 2019 amendments) // World Anti-doping Agency [Электронный ресурс]. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/wada_anti-doping_code_2019_english_final_revised_v1_linked.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Основные международные принципы хранения генетических данных на международном уровне закреплены в Международной декларации о генетических данных человека¹ и во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека².

В данных документах особо подчеркивается необходимость защиты таких данных.

В частности, отдельно отметим пункт «b» ст. 14 Международной декларации о генетических данных человека, который предусматривает, что «генетические данные человека... не должны быть раскрыты или сделаны доступными для третьих сторон, в частности работодателей, страховых компаний, учебных заведений и членов семьи, за исключением случаев, связанных с важными общественными интересами, строго оговоренных внутренним правом, соответствующим международному праву в области прав человека, или случаев, когда было получено предварительное, свободное, осознанное и ясно выраженное согласие соответствующего лица... Право на частную жизнь, воплощаемое в участии того или иного лица в исследованиях с использованием генетических данных человека... должно защищаться, и такие данные должны рассматриваться как конфиденциальные».

Цели противодействия допингу могут рассматриваться как связанные с важными общественными интересами, что, тем не менее, требует создания детализированной правовой основы на уровне национального законодательства, в том числе, касающегося геномной регистрации.

Нельзя не отметить, что разработка подобной правовой основы не может ограничиваться введением отдельных норм. Следует понимать, что это последовательный и комплексный процесс, границы которого на данный момент полностью не сформированы. В целом сама проблематика генного допинга представляет собой скорее не текущее, а будущее явление. Владимир Львович Квинт указывает, что в «XXI веке контуры и характеристики будущего, ценности, интересы и приоритеты, к которым должно стремиться общество, векторы и темпы этого движения не могут грамотно определяться и эффективно достигаться без профессионально разрабатываемых и последовательно реализуемых стратегий» [2]. Понимая, что регулирование особенностей применения генетических технологий и предотвращения генного допинга является одной из важнейших сфер будущей жизни общества, следует обратить внимание на то, что подходы к регламентации рассматриваемых в настоящей статье вопросов должны разрабатываться в рамках единой стратегии с отражением интересов спортивного сообщества.

Заключение

В контексте проблемы применения генного допинга и нахождения наиболее эффективных мер по борьбе с ним могут затрагиваться права человека в целом, что требует использования новых подходов к нормативному обеспечению в данной области с учетом ее комплексности.

Энди Миа указывает, что политика, реализуемая органами публичной власти в сфере противодействия генному допингу, может не совпадать, выходить за пределы или быть излишне ограничительной по отношению к общей политике в области медицины и биотехнологий, основывающейся на правовых гарантиях биоэтики в целом. При этом в ее рамках должны признаваться более широкие последствия применения генетических технологий для биоэтики [13, с. 154].

¹ Международная декларация о генетических данных человека // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 01.06.2020).

² Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 01.06.2020).

С учетом быстрых темпов создания научных разработок в сфере редактирования генов, регулирование соответствующей деятельности крайне необходимо, тем не менее, как указывает Михалис Критикос, на настоящий момент отсутствует консенсус относительно того, следует ли регламентировать на законодательном уровне в целом применение подобных технологий, или же вместо этого предметом такого регулирования должны стать отдельные методы генной инженерии [12, с. 2].

Одной из мер по защите прав человека в рассматриваемом контексте может стать ужесточение уголовной ответственности за использование в отношении спортсмена или склонение спортсмена к использованию запрещенных методов генного допинга, а также расширение субъектного состава таких преступлений.

Склонение спортсмена к использованию технологий генной инженерии в целях улучшения его спортивных результатов может привести к гораздо более серьезным последствиям и более серьезным нарушениям его прав, чем склонение к применению иных запрещенных веществ и методов.

При этом некоторые права, такие как право на приватность, могут быть в некоторой степени ограничены в целях достижения публичных интересов.

Литература

1. Афанасьева О. В. Право на неприкосновенность частной жизни. Укрепляет ли его закон о персональных данных? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. С. 76–88.
2. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. II. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020.
3. Шадрин С. А. Содержание права на неприкосновенность частной жизни по российскому и европейскому законодательству // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 9 (94). С. 208–217.
4. Anderson W. F. Human Gene Therapy: Scientific and Ethical Considerations // *Journal of Medicine and Philosophy*. 1985. Vol. 10. N 3. P. 275–292 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/3900264> (дата обращения: 01.06.2020).
5. Aith F. M. A. Anti-doping control and public health: limits to the exposure of human health to risk in the name of sporting glory // *Revista de Saúde Pública*. 2013. Vol. 47. N 5. P. 1–4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.scielo.br/pdf/rsp/v47n5/en_0034-8910-rsp-47-05-1015.pdf (дата обращения: 01.06.2020).
6. Barilan Y. M., Brusa M. Human rights and bioethics // *Journal of Medical Ethics*. 2008. Vol. 34. N 5. P. 379–383 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18448721> (дата обращения: 01.06.2020).
7. Chneiweiss H., Hirsch F., Montoliu L. et al. Fostering responsible research with genome editing technologies: a European perspective // *Transgenic Research*. 2017. Vol. 26. P. 709–713 [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11248-017-0028-z.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
8. Fallahi A., Ravasi A., Farhud D. Genetic doping and health damages // *Iranian Journal of Public Health*. 2011. Vol. 40. N 1. P. 1–14 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3481729/> (дата обращения: 01.06.2020).
9. Friedmann T. Genetic therapies, human genetic enhancement, and ... eugenics? // *Gene Therapy*. 2019. Vol. 26. P. 351–353 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/s41434-019-0088-1.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
10. Hoff D. Reflections on «doping in sport» and «doping in society» // *Doping and Public Health*. Ed. by N. Ahmadi, A. Ljungqvist, G. Svedsäter. Abingdon : Routledge, 2016. XI. P. 49–63.
11. Houlihan B. Civil Rights, Doping Control and the World Anti-doping Code // *Sport in Society*. 2004. Vol. 7. N 3. P. 420–437 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/1743042000291712> (дата обращения: 01.06.2020).
12. Kritikos M. What if gene editing became routine practice? // *European Parliamentary Research Service*. 2018, October. P 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://euromind.global/wp-content/uploads/2019/02/What-if-gene-editing-became-routine-practice.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
13. Miah A. Genetics, bioethics and sport // *Sport, Ethics and Philosophy*. 2007. Vol. 1. N 2. P. 146–158 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17511320701425181?journalCode=rsep20> (дата обращения: 01.06.2020).

14. *Popstefanov G. L.* Gene Doping: The Game Changing Technological Advancement of the Next Generation // Law School Student Scholarship. № 290 2013. P. 13 [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.shu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1290&context=student_scholarship (дата обращения: 01.06.2020).
15. *Rigozzi A., Kaufmann-kohler G., Malinverni G.* Doping and fundamental rights of athletes: comments in the wake of the adoption of the World Anti-Doping Code // International Sports Law Review. 2003. N 3. P. 39–52 [Электронный ресурс]. URL: <https://lk-k.com/wp-content/uploads/Doping-and-fundamental-rights-of-athletes-Comments-in-the-wake-of-the-adoption-of-the-World-Anti-Doping-Code.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
16. *Saghezchi S. M., Naini M. T.* A Legal Approach to the Interaction between Sports and Human Rights // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016, May. Vol. 7. N 3. P. 196–205.
17. *Smith K. R.* Gene therapy: theoretical and bioethical concepts // Archives of Medical Research. 2003. Vol. 34. N 4. P. 247–268 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/12957520> (дата обращения: 01.06.2020).
18. *Yotova R.* The Regulation of Genome Editing and Human Reproduction Under International Law, EU Law and Comparative Law // Nuffield Council of Bioethics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nuffieldbioethics.org/assets/pdfs/GEHR-report-on-regulation.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).

Об авторах:

Редькина Алена Игоревна, доцент кафедры спортивного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук; juriste.ap@gmail.com

Шевченко Ольга Александровна, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Москва, Российская Федерация), доктор юридических наук, доцент; labourlaw@bk.ru

Воронцов Дмитрий Игоревич, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук; vorontsov3339@gmail.com

References

1. Afanasyeva O. V. The right to privacy. Does it strengthen personal data law? // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost]. 2011. N 6. P. 76–88. (In rus)
2. Kvint W. L. Strategy Concept. T. II. SPb. : North-West Institute of Management of RANEP, 2020. (In rus)
3. Shadrin S. A. The content of the right to privacy under Russian and European legislation // Actual Problems of the Russian law [Aktualnye problem rossiyskogo prava]. 2018. N 9(94). P. 208–217. (In rus)
4. Anderson W. F. Human Gene Therapy: Scientific and Ethical Considerations // Journal of Medicine and Philosophy. 1985. Vol. 10. N 3. P. 275–292 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/3900264> (accessed: 01.06.2020).
5. Aith F. M. A. Anti-doping control and public health: limits to the exposure of human health to risk in the name of sporting glory // Revista de Saúde Pública. 2013. Vol. 47. N 5. P. 1–4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.scielo.br/pdf/rsp/v47n5/en_0034-8910-rsp-47-05-1015.pdf (accessed: 01.06.2020).
6. Barilan Y. M., Brusa M., Human rights and bioethics // Journal of Medical Ethics. 2008. Vol. 34. N 5. P. 379–383 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18448721> (accessed: 01.06.2020).
7. Chneiweiss H., Hirsch F., Montoliu L. et al. Fostering responsible research with genome editing technologies: a European perspective // Transgenic Research. 2017. Vol. 26. P. 709–713 [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11248-017-0028-z.pdf> (accessed: 01.06.2020).
8. Fallahi A., Ravasi A., Farhud D. Genetic doping and health damages // Iranian Journal of Public Health. 2011. Vol. 40. N 1. P. 1–14 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3481729/> (accessed: 01.06.2020).

9. Friedmann T. Genetic therapies, human genetic enhancement, and ... eugenics? // *Gene Therapy*. 2019. Vol. 26. P. 351–353 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/s41434-019-0088-1.pdf> (accessed: 01.06.2020).
10. Hoff D. Reflections on «doping in sport» and «doping in society» // *Doping and Public Health*. Ed. by N. Ahmadi, A. Ljungqvist, G. Svedsäter. Abingdon : Routledge, 2016. XI. P. 49–63.
11. Houlihan B. Civil Rights, Doping Control and the World Anti-doping Code // *Sport in Society*. 2004. Vol. 7. N 3. P. 420–437 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/1743042000291712> (accessed: 01.06.2020).
12. Kritikos M. What if gene editing became routine practice? // *European Parliamentary Research Service*. 2018, October. P 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://euromind.global/wp-content/uploads/2019/02/What-if-gene-editing-became-routine-practice.pdf> (accessed: 01.06.2020).
13. Miah A. Genetics, bioethics and sport // *Sport, Ethics and Philosophy*. 2007. Vol. 1. N 2. P. 146–158 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17511320701425181?journalCode=rsep20> (accessed: 01.06.2020).
14. Popstefanov G. L. Gene Doping: The Game Changing Technological Advancement of the Next Generation // *Law School Student Scholarship*. № 290 2013. P. 13 [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.shu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1290&context=student_scholarship (accessed: 01.06.2020).
15. Rigozzi A., Kaufmann-kohler G., Malinverni G. Doping and fundamental rights of athletes: comments in the wake of the adoption of the World Anti-Doping Code // *International Sports Law Review*. 2003. N 3. P. 39–52 [Электронный ресурс]. URL: <https://lk-k.com/wp-content/uploads/Doping-and-fundamental-rights-of-athletes-Comments-in-the-wake-of-the-adoption-of-the-World-Anti-Doping-Code.pdf> (accessed: 01.06.2020).
16. Saghezchi S. M., Naini M. T. A Legal Approach to the Interaction between Sports and Human Rights // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2016, May. Vol. 7. N 3. P. 196–205.
17. Smith K. R. Gene therapy: theoretical and bioethical concepts // *Archives of Medical Research*. 2003. Vol. 34. N 4. P. 247–268 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/12957520> (accessed: 01.06.2020).
18. Yotova R. The Regulation of Genome Editing and Human Reproduction Under International Law, EU Law and Comparative Law // *Nuffield Council of Bioethics* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nuffieldbioethics.org/assets/pdfs/GEHR-report-on-regulation.pdf> (accessed: 01.06.2020).

About the authors:

Alena I. Redkina, PhD (Law), Assistant professor of the Department of Sports Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation); juriste.ap@gmail.com

Olga A. Shevchenko, Doctor of Science (Law), Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation); labourlaw@bk.ru

Dmitriy I. Vorontsov, PhD (Law), Senior researcher of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation); vorontsov3339@gmail.com

Цифровизация и ее влияние на современную экономическую конвергенцию — методологический аспект

Халин В. Г. *, Чернова Г. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.halin@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Ужесточение конкуренции любых экономических субъектов приводит к использованию такого механизма борьбы с ней, как экономическая конвергенция — сближение деятельности разных экономических субъектов, направленное на повышение эффективности и конкурентоспособности его участников. В то же время важнейшей современной тенденцией общественного развития становится цифровизация, которая и на процессы конвергенции в экономике также оказывает свое воздействие. Раскрытие особенностей влияния цифровизации на процессы конвергенции включает рассмотрение этапов развития цифровизации, уровней конвергенции, их взаимосвязи, а также выявление направлений и результатов влияния последнего этапа цифровизации на современную экономическую конвергенцию. Результатами исследования являются выделенные параметры экономической конвергенции и их содержание, раскрытие особенностей бизнес-модели предпринимательской деятельности в рамках современной экономической конвергенции, возможностей совместного бизнеса, реализуемого межсекторной конвергенцией, а также предпосылок совместного бизнеса, обусловленных влиянием на все эти процессы фактора цифровизации.

Ключевые слова: экономическая конвергенция, параметры конвергенции, цифровизация, бизнес-модель предпринимательской деятельности в рамках межсекторной экономической конвергенции, предпосылки эффективности совместного бизнеса

Для цитирования: Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на современную экономическую конвергенцию — методологический аспект // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 78–87.

Digitalization and Its Impact on Modern Economic Convergence — Methodological Aspect

Vladimir G. Khalin*, Galina V. Chernova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.halin@spbu.ru

ABSTRACT

Tighter competition of any economic entities leads to the use of such a mechanism to combat it as economic convergence — the rapprochement of the activities of various economic entities, aimed at increasing the efficiency and competitiveness of its participants. At the same time, the most important modern trend in social development is digitalization, which also has an impact on convergence processes in the economy. Disclosure of the impact of digitalization on convergence processes includes consideration of the stages of development of digitalization, levels of convergence, their relationship, as well as identifying the directions and results of the impact of the last stage of digitalization on modern economic convergence. The results of the study are the identified parameters of economic convergence and their content, the disclosure of the business model characteristics of entrepreneurial activity within the framework of modern economic convergence, the possibilities of joint business implemented by intersectoral convergence, as well as the prerequisites of joint business due to the influence of the digitalization factor on all these processes. Keywords: economic convergence, convergence parameters, digitalization, business model of entrepreneurial activity within the framework of intersectoral economic convergence, prerequisites for the effectiveness of joint business.

Keywords: economic convergence, convergence parameters, digitalization, business model of entrepreneurial activity within the framework of intersectoral economic convergence, prerequisites for the effectiveness of joint business

For citing: Khalin V. G., Chernova G. V. Digitalization and Its Impact on Modern Economic Convergence — Methodological Aspect // Administrative consulting. 2020. N 8. P. 78–87.

Основные положения

На современное развитие всех стран существенное влияние оказывает цифровизация — современный тренд развития экономики и общества, основанный на цифровом преобразовании любой информации. Цифровизация охватывает все уровни и сферы общественной жизни и, в том числе, сферу деятельности отдельных экономических субъектов.

Характерной особенностью деятельности всех экономических субъектов является их конкуренция. Поэтому все экономические субъекты стоят перед проблемой сохранения собственного бизнеса, повышения его эффективности и своей конкурентоспособности. Именно решение этих задач разными экономическими субъектами обуславливает поиск ими соответствующих механизмов.

Одним из таких механизмов является конвергенция — сближение деятельности различных экономических субъектов, направленное на повышение эффективности бизнеса и конкурентоспособности его участников и осуществляемое либо на основе сотрудничества, либо на основе проникновения одного экономического субъекта в деятельность другого экономического субъекта.

Цифровизация влияет на любой бизнес, в том числе и на бизнес, организованный в рамках конвергенции. Именно поэтому возникает вопрос — как цифровизация влияет на бизнес, организованный на базе сближения деятельности различных экономических субъектов?

К получению ответа на этот вопрос можно подойти по-разному.

Допустим, что:

- цифровизация как тенденция экономического развития не менялась в своем развитии;
- содержание экономической конвергенции как механизма сближения деятельности различных экономических субъектов также неизменно.

В этом случае для определения влияния цифровизации на экономическую конвергенцию достаточно найти точки соприкосновения тенденции цифровизации и механизма конвергенции и оценить результаты этого взаимодействия.

Но все дело в том, что реально ситуация является гораздо более сложной. И цифровизация, и экономическая конвергенция в своем развитии проходят разные этапы и уровни, и их соприкосновение и пересечение на этих этапах и уровнях имеет разные параметры и результаты.

Именно поэтому важно последовательно решить следующие задачи:

- определить этапы развития цифровизации как тенденции эффективного общественного развития;
- определить уровни развития экономической конвергенции как механизма сближения деятельности разных экономических субъектов;
- определить взаимосвязь этапов цифровизации и уровней развития экономической конвергенции;
- определить направления и результаты влияния последнего этапа цифровизации на современную экономическую конвергенцию.

Целью статьи является описание уровней экономической конвергенции и этапов развития цифровизации, а также определение направлений и результатов влияния

последнего этапа цифровизации на современный уровень экономической конвергенции.

Экономическая конвергенция и уровни ее развития

Происходящие в мире процессы глобализации и интеграции на национальном и мировом уровнях привели к ужесточению конкурентной борьбы между разными экономическими субъектами. Это спровоцировало поиск путей сохранения собственного бизнеса и улучшения его эффективности, а также повышения собственной конкурентоспособности. Таким механизмом стала экономическая конвергенция — сближение деятельности разных экономических субъектов [3; 5; 10].

В результате обострения конкуренции между субъектами, работающими в рамках одного сегмента определенного сектора экономики, стала проявлять себя внутрисегментная конвергенция. Задачу сохранения своего бизнеса и повышения его эффективности на основе сближения деятельности экономических субъектов одного сегмента стали решать инициаторы конвергенции — ее активные участники. При этом, если сближение проходило в добровольной форме, то и другие (пассивные) участники конвергенции могли получить от него также положительные результаты (повышение своей конкурентоспособности). Но при агрессивной форме конвергенции пассивные ее участники могли иметь самые разные результаты от этого сближения, вплоть до банкротства.

После решения проблем конкурентоспособности экономических субъектов внутри отдельного сегмента ужесточение конкуренции обусловило ее переход уже на следующий уровень — уровень экономических субъектов, работающих на разных сегментах определенного сектора экономики [2], а затем — на уровень разных сегментов различных секторов экономики.

В общем случае ужесточение конкуренции приводит к переходу ее с одного уровня отношений между экономическими субъектами к другому — более высокому. Это ведет к тому, что и содержание механизма конвергенции (содержание самого процесса сближения деятельности экономических субъектов) меняется при переходе от одного уровня конкуренции на другой. Именно это является основанием для выделения уровней экономической конвергенции, связанных с этапами конкуренции, — уровней внутрисегментной, межсегментной и межсекторной конвергенции.

Изменение содержания экономической конвергенции при переходе от одного ее уровня к другому проявляется в изменении следующих характеристик экономической конвергенции.

Состав участников конвергенции. На уровне внутрисегментной конвергенции участниками являются экономические субъекты, работающие на одном сегменте определенного сектора экономики. На уровне межсегментной конвергенции ее участниками становятся экономические субъекты, работающие на разных сегментах определенного сектора экономики. На уровне межсекторной, современной экономической конвергенции, ее участниками становятся экономические субъекты, работающие на разных сегментах различных секторов экономики.

Состав факторов, способствующих экономической конвергенции. Для всех этапов конвергенции характерно влияние следующих двух факторов: ужесточение конкуренции и стремление повысить эффективность собственного бизнеса и свою конкурентоспособность. Однако на уровне межсегментной конвергенции дополнительным может быть, например, такой фактор, как одинаковость или схожесть процедур регулирования деятельности субъектов разных сегментов определенного сектора экономики (например, процедур регулирования банковского и страхового сегментов финансового сектора экономики). Для межсекторной конвергенции

дополнительным фактором, способствующим конвергенции, является цифровизация, открывающая новые возможности для сближения деятельности экономических субъектов самых разных сегментов различных секторов экономики.

Состав предпосылок экономической конвергенции. В общем случае под предпосылками конвергенции понимаются те новые возможности ведения совместного бизнеса, а также особенности деятельности ее потенциальных участников, наличие которых (особенностей) способствует сближению деятельности потенциальных участников конвергенции [8; 9].

Эти предпосылки указывают на возможные точки роста эффективности совместного бизнеса, а учет этих предпосылок в организации совместного бизнеса будет способствовать реальному повышению эффективности нового бизнеса.

Важнейшей предпосылкой всех уровней конвергенции является схожесть деятельности экономических субъектов, участвующих в сближении. Она проявляется в значениях определенных параметров деятельности экономических субъектов. Для внутрисегментной конвергенции схожесть деятельности практически описывается всеми параметрами экономической деятельности, так как в сближении (объединении) участвуют предприятия, фирмы и организации, выпускающие практически одну и ту же продукцию, для одних и тех же потребителей и т. д. Для межсегментной конвергенции параметрами, описывающими схожесть деятельности потенциальных участников сближения, могут быть значения таких параметров, как клиентская база, выпускаемые продукты, технологические условия деятельности и каналы сбыта. На содержание и перечень предпосылок межсекторной конвергенции сильное влияние оказывает цифровизация, поэтому перечень и содержание предпосылок являются более сложными. В любом случае учет этих предпосылок в организации совместного бизнеса будет способствовать повышению его эффективности.

Содержание бизнес-модели предпринимательской деятельности, осуществляемой в рамках ее определенного уровня. Содержание бизнес-модели как описания предпринимательской деятельности в условиях конвергенции определяется особенностями сближения, характерными для рассматриваемого уровня конвергенции, а также влиянием факторов и предпосылок, способствующих сближению деятельности экономических субъектов в рамках рассматриваемого уровня конвергенции [6; 7].

Этапы цифровизации и их связь с уровнями экономической конвергенции

Основой всех происходящих в экономике и обществе изменений, обусловленных цифровизацией, служат информационные технологии.

Информационные технологии или информационно-коммуникационные технологии (ИТ или ИКТ — это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [1¹]. Они применяются практически во всех областях экономической и общественной жизни и позволяют эффективно организовывать информационные процессы, снижать затраты времени, труда, энергии и материальных ресурсов.

В своем развитии цифровизация проходила и проходит определенные этапы, каждый из которых по-своему влияет на протекание конвергенции:

- этап А — разработка отдельных информационных технологий и их применение для решения конкретных задач. Многообразие задач, при решении которых при-

¹ См. также: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

меняются информационные технологии, обуславливает множество классификаций ИТ, построенных по значениям самых разных классификационных признаков, отвечающих специфике решаемых задач;

- этап В — разработка и внедрение платформ ИТ, представляющих собою аппаратно-программные комплексы, обеспечивающие базовый набор сервисов, необходимых пользователям для выполнения определенных задач. При этом платформы могут быть универсальными, а могут создаваться для выполнения определенных задач управления;
- этап С — разработка и внедрение сетей разного уровня (локальных, региональных, национальных и международных), объединяющих различные платформы ИТ. Они направлены на формирование единого информационного пространства совместного бизнеса, в том числе — на предоставление ресурсов всем ее участникам для решения задач, общих для всех участников бизнеса.

Во влиянии цифровизации на современную межсекторную конвергенцию можно выделить ее влияние на бизнес, проводимый в рамках конвергенции, как на любой другой бизнес (стандартное влияние), и специфическое влияние на предпринимательскую деятельность, реализуемую именно в рамках межсекторной конвергенции.

Положительное стандартное влияние цифровизации на бизнес в рамках межсекторной конвергенции, как на любой другой бизнес, может проявиться через:

- появление экономического и социального эффекта от применения цифровых технологий;
- повышение качества жизни, в первую очередь, за счет расширения линейки предлагаемых продукции и услуг;
- возникновение новых бизнес-моделей и новых форм бизнеса;
- повышение прозрачности и обеспечение мониторинга экономических операций в рамках всей совокупности участников бизнеса;
- обеспечение практически безграничного продвижения любых товаров и услуг;
- исключение посредников при продвижении продукции и/или услуг совместного бизнеса;
- оптимизацию издержек за счет снижения затрат на сбор, обработку и использование информации участниками совместного бизнеса;
- ускорение бизнес-процессов;
- создание возможности для потребителей самостоятельного выбора предлагаемых товаров и услуг на различных серверах и т. д. [4].

Специфическое влияние цифровизации на процессы конвергенции выразилось в следующем.

Впервые оно проявилось на уровне межсегментной конвергенции. Базой ведения совместного бизнеса стали информационные технологии, отвечающие этапу развития цифровизации на момент их применения (этап А). В настоящее время уровень цифровизации дает возможность помимо конкретных информационных технологий использовать платформы информационных технологий и сети, позволяющие объединить в рамках совместного бизнеса практически бесконечное число как участников конвергенции, так и клиентов (этапы В и С).

Именно эта особенность современного этапа развития и применения цифровых технологий (этапы В и С) оказывает сильное влияние на современную экономическую конвергенцию, что находит отражение в содержании бизнес-модели предпринимательской деятельности, реализуемой в рамках межсекторной конвергенции. Влияние цифровизации на содержание бизнес-модели предпринимательской деятельности в рамках современной экономической конвергенции проявляется в следующем. Современный этап развития цифровизации предоставляет практически неограниченные возможности привлечения к совместному бизнесу разных участ-

ников из различных сфер экономики. Это позволяет отказаться от агрессивной формы вовлечения их в совместный бизнес и построить взаимоотношения всех участников на согласовании их интересов. Хотя во главе совместного бизнеса находятся инициаторы конвергенции, определенные интересы других участников конвергенции будут способствовать их вхождению в совместный бизнес — в ином случае при добровольной форме осуществления конвергенции незаинтересованные участники сами откажутся от идеи сближения. Естественно, что не все участники межсекторной конвергенции будут получать одинаковый экономический эффект, но в любом случае каждый из них какой-то положительный результат получить будет обязательно. Совместный бизнес в условиях межсекторной конвергенции, осуществляемый на информационной и электронной основе самого высокого уровня, позволяет модифицировать и стратегию совместного бизнеса. Она предполагает удовлетворение расширенных потребностей клиента — в базовых продуктах инициатора конвергенции, конвергированных продуктах, а также в базовых продуктах и преобразованных на их основе продуктах любых других участников конвергенции.

Основной институционально-организационной формой межсекторной конвергенции является бизнес-экосистема или просто экосистема, имеющая ряд особенностей, обусловленных совместным влиянием трендов конвергенции и цифровизации. Экосистема представляет собой возглавляемую головной организацией совокупность взаимосвязанных сервисов, создающих и предоставляющих определенную экономическую ценность. Все сервисы объединены единым брендом, дизайном и другими аксессуарами деятельности. Они предоставляются на базе платформ информационных технологий, включенных в общую сеть, использующую единую для всех участников системы реальную и виртуальную информацию.

Помимо влияния цифровизации на саму бизнес-модель предпринимательской деятельности в рамках современной экономической конвергенции, необходимо заметить, что цифровизация оказывает влияние и на ее предпосылки.

К ним относятся, во-первых, те новые возможности, обусловленные влиянием цифровизации, реализация которых в рамках совместного бизнеса обеспечивает повышение его эффективности, и, во-вторых, те особенности деятельности потенциальных участников межсекторной конвергенции, учет которых в совместном бизнесе также обеспечит повышение его эффективности.

Влияние цифровизации на предпосылки современной экономической конвергенции

Как уже отмечалось выше, важнейшими факторами, влияющими на выбор конвергенции как механизма повышения конкурентоспособности экономических субъектов, являются ужесточение конкуренции экономических субъектов; стремление экономического субъекта повысить эффективность собственного бизнеса и конкурентоспособность, а также поиск механизмов повышения эффективности собственного бизнеса и собственной конкурентоспособности. Для современной экономической конвергенции дополнительным, очень существенным фактором стала цифровизация, которая оказала сильное влияние как на сам бизнес, осуществляемый в рамках межсекторной конвергенции, так и на предпосылки, способствующие межсекторной конвергенции.

В числе предпосылок современной экономической конвергенции можно назвать те новые возможности ведения совместного бизнеса в рамках конвергенции, которые обусловлены влиянием цифровизации и реализация которых обеспечивает повышение его эффективности:

- отказ от агрессивной формы проведения конвергенции. Агрессивная форма проведения конвергенции, характерная для внутрисегментной и межсегментной

конвергенции, ограничивала интересы участия в ней пассивных участников — повышение конкурентоспособности инициаторов межсекторной конвергенции могло идти за счет ущемления интересов других участников, вовлеченных в этот процесс. Отказ от агрессивной формы проведения конвергенции, переход только к добровольной форме привлечения участников в совместный бизнес действительно способствовал повышению эффективности совместного бизнеса. Он привел к тому, что в совместном бизнесе стали участвовать только заинтересованные в нем экономические субъекты, и это, естественно, положительно сказалось на эффективности совместного бизнеса. Сам отказ от агрессивной формы конвергенции стал возможен по следующей причине. В условиях цифровизации появились технические возможности вовлечения в процесс конвергенции неограниченного числа экономических субъектов и привлечения новых клиентов. При этом целью сближения участников стало такое повышение эффективности бизнеса, которое было бы полезно всем участникам, хотя может быть и в разной степени;

- технические возможности реализации модифицированной клиентоориентированной стратегии. Современный этап развития цифровизации в рамках межсекторной конвергенции обеспечивает клиенту получение продукции и/или услуг самых разных сегментов различных секторов экономики. Эти возможности обусловлены свойствами используемых информационных технологий, платформ и сетей. Последние позволяют клиенту получать основные, конвергированные и другие сервисные продукты и/или услуги, предоставляемые ему в одном пакете и в режиме онлайн. Такие возможности также расширяют круг самих потребителей, что положительно влияет на эффективность совместного бизнеса.

Важнейшей предпосылкой современной экономической конвергенции также можно назвать схожесть деятельности экономических субъектов — участников современной экономической конвергенции. Это — та особенность деятельности потенциальных участников межсекторной конвергенции, учет которой в совместном бизнесе обеспечит повышение его эффективности.

В общем случае схожесть деятельности разных экономических субъектов может проявиться в значениях определенных параметров, характеризующих эту деятельность. Под воздействием цифровизации содержание этой предпосылки меняется. Так, сами параметры, описывающие схожесть, могут быть другими по сравнению с теми, которые описывали схожесть деятельности участников, например, для межсекторной конвергенции.

Параметр «клиентская база», описывающий предпосылку «схожесть деятельности потенциальных участников конвергенции» для внутрисекторной и межсекторной конвергенции, в межсекторной конвергенции остается. А вот параметр схожести деятельности участников конвергенции «выпускаемые продукты», используемый во внутрисекторной и межсекторной конвергенции, в общем случае здесь уже не используется, поскольку клиенту предлагаются продукция и/или услуги из самых разных сегментов различных секторов экономики.

Так как на межсекторную конвергенцию сильное влияние оказывает цифровизация, характеристикой схожести производственно-хозяйственной деятельности участников может быть параметр «используемые информационные технологии». Но надо иметь в виду то, что новая ступень цифровизации (этапы В и С) может обеспечить совершенно новый уровень электронного сопровождения совместного бизнеса. И в этом случае параметр «используемые информационные технологии» уйдет из списка тех, значения которых описывают схожесть деятельности потенциальных участников межсекторной конвергенции.

Особое место среди параметров предпосылки «схожесть деятельности потенциальных участников конвергенции» занимает параметр «каналы сбыта». Это объ-

ясняется тем, что новый уровень цифровизации создал совершенно безграничные возможности для распространения всех продуктов всех участников конвергенции. Следствием этого является формирование новой единой системы каналов сбыта, основанной на современных возможностях цифровых технологий и практически не увязанной с уровнем использования информационных технологий каждым участником конвергенции до его вовлечения в этот процесс.

Межсекторная экономическая конвергенция как форма предпринимательской деятельности

Учет в совместном бизнесе названных предпосылок, в большей степени обусловленных влиянием цифровизации, отвечает современной (межсекторной) экономической конвергенции как форме ведения предпринимательской деятельности, основанной на сближении деятельности субъектов, работающих на разных сегментах любых секторов экономики, и реализуемой через сотрудничество этих субъектов на основе использования современных информационных технологий, платформ и сетей.

Выводы

Ужесточение конкурентной борьбы между разными экономическими субъектами обусловило использование такого механизма повышения эффективности бизнеса, как конвергенция — сближение деятельности разных экономических субъектов, направленное на повышение конкурентоспособности ее участников и основанное либо на сотрудничестве, либо на проникновении отдельного экономического субъекта в деятельность другого.

Важнейшим фактором современного общественного развития является цифровизация, основанная на цифровом преобразовании любой информации. Естественно, что она становится существенным фактором, влияющим на бизнес, в том числе на бизнес, реализуемый в рамках экономической конвергенции.

В данной статье выделены этапы развития цифровизации и уровни экономической конвергенции, а также проанализировано взаимодействие современного этапа цифровизации с уровнем межсекторной конвергенции, характерным для экономики настоящего периода.

Цифровизация как современная тенденция экономического и общественного развития оказала влияние и на содержание экономической конвергенции, что нашло отражение в значениях таких ее параметров, как состав участников конвергенции; состав факторов, способствующих экономической конвергенции; состав предпосылок экономической конвергенции; содержание бизнес-модели предпринимательской деятельности.

На современную экономическую конвергенцию цифровизация оказала стандартное влияние — как на любой другой бизнес, и специфическое — как на бизнес, осуществляемый в рамках межсекторной экономической конвергенции.

Ее специфическое влияние на современную экономическую конвергенцию проявилось в содержании соответствующей бизнес-модели предпринимательской деятельности следующим образом. Сейчас конвергенция проводится в добровольной форме; все ее участники, хотя и не в равной мере, но обязательно получают эффект от участия в ней; базой ведения совместного бизнеса являются платформы информационных технологий, объединенные в сети; модифицированная клиентоориентированная стратегия совместного бизнеса предполагает удовлетворение расширенных потребностей клиента в базовых и преобразованных на их основе продуктах всех участников совместного бизнеса; основной институционально-организационной формой совместного бизнеса является экосистема.

Положительному влиянию цифровизации на современную экономическую конвергенцию способствует создание самой цифровизацией новых возможностей ведения совместного бизнеса, реализация которых обеспечивает повышение его эффективности.

Повышению эффективности совместного бизнеса способствуют также предпосылки, обусловленные влиянием цифровизации и возникающие на уровне потенциальных участников конвергенции. Их учет в совместном бизнесе тоже будет отвечать решению задачи повышения его эффективности.

Литература

1. Коголовский М. Р. и др. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества, 2009. 160 с.
2. Кузнецова Н. П., Писаренко Ж. В., Чернова Г. В. Финансовая конвергенция как механизм повышения конкурентоспособности субъектов финансового рынка // Финансы и кредит. 2015. № 46(670). С. 10–23.
3. Кузнецова Н. П., Чернова Г. В. Конвергенция в сфере финансовых услуг // Вестник СПбГУ. Сер. 5 «Экономика». 2001. Вып. 4. С. 129–136.
4. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). С. 46–62.
5. Чернова Г. В., Писаренко Ж. В., Кузнецова Н. П. Факторы, предпосылки и параметры финансовой конвергенции // Страховое дело. 2017. № 3 (288). С. 3–14.
6. Чернова Г. В., Халин В. Г., Калайда С. А. Бизнес-модель предпринимательской деятельности в условиях межсегментной экономической конвергенции // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 691–694.
7. Чернова Г. В., Халин В. Г., Калайда С. А. Особенности бизнес-модели предпринимательской деятельности современной экономической конвергенции // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6 (119). 2020. С. 604–607.
8. Чернова Г. В., Халин В. Г., Калайда С. А. Факторы и предпосылки межсегментной экономической конвергенции // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 200–204.
9. Чернова Г. В., Халин В. Г., Калайда С. А. Факторы и предпосылки современной экономической конвергенции // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6 (119). С. 31–36.
10. Dowrick St., Bradford J. D. Globalization and Convergence. Globalization in Historical Perspective. USA: University of Chicago Press, 2003. URL: <http://www.nber.org/books/bord03> (дата обращения: 23.04.2020).

Об авторах:

Халин Владимир Георгиевич, профессор кафедры информационных систем в экономике Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; v.halin@spbu.ru

Чернова Галина Васильевна, профессор кафедры управления рисками и страхования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; g.chernova@spbu.ru

References

1. Kogalovsky M. R. et al. Glossary on the Information Society / Under the general. ed. of Yu. E. Khokhlov. M.: Institute for the Development of the Information Society, 2009. 160 p. (In rus)
2. Kuznetsova N. P., Pisarenko Zh. V., Chernova G. V. Financial convergence as a mechanism to increase the competitiveness of financial market entities // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2015. N 46 (670). P. 10–23. (In rus)
3. Kuznetsova N. P., Chernova G. V. Convergence in the field of financial services // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 5 "Economics" [Vestnik SPbGU. Ser. 5 «Ekonomika»]. 2001. Iss. 4. P. 129–136. (In rus)

4. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2018. N 10 (118). P. 46–62. (In rus)
5. Chernova G.V., Pisarenko Zh.V., Kuznetsova N.P. Factors, premises and parameters of financial convergence // Insurance business [Strakhovoe delo]. 2017. N 3 (288). P. 3–14. (In rus)
6. Chernova G.V., Khalin V.G., Calaida S.A. Business model of entrepreneurial activity in the context of intersegment economic convergence // Economics and Entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2020. N 5 (118). P. 691–694. (In rus)
7. Chernova G.V., Khalin V.G., Calaida S.A. Features of the business model of entrepreneurial activity of modern economic convergence // Economy and Entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2020. N 6 (119). P. 604–607. (In rus)
8. Chernova G.V., Khalin V.G., Calaida S.A. Factors and prerequisites for intersegment economic convergence // Economy and Entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2020. N 5 (118). P. 200–204. (In rus).
9. Chernova G.V., Khalin V.G., Calaida S.A. Factors and prerequisites of modern economic convergence // Economy and Entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2020. N 6 (119). P. 31–36. (In rus)
10. Dowrick St., Bradford J.D. Globalization and Convergence. Globalization in Historical Perspective. USA: University of Chicago Press, 2003. URL: <http://www.nber.org/books/bord03> (date of the address: 23.04.2020)

About the authors:

Vladimir G. Khalin, Professor of the Chair of Information Systems in Economics of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; v.halin@spbu.ru

Galina V. Chernova, Professor of the Chair of Risk management and Insurance of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; g.chernova@spbu.ru

Современные подходы к формированию цифровой инфраструктуры

Грибанов Ю. И.¹, Руденко М. Н.^{2, *}, Аленина К. А.³

¹АНО ДПО «Академия цифровой экономики», г. Пермь, Российская Федерация

²Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация; *m.ru.ko@mail.ru

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Понятие цифровой инфраструктуры является относительно новым и получило широкое распространение вместе с распространением цифровых технологий и расширением их функций в социально-экономической системе. Понятие цифровой инфраструктуры тесно связано с понятиями информационной инфраструктуры и инфраструктуры информационных технологий или информационно-коммуникационных технологий. Последние, в свою очередь, связаны с понятием информационного общества. Инфокоммуникационные технологии и сети модифицируют социальные взаимосвязи, новые технологии создают новые сообщества, которые преимущественно возникают и функционируют на сетевом принципе. Инфокоммуникационные сети формируют новые инструменты для взаимодействия. В статье проанализированы вышеперечисленные новые явления и эффекты.

Ключевые слова: информационная инфраструктура, цифровая инфраструктура, инфокоммуникационные технологии, информационное общество, обеспечивающие системы

Для цитирования: Грибанов Ю. И., Руденко М. Н., Аленина К. А. Современные подходы к формированию цифровой инфраструктуры // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 88–98.

Modern Approaches to Formation of Digital Infrastructure

Yuri I. Gribanov¹, Marina N. Rudenko^{2, *}, Karina A. Alenina³

¹Autonomous Non-Commercial Organization of Post-Graduate Professional Education « Academy of Digital Economics», Perm, Russian Federation

²Perm State National Research University, Perm, Russian Federation; *m.ru.ko@mail.ru

³National Research University "Higher School of Economics", Perm, Russian Federation

ABSTRACT

The concept of digital infrastructure is rather new and was widely adopted together with distribution of digital technologies and expansions of their functions in social and economic system. The concept of digital infrastructure is closely connected with concepts of information infrastructure and infrastructure of information technologies or information and communication technologies. The last, in turn, relate to a concept of information society. Info-communication technologies and networks modify social interrelations, new technologies create new communities which mainly arise and function on the network principle. Info-communication networks form new tools for interaction.

Keywords: information infrastructure, digital infrastructure, info-communication technologies, information society, providing systems

For citing: Gribanov Yu. I., Rudenko M. N., Alenina K. A. Modern Approaches to Formation of Digital Infrastructure // Administrative consulting. 2020. N 8. P. 88–98.

Информационное общество представляет собой новый тип общественной формации, следующий за индустриальным обществом. Эволюция информационного общества стимулировалась быстрым развитием электроники и вычислительных тех-

нологий. Возрастающая роль инфокоммуникационных технологий и сетей может быть в равной степени отмечена в различных областях индивидуальной деятельности, общественной и экономической деятельности и культуры. Эти технологии и сети предлагают широкий выбор инструментов и услуг, они оказывают влияние на поведение и деятельность индивида, общества, экономики и культуры, они модифицируют формы труда, исследований и развлечений.

Основной ресурс развития информационного общества — это не материалы или энергия, а информация. Поскольку информация и знания приобретают определяющую роль, то результаты функционирования экономической системы зависят в значительной степени от интенсивности и широты использования научных достижений. По этой причине современное общество часто называют обществом знаний.

Можно сказать, что информационное общество — экономическая система глобальной, парламентарной демократии, построенная на основе информации, знаний и науки, функционирование которых обеспечивается информационными сетями. Инфокоммуникационные сети позволяют социально-экономической системе функционировать взаимозависимо и с низкими издержками. Посредством инфокоммуникационных технологий взаимодействие между индивидами, бизнес-субъектами и государством (и его органами) получает новое основание. Посредством сетей данные субъекты могут принимать участие в функционировании социально-экономической системы и принимать решения. Система объектов, которые обеспечивают выполнение данных функций, создает основу для бесперебойного и устойчивого функционирования социально-экономической системы информационного общества.

Информация сама по себе имеет ограниченную ценность. Как и для любого ресурса, в рамках процессов экономического воспроизводства и функционирования рынка, ее ценность признается в результате использования. Информационные системы до развития цифровых вычислительных средств имели низкий уровень сопряженности, и обеспечение доступности информации было сложной и дорогостоящей задачей. Информационная инфраструктура в полном смысле не существовала, поскольку не существовала как единая система и не предоставляла ограниченные возможности информационного обеспечения социально-экономических процессов.

Информационная инфраструктура представляет собой комплекс стационарного и мобильного оборудования, инструментов, систем, сетей и систем их обеспечения, которые позволяют извлекать, создавать, хранить, распространять и использовать информационные ресурсы, необходимые для функционирования информационного общества. Устойчивое функционирование информационной инфраструктуры обеспечивает организованное, профессиональное и эффективное функционирование общества.

Формирование информационной инфраструктуры непосредственно связано с развитием цифровых технологий. Цифровые технологии, в свою очередь, получили свое название из-за специфики представления информации в дискретной форме. С технической точки зрения, использование цифровых технологий позволило обеспечить высокие вычислительные возможности и сопряженность различных сегментов информационной системы в единое целое. Цифровые технологии, таким образом, являются частной формой представления информации в рамках ее хранения и обработки. Цифровая инфраструктура, в этом смысле, является частным случаем информационной инфраструктуры. Однако, учитывая то, что современная информационная инфраструктура практически полностью строится на основе цифровых технологий, понятия «информационной инфраструктуры» и «цифровой инфраструктуры» равнозначны.

Известные научные подходы к формированию информационной инфраструктуры можно представить в виде таблицы (см. табл.).

Научные подходы к определению развития информационной инфраструктуры
 Table. Scientific approaches to determining information infrastructure development

Исследовательский подход	Философская традиция	Научная база	Определение развития цифровой инфраструктуры
Сложность информационной инфраструктуры	Объективизм	Теория сложности (Холланд, Мол, Ло, Урри) [2; 3; 4; 14]	Процесс, в рамках которого разнородные и автономные индивиды, организации изучают возможности использования технологии в процессе адаптации друг к другу и их внешнему окружению
Сетевой характер информационной инфраструктуры	Объективизм	Теория сетей (Калон, Латур) [1; 6; 10]	Процесс, посредством которого множество социальных акторов преобразуют и вписывают свои интересы в технологию, создавая развивающуюся сеть социальных и технических пользователей
Реляционный подход	Объективизм	Рабочие практики и теория знаний (Энгестрем, Лэйв и Венген) [8; 9; 11]	Процесс, в ходе которого социотехнические взаимоотношения развиваются на основе информационных технологий и становятся значимыми в данной общности
Стратегический актив	Позитивизм	Теория стратегического выбора (Бекерт, Чайлд) [7]	Процесс, посредством которого руководители инициируют и реализуют изменения в организационном портфолио систем и инструментов для улучшения согласованности между ее ИТ ресурсами и стратегическими задачами

В основе информационной инфраструктуры лежит технология работы с данными или комплекс технологий, которые обобщенно называются информационными технологиями. Информационная технология является комплексным понятием, которое в ходе своего исторического развития дополнялось новыми компонентами и уточнялось. Исторически первым видом информационных технологий являются аппаратные средства. Аппаратные средства представляют собой материальные активы, с помощью которых производится хранение, передача и обработка цифровых данных на физическом уровне. На современном этапе развития можно выделить как минимум две категории аппаратного обеспечения. Во-первых, сюда относятся непосредственно вычислительные машины — персональные компьютеры, сервера. Во-вторых, к аппаратному обеспечению можно отнести коммуникационные сети и оборудование, используемые для передачи данных.

Вторая сторона определения информационных технологий — это программное обеспечение. Программное обеспечение представляет собой средства для использования возможностей аппаратного обеспечения в прикладных целях, а также для управления аппаратным обеспечением.

Более широкое понимание информационной инфраструктуры предполагает включение в понятие обеспечивающих систем. Основная инфраструктура, или функциональная, обеспечивает бесперебойное, качественное выполнение информационных функций общества. Она гарантирует получение, создание, передачу, обработку и использование информации. Она включает в себя: телекоммуникационные системы; вещательные сети; управляющие информационные системы (правительственные, административные, правоохранительные и т.д.); системы управления воздушным транспортом; навигационные системы, включая GPS и Глонасс; системы сенсоров для удаленного контроля и управления объектами; роботизированные системы управления; компьютерные сети.

Обеспечивающая информационная инфраструктура создает интеллектуальную, финансовую базу, необходимую для бесперебойного функционирования и развития функциональной информационной инфраструктуры. К ней могут относиться системы обеспечения электричеством, исследовательское оборудование и технологии для развития электроники, компьютерных систем; компании, реализующие проекты в области информационных технологий, а также логистические системы для аппаратного обеспечения.

Использование информационных технологий предполагает выполнение таких задач, как установка, настройка и конфигурирование, а также поддержка. Кроме того, важную роль могут иметь задачи анализа, оценки и проектирования информационной системы. Использование информационной технологии может предполагать также обучение пользователей. Сложность и объем этих задач зависят от ряда факторов, таких как выполняемые задачи, отрасль применения, характеристики объекта применения и другие. Рассмотрим кратко эти задачи.

Установка и конфигурирование информационной технологии предполагает организацию взаимодействия технологии обработки и хранения данных пользователей, а также интеграцию ее с другими информационными системами, как внутри организации, так и за ее рамками.

Поддержка и обучение — это комплекс услуг, направленных на организацию использования информационной технологии конечными пользователями. Эти виды услуг дополняют друг друга.

Анализ и проектирование информационной системы предполагают планирование сценариев использования технологии для достижения целей пользователей. Существует достаточно большое количество методологий проектирования информационных систем, каждая из которых имела или имеет свою сферу применения. Традиционно наиболее простой методологией проектирования является каскадная модель. Она предполагает линейное исполнение этапов по анализу, разработке, тестированию, конфигурированию и развертыванию информационной системы.

Соответственно, одним из ключевых предположений данной модели является завершение текущего этапа перед переходом к следующему. Наиболее распространенной проблемой при выполнении данного предположения является неопределенность и динамичность окружения социально-экономической системы. Для систем, обладающих даже относительно низким уровнем сложности, затруднительно определить все требования до начала проектирования и разработки. Но даже если эти требования определены корректно на этапе перехода к разработке информационной системы, то высокая степень неустойчивости меняет требования. Это приводит к тому, что внедренная система неэффективно решает поставленные задачи.

Это послужило причиной для развития итеративного подхода к проектированию информационных систем. Принципиальное отличие состояло в том, что в процессе проектирования периодически происходил возврат к предыдущим этапам. Методологии, основанные на данном подходе, получили широкое распространение

в начале нынешнего века. Классическим примером такой методологии является методология *Rational Unified Process* (RUP). Эта система получила достаточно широкое распространение в крупных проектах, но отличалась высокой сложностью и требованиями к среде и квалификации персонала.

Хотя данная методология использовалась преимущественно для разработки программных продуктов, одной из ее особенностей были возможности системного представления компонентов информационной инфраструктуры. В ней отдельно выделялись слои бизнес-логики, программной и аппаратной составляющих. Как самостоятельные классы в ней присутствовали бизнес-пользователи с целями, которые они реализуют через так называемые прецеденты или кейсы. Программная логика формировалась для реализации какого-то из определенных бизнес-кейсов. В нее включались классы объектов, операции над ними. Механизмы взаимодействия и использования классов описывались с помощью нескольких видов диаграмм — поведения, деятельности, последовательностей.

Программные классы объединялись в компоненты, которые через свои интерфейсы предоставляли определенные услуги в информационной системе. Компоненты, в свою очередь, связывались с узлами аппаратного обеспечения, включая сетевое оборудование. Нужно также отметить, что нотация *Rational Unified Process* обладала достаточно широкими возможностями для описания видов взаимосвязей между отдельными классами объектов в модели. Широкие описательные возможности данной методологии позволяют ей быть актуальной до настоящего времени. Но сама по себе методология проектирования не определяет какие-либо конкретные механизмы формирования информационной инфраструктуры в целом.

Из-за сложности и высоких затрат на использование, методологии каскадного типа в последние десять лет активно уступали место так называемым гибким методологиям. Гибкие методологии предполагают отказ от тщательного долгосрочного планирования информационной системы. Вместо этого определяются и выполняются наиболее существенные задачи в рамках непродолжительных, фиксированных этапов. При использовании данной методологии есть риски того, что такое развитие информационной системы может привести к стратегическому тупику. В результате может потребоваться принципиальная переработка всей информационной системы. Такие риски особенно высоки именно в сложных инфраструктурных проектах. Вместе с тем, данная методология достаточно эффективна при развитии информационных систем с низким уровнем определенности и сжатыми сроками.

Для организации и управления информационной инфраструктурой необходимы субъекты управления и пользователи, обладающими необходимыми компетенциями для выполнения соответствующих задач.

Субъекты управления информационной инфраструктурой зависят от содержания и назначения данной части инфраструктуры. В рамках информационной инфраструктуры выделяют различные ее виды по назначению. Выделяются следующие виды информационной инфраструктуры в зависимости от назначения: глобальная инфраструктура и национальная информационная инфраструктура и, как ее часть, оборонительная информационная инфраструктура. Выделение оборонительной информационной инфраструктуры, вероятно, продиктовано тем, что эта часть информационной инфраструктуры обычно отделена от гражданской части.

Цифровая инфраструктура предполагает массовое пользование услугами, которые она предоставляет, как и другие виды инфраструктуры. Массовое использование допустимо при создании механизмов массового общественного доступа к этой инфраструктуре. В свою очередь, это достижимо при условии обеспечения взаимосвязанности отдельных секторов информационной инфраструктуры. Такую роль в современной цифровой инфраструктуре выполняет интернет и сервисы,

построенные на его основе. Взаимосвязь между элементами цифровой инфраструктуры возможна при условии согласования механизма соединения и обмена данными между элементами. Стандарты являются описанием механизмов взаимодействия не только между разнородными элементами, но и для согласования многочисленных, разнородных технологий.

Некоторые исследователи рассматривают стандарты как необходимое условие для развития инфраструктуры. Содержание и глубина стандартизации оказывают важное влияние на возможности информационной инфраструктуры. Это позволяет связывать большее количество классов объектов. Например, простое подключение организаций к сети Интернет на основе базовых протоколов HTTP, POP3, SMTP и некоторых других сделало возможным оперативный обмен информацией между организациями. Дальнейшая стандартизация форматов текстовых данных позволила обмениваться файлами. Обмен данными о запасах и заказах позволил оптимизировать цепочки поставок и повысить согласованность действий контрагентов для повышения общей эффективности. Необходимым условием для достижения этих эффектов является стандартизация кодов товаров и комплектующих, форматов обменов данными между ними и использование ряда других стандартов.

Как было упомянуто ранее, специфика информации состоит в том, что она может распространяться без существенных ограничений и с несущественными издержками, в отличие от материальных благ. Кроме того, информация может оказывать воздействие на восприятие обществом других объектов — как социальных, так и не социальных. Поэтому формирование взаимосвязей различных элементов цифровой инфраструктуры сталкивается с дополнительными сложностями. Подключение к глобальной информационной инфраструктуре создает возможности, но одновременно и риски, связанные с несанкционированным использованием информационных ресурсов или услуг. Поэтому остро стоят вопросы конфиденциальности данных.

Одним из ключевых элементов цифровой инфраструктуры является создание надежных систем разграничения и управления доступом к информационным ресурсам. Многочисленные громкие скандалы, связанные с утечкой данных десятков миллионов пользователей в различных социальных сетях, а также дискуссии о необходимости соблюдения тайны частной переписки в интернете, подчеркивают важность существующих проблем управления доступом к данным информационной инфраструктуры. Причем решение данных проблем может быть достигнуто только при условии того, что регламентирующие документы, включая государственные и межгосударственные нормативные акты, наряду со стандартами сформируют правила взаимодействия компонентов информационной инфраструктуры.

Стандарты и политики в цифровой инфраструктуре обеспечивают замещение двухсторонних переговоров со множеством социальных и технических объектов, которые были бы необходимы для интеграции с ними информационной системы, на универсальный процесс подключения к большому количеству таких объектов. По сути, в этом и заключается основная функция информационной инфраструктуры.

Инфраструктурный подход к развитию информационных систем отличается тем, что отдельный объект (в рамках приложения, вычислительной мощности, промышленного оборудования) разрабатывается не как изолированный компонент, а как часть сети связанных объектов. В этом смысле инфраструктурный подход подразумевает создание не технической, а социально-технической системы, которая наращивается поверх уже существующей основы. А поскольку существующая организация информационной инфраструктуры является в определенном контексте отражением социально-экономических отношений прошлого, то она представляет наложение как технологических, так и социальных отношений, которые до сих пор достаточно ограниченно рассматривались в научной литературе.

Поскольку цифровая инфраструктура является своеобразным наложением на другие компоненты, то теории развития данной инфраструктуры преимущественно указывают на ее эволюционный характер и релятивизм. Ее объекты становятся инфраструктурой в отношении к организованным практикам. Например, Стар и Рухледер [12; 13] определяют в своей работе информационную инфраструктуру как «встроенную в другие структуры, транспарентную в использовании, которая имеет широкую сферу применения, связанную с обычаями и практиками, включающую стандарты, необходимые для включения в другие структуры». Так или иначе, включение новых элементов в существующие структуры является ключевым требованием.

Инновации в цифровой инфраструктуре сталкиваются с двумя важными препятствиями.

Во-первых, инновации в области услуг представляют собой сложный процесс, отличающийся от инноваций продуктов. Услуги обычно разрабатываются в тесном взаимодействии с клиентами, и они чаще разрабатываются в сетях, нежели в лабораторных условиях. Такие инновации обычно переопределяют роли поставщика услуг и пользователей. Показательным примером является интернет-банкинг. Реальная инновация, которая лежит в основе интернет-банкинга, состоит не в том, что услуга предоставляется через веб-приложение, а в изменении ролей: банковская организация предоставляет технологическую инфраструктуру, технология доступна 24 часа в день, и каждый день клиенты выполняют транзакции самостоятельно.

Во-вторых, исследования информационной инфраструктуры показывают, что траекторию развития цифровой инфраструктуры сложно прогнозировать и контролировать. Обширное исследование предприятий показало, что многие ключевые подходы из области стратегического менеджмента, такие как планирование сверху вниз, управленческий контроль не работают как предполагается в контексте информационной инфраструктуры. Авторы утверждают, что некоторые подходы будут скорее увеличивать управленческие проблемы крупных информационных структур, и поэтому они предлагают вместо них использовать концепции «культивирования» и «заботы о порядке» для ускорения инновации и роста.

Продолжая свои идеи, они приходят к выводу о том, что крупные информационные инфраструктуры имеют уровень сложности, который превышает возможности применения традиционных методов проектирования систем. Они предложили полноценную теорию проектирования информационной инфраструктуры, сконцентрированную на том, как ускорить рост базы пользователей, которую они считали ключевым критерием, для ускорения инновации и роста. Теория основывается на методах сетевой экономики и экономики сложности и включает в себя пять принципов: проектировать изначально для обеспечения полезности других участников; основываться на существующей базе пользователей; расширять существующую клиентскую базу на основе стимулирующих механизмов; поддерживать простоту системы; модульность через построение отдельно ключевых функций для каждой инфраструктуры, использования слоев и шлюзов.

Эти принципы проектирования используют динамику самоукрепляющихся механизмов роста информационной инфраструктуры. Иными словами, создаются органические механизмы для развития информационной инфраструктуры. Хотя ключевое значение в данных принципах имеет развитие клиентской базы, она не является самоцелью. Чем шире клиентская база — тем выше преимущества и ценность, которую может предоставить информационная инфраструктура.

Более 25 лет назад Ван де Вен [15] описал инновации как коллективный процесс, включающий в себя не только предпринимателя или инноватора, но также различных отраслевых и общественных участников со своими ролями. Понимание того, что инновации в настоящее время редко имеют место внутри одной организации или небольшой системы, подтолкнуло интерес исследователей к различным

формам кооперационных инновационных процессов. Знания и межорганизационное взаимодействие имеют критическое значение в четырех основных измерениях: осведомленность о технических возможностях, чувствительность к контексту, понимание бизнес-модели и пересечение компетенций границ отдельных объектов и подсистем.

Это имеет большое значение для понимания необходимых условий формирования цифровой инфраструктуры. Не только встраивание в технические требования существующей инфраструктуры, но и характеристики межорганизационного взаимодействия должны учитываться в данном процессе. Это улучшает понимание инфраструктурного окружения и позволяет избежать множества ошибок, связанных с адаптацией инноваций в существующей инфраструктуре. Особо следует подчеркнуть способности пересечения границ отдельных подсистем и организаций.

Это сыграло важную роль в процессах глобализации и повышении глобальности социально-экономических процессов. Чем выше барьеры между отдельными подсистемами (национальными, организационными, региональными и т. д.) — тем сложнее происходит внедрение и закрепление инноваций. По сути, барьеры создают в разной степени изолированные подсистемы со своими требованиями. Фрагментированность принципиально снижает устойчивость и затрудняет глубокую интеграцию. Это делает невозможными развитие многих форм информационной инфраструктуры.

Другие исследователи изучали инновационные способности распределенных и гетерогенных сетей и показали, что инновации в этом контексте могут рассматриваться как серия когнитивных и социальных смещений или поступательных движений. Когнитивные смещения представляют собой преобразования идей в действующие объекты, в то время как социальные смещения имеют место на границах различных социальных сообществ, где вовлеченные участники договариваются и взаимно адаптируют решение. В то время как процесс когнитивных смещений относительно линейный и инерционный, процесс социальных преобразований намного менее предсказуемый.

Ряд исследователей использовали концепцию «пространства возможностей» для описания модели формирования информационной инфраструктуры. Суть этой концепции состоит в том, что в определенные моменты возникает возможность формирования компонентов инфраструктуры таким образом, что это приводит к инициированию своеобразной цепной реакции и самоукреплению такой организации. Формируются, так называемые, новые виды услуг. Существующая информационная инфраструктура предлагает пространство возможностей, основанных на следующих элементах: большая клиентская база; информационные технологии, где компоненты могут практически неограниченно воспроизводиться и использоваться повторно; ограниченное число ключевых лиц с глубокими знаниями динамики информационной инфраструктуры, включая технические знания и навыки в области проектирования ИТ инфраструктуры.

Соответственно, следующий шаг — это объединить эти компоненты в идеи и собрать из компонентов новые сервисы. Некоторые исследователи предполагают и обратный процесс — использование новых сервисов как основы для создания нового пространства возможностей. Поскольку новый сервис создает дополнительную ценность для пользователей, то он стимулирует расширение клиентской базы, привлечение новых партнеров, а также расширение возможностей информационных технологий, стоящих в основе инфраструктуры. Немаловажно также и то, что в результате распространения нового сервиса расширяются финансовые возможности и возможности для инвестирования новых инноваций.

Однако нужно признать, что возможности практического приложения самоукрепляющегося механизма услуг информационной инфраструктуры более слабые и не вполне очевидны. Тем не менее, нельзя отрицать, что цифровая инфраструктура

представляет значительные возможности для разработки новых видов услуг на основе информационных технологий. Но нужно понимать, что разработка и внедрение этих сервисов не лишены разногласий и противоречий, а также других типов сложностей, поскольку вся информационная инфраструктура может оказаться под давлением по мере развития как в отношении ограничений информационных технологий, так и социальной сложности.

Инновационный процесс в сетях является когнитивным, социальным и нелинейным. Другими словами, процесс инноваций информационной инфраструктуры не может планироваться и контролироваться детально. Но инновационный механизм может помочь организациям и государственным структурам улучшить инновационный процесс в управляемой форме.

Развитие цифровой инфраструктуры может рассматриваться в широком смысле как последовательный процесс, посредством которого она преобразуется в более сложную форму. Если рассматривать цифровую инфраструктуру как объединение технологических и социальных компонентов, сетей, систем и процессов, которые вносят свой вклад в функционирование информационной системы, можно отметить, что этот эволюционный процесс включает как социальные, так и технические элементы.

В этой связи теория сложности [5] стала одним из первых и широко распространенных подходов к изучению формирования и развития информационной инфраструктуры. Модели сложности основываются на предположении о том, что не существует какого-либо единственного источника эволюции цифровой инфраструктуры. Такие модели, как правило, основываются на базовых концепциях теории сложности и подчеркивают многогранность информационной инфраструктуры как множества лиц (акторов), действующих в своих интересах.

Другими словами, эволюция инфраструктуры рассматривается как процесс, в ходе которого разнородные и автономные индивиды, организации и иные объединения акторов используют информационные технологии для адаптации друг к другу и их внешнему окружению.

Другим подходом к изучению механизмов формирования и развития цифровой инфраструктуры являются сетевые модели. Сетевые модели предполагают, что сети людей и технических элементов направляют развитие информационной инфраструктуры. Эти исследования, преимущественно, основываются на ранних работах разработчиков теории сетей, таких как Калон и Латур [1; 6; 10]. Они рассматривают развитие цифровой инфраструктуры как процесс, посредством которого множество социальных акторов транслируют и вписывают свои интересы в технологию, создавая постоянно развивающуюся сеть социальных и технических субъектов.

Реляционные модели предполагают, что инфраструктура должна оцениваться через призму восприятия ее пользователями и заинтересованными лицами. Эта группа научных работ основывается на теории обучения и рабочих практиках. Например, как рассматривается в работе Стара и Руледера [12], цифровая инфраструктура — относительная собственность, которая становится значимой как элемент организованной деятельности. В этом отношении формирование инфраструктуры рассматривается как процесс, посредством которого социотехнические отношения развиваются в новые практики сообщества посредством информационных технологий.

Литература

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
2. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.

3. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015.
4. Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М. : Высшая школа экономики, 2012.
5. Шалаев В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола, 2009.
6. Callon M. Some elements of a sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay // Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge? / ed. by J. Law. L. : Routledge and Kegan Pol, 1986.
7. Child J. Organizational Structure, Environment and Performance: The Role of Strategic Choice // Sociology. 1972. N 6. P. 1–22.
8. Cole M., Engeström Y. A cultural-historical approach to distributed cognition // Distributed cognitions, psychological and educational considerations / ed. by G. Salomon. NY : Cambridge Univ. Press, 1993.
9. Engeström Y., Miettinen R., Punamaki R.-L. (eds.) Perspectives on activity theory. NY : Cambridge Univ. Press, 1999.
10. Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension // Common knowledge. 1997. N 6/3.
11. Lave J. Cognition in practice. NY : Cambridge Univ. Press, 1988.
12. Susan Leigh Star, Karen Ruhleder. Steps Toward an Ecology of Infrastructure: Design and Access for Large Information Spaces // Information System Research. Vol. 7. N 1.
13. Susan Leigh Star. The Ethnography of Infrastructure. American Behavioral Scientist, 1999.
14. Urry J. Global Complexity. Cambridge : Polity Press, 2003. P. IX–X.
15. Van de Ven A. H., Polley D., Garud R., Venketemaran S. The Innovation Journey. 2008. L., NY : Oxford Univ. Press.

Об авторах:

Грибанов Юрий Иванович, профессор кафедры цифрового аутсорсинга АНО ДПО «Академия цифровой экономики» (г. Пермь, Российская Федерация), доктор экономических наук.

Руденко Марина Николаевна, заведующий кафедрой предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; m.ru.ko@mail.ru

Аленина Карина Анатольевна, советник директора НИУ ВШЭ — Пермь (г. Пермь, Российская Федерация), кандидат экономических наук; karina_alenina@mail.ru

References

1. Latour B. Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (In rus)
2. Law J. Objects and Spaces // Sociological Review [Sotsiologicheskoe obozrenie]. 2006. V. 5. N 1. P. 30–42. (In rus)
3. Law J. After the method: disorder and social science. M.: Gaidar Institute Publishing House, 2015. (In rus)
4. Urry D. Sociology beyond societies. Mobilities for the 21st century. M.: Higher School of Economics, 2012. 336 p. (In rus)
5. Shalaev V. P. Synergetics in the space of philosophical problems of our time. Yoshkar-Ola, 2009. (In rus)
6. Callon M. Some elements of a sociology of translation domestication of the scallops and fishermen of St Brieux Bay // Power, Action and belief: A new Sociology of Knowledge? / ed. by J. Law. L. : Routledge and Kegan Pol, 1986.
7. Child J. Organizational Structure, Environment and Performance: The Role of Strategic Choice // Sociology. 1972. N 6. P. 1–22.
8. Cole M., Engeström Y. A cultural-historical approach to distributed cognition // Distributed cognitions, psychological and educational considerations / ed. by G. Salomon. NY : Cambridge Univ. Press, 1993.
9. Engeström Y., Miettinen R., Punamaki R.-L. (eds.) Perspectives on activity theory. NY : Cambridge Univ. Press, 1999.

10. Latour B. Trains of thought: Piaget, formalism and the fifth dimension // Common knowledge. 1997. N 6/3.
11. Lave J. Cognition in practice. NY : Cambridge Univ. Press, 1988.
12. Susan Leigh Star, Karen Ruhleder. Steps Toward an Ecology of Infrastructure: Design and Access for Large Information Spaces // Information System Research. Vol. 7. N 1.
13. Susan Leigh Star. The Ethnography of Infrastructure. American Behavioral Scientist, 1999.
14. Urry J. Global Complexity. Cambridge : Polity Press, 2003. P. IX– X.
15. Van de Ven A.H., Polley D., Garud R., Venketemaran S. The Innovation Journey. 2008. L., NY : Oxford Univ. Press.

About the authors:

Yuri I. Gribanov, Professor of the Department of Digital Outsourcing of Autonomous Non-Commercial Organization of Post-Graduate Professional Education « Academy of Digital Economics» (Perm, Russian Federation), Doctor of Science (Economics)

Marina N. Rudenko, Head of the Department of Entrepreneurship and Economic Security of Perm State National Research University (Perm, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; m.ru.ko@mail.ru

Karina A. Alenina, Advisor to the Director of National Research University “Higher School of Economics” in Perm (Perm, Russian Federation), PhD in Economics; karina_alenina@mail.ru

Оценка влияния ключевой ставки Банка России на депозитную политику коммерческих банков

Конягина М. Н. *, Меурмишвили И. Р., Дочкина А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; konyagina-mn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Денежно-кредитная политика Центрального банка входит в сферу интересов экономистов разной специализации. Определяя стоимость денег в экономике, объем денежной массы и обеспечивая бесперебойность функционирования национальной платежной системы, регулятор оказывает значительное влияние на состояние экономики и определяет перспективу ее развития. Одним из самых важных инструментов денежно-кредитной политики является ключевая ставка. Однако эффективность ее применения в разных экономиках на разных исторических этапах отличается. Коммерческие банки, составляя ядро кредитной системы, крайне зависимы от объема и качественных характеристик аккумулируемых депозитов. Вклады частных клиентов представляют важный ресурс как для краткосрочных, так и долгосрочных операций кредитных организаций. В России банки играют ведущую роль на финансовом рынке. В связи с этим оценка влияния такого инструмента денежно-кредитной политики, как ключевая ставка, на депозитную политику банков представляет особую актуальность в условиях текущего сложного состояния российской экономики. Поэтому, определив в качестве цели оценку текущего влияния ключевой ставки Банка России на депозитную политику российских кредитных организаций, авторы систематизировали необходимые релевантные данные о процентных ставках и объемах депозитов в коммерческих банках России с 2014 по 2018 гг., оценили силу связи ключевой ставки Банка России, депозитных ставок в банках и объемов вкладов в стране, определили проблемы реализации денежно-кредитной политики в России и сделали вывод о степени эффективности ключевой ставки как ее инструмента.

Ключевые слова: депозит, депозитная политика, ключевая ставка, коммерческий банк, регулятор

Для цитирования: Конягина М. Н., Меурмишвили И. Р., Дочкина А. А. Оценка влияния ключевой ставки Банка России на депозитную политику коммерческих банков // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 99–111.

Evaluation of the Impact of the Bank of Russia Key Rate on the Commercial Banks' Deposit Policy

Maria N. Konyagina*, Inga R. Meurmishvili, Anna A. Dochkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *konyagina-mn@ranepa.ru

ABSTRACT

The monetary policy of the Central Bank is in the sphere of interests of economists of various specializations. Determining the value of money in the economy, the money supply, and ensuring the effective functioning of the national payment system, the regulator has a significant impact on the state of the economy and determines the prospects for its development. One of the most important monetary policy instruments is the key rate. However, the efficiency of its application in different economies at different historical periods is different.

At the same time, commercial banks, being the core of the credit system, are extremely dependent on the volume and quality characteristics of accumulated deposits. Private clients' deposits are an important resource for both short-term and long-term operations of credit organizations. In Russia, banks play a leading role in the financial market. In this regard, the

evaluation of the impact of a key rate as an important monetary policy instrument on the banks' deposit policy is of particular relevance in the current state of the Russian economy. Therefore, determining as an aim of the research the evaluation of the current impact of the Bank of Russia key rate on the Russian credit organizations' deposit policy, the authors sorted out the necessary relevant data on interest rates and deposit volumes in Russian commercial banks in 2014–2018, assessed the strength of the relationship between the Bank of Russia key rate and banks' deposit rates and the volume of deposits in the country, identified the problems of implementing monetary policy in Russia and evaluated the effectiveness of the key rate as the monetary policy tool.

Keywords: deposit, deposit policy, key rate, commercial bank, regulator

For citing: Konyagina M. N., Meurmishvili I. R., Dochkina A. A. Evaluation of the Impact of the Bank of Russia Key Rate on the Commercial Banks' Deposit Policy // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 99–111.

Введение

Одним из основных инструментов денежно-кредитной политики Центрального банка Российской Федерации, нацеленным на определение стоимости краткосрочной ликвидности, а также на управление активностью на рынке кредитных продуктов, является ключевая ставка. В последние годы ключевая ставка Центрального банка значительно снизилась. Последнее (на момент написания данной статьи) понижение произошло 24 апреля 2020 г. до 5,5%. Основной целью такого понижения стало проведение более мягкой монетарной политики для повышения доступности кредитных средств предприятиям. Такой подход не может не отразиться на цене депозитов: последние пять лет показали общую тенденцию на снижение ставок по вкладам в кредитных организациях на территории Российской Федерации. Однако утверждать однозначно, насколько сильное влияние оказывает динамика уровня ключевой ставки на депозитные ставки банков возможно лишь на основе анализа динамических рядов этих показателей.

В научной литературе последних трех лет вопросы денежно-кредитной политики (далее — ДКП) и ее влияния на депозитную политику кредитных организаций рассматриваются не так часто. Так, в отечественных периодических изданиях ДКП рассматривается А. Тишиным [8], А. Поршаковым и А. Синяковым [5], В. Чернооком [9]. Ж. Г. Голодова с соавторами [1] уделяют внимание международным аспектам балансировки и оптимизации ДКП. Ряд авторов, таких как И. Агур и М. Демерцис [12], Р. Р. Рид и Е. А. Госиб [14], углубляются в теорию монетарного регулирования, а Д. Дерр с соавторами [2] рассуждают о проблеме интеграции криптовалют в денежную систему. Стоит поддержать также исследования, посвященные реализации фискальной политики в условиях различных режимов ДКП [13].

Следует подчеркнуть, что тематика денежно-кредитной политики, являясь довольно специализированной, остается актуальной и приобретает особую значимость в условиях кризиса. В современных условиях, когда немонетарные факторы подавляют эффекты применения инструментов ДКП, проводить анализ и прогнозировать особенно сложно. Довольно проблемными вопросами в условиях 2019–2020 гг. являются кредитно-депозитная и инвестиционная политики кредитных организаций, которые нечасто фигурировали в периодических источниках открытого доступа. В 2019 г. представляют интерес работы В. М. Смоленцева и А. И. Смоленцевой [6], А. Н. Лякина [4], объединенные схожими взглядами на дальнейшее изменение ключевой ставки Банка России. О проблематике формирования ресурсов кредитных организаций в контексте исследования в поле зрения авторов попали работы А. А. Иевлевой [3] и С. А. Шигильчевой [10].

Общие выводы по указанным работам свидетельствуют о необходимости регулирования депозитно-кредитной политики коммерческих банков, где важным инструментом выступает ключевая ставка Центрального банка РФ. При этом требуется понять и оценить силу влияния этого инструмента ДКП и объема мобилизуемых банками ресурсов на депозитные счета, что определяет актуальность темы.

Таким образом, ставя перед собой целью оценить влияние ключевой ставки Банка России на депозиты в российских кредитных организациях, авторы систематизировали необходимые релевантные данные о процентных ставках и объемах депозитов в коммерческих банках России, оценили силу связи отдельных инструментов ДКП и объемов вкладов в стране, определили проблемы реализации ДКП Банка России и связали их с текущими проблемами развития в отечественной экономике. Объектом исследования выбрана банковская система Российской Федерации, предметом изучения — взаимосвязь ключевой ставки и депозитной политики банков.

Материалы и методы

Ключевая ставка Центрального банка — это один из главных инструментов денежно-кредитной политики Банка России. Этот инструмент помогает получить представление о характере влияния ДКП на отдельные показатели деятельности коммерческих банков и банковской системы в целом. Характер ДКП может быть разным — как жестким, так и мягким. Ключевая ставка Банка России устанавливается советом директоров 8 раз в течение календарного года с момента ее ввода в 2013 г., что сигнализирует о ее важности. Однако необходимо оценить силу воздействия этого инструмента на результат, в нашем случае, объем привлеченных ресурсов, для чего выбран метод корреляционно-регрессионного анализа. Он позволяет простыми методами, например при помощи доступного программного обеспечения, рассчитать корреляцию между данными, где представлен размер ключевой ставки ЦБ РФ с 2013 по конец 2019 гг. Коэффициент корреляции рассчитывается по следующей формуле:

$$r_{xy} = \frac{\sum (X - \bar{X})(Y - \bar{Y})}{\sqrt{\sum (X - \bar{X})^2 \sum (Y - \bar{Y})^2}}, \quad (1)$$

где $\bar{X} = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n X_t$; $\bar{Y} = \frac{1}{n} \sum_{t=1}^n Y_t$ — среднее значение выборки.

Представленная формула помогает оценить, как исследуемые факторы изменяются вместе, определить силу взаимозависимости между ними. Результат расчетов может принимать значения от -1 до 1 . Значение, близкое к 1 , показывает положительную корреляцию, что подразумевает высокую зависимость изучаемых объектов, когда изменение зависимого фактора прямо пропорционально изменению определяющего явления. В нашем случае снижение ключевой ставки ЦБ РФ должно будет повлечь снижение результативного показателя — объема депозитов в кредитных организациях. Напротив, значение корреляции, приближающееся к -1 , показывает отрицательную взаимосвязь, и зависимость между ними обратно пропорциональная. Последнее будет означать, что снижение ключевой ставки должно повлечь за собой рост результативного показателя в равной степени. Приближение показателя корреляции к нулю будет говорить о слабой взаимосвязи и низкой степени взаимозависимости между изучаемыми факторами: изменение исследуемого фактора — ключевой ставки — не обуславливает изменений результативного показателя — объема депозитов в банках.

Информационной базой исследования стали данные, доступные на официальных сайтах Центрального банка Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики, а также работы отечественных и зарубежных ученых, опубликованные в изданиях, размещенных в открытом доступе.

Результаты

Являясь базовым минимумом для предоставления кредитов рефинансирования коммерческим банкам сроком до одной недели, ключевая ставка Центрального банка Российской Федерации одновременно определяет верхний предел, по которой регулятор принимает депозиты от кредитных организаций. С целью обеспечения ценовой стабильности Банк России может ужесточить или, наоборот, смягчить денежно-кредитную политику. Так, применяя инструменты ДКП, он управляет однодневными ставками, по которым коммерческие банки друг с другом совершают депозитно-кредитные операции.

Ключевая ставка Банка России была введена в действие 13 сентября 2013 г. В январе 2016 г. значение ставки рефинансирования было уравнено со значением ключевой ставки российского мегарегулятора. Любое изменение ключевой ставки оказывает влияние на процентные ставки, предлагаемые банками в рамках своих депозитных и кредитных продуктов на всей территории РФ. За свое семилетнее существование ключевая ставка ЦБ РФ претерпела немалые изменения (рис. 1).

Столь серьезные колебания одного из основных инструментов ДКП не могли не отразиться на депозитах, размещенных в российской банковской системе. Здесь важно отметить, что характер реагирования вкладчиков кредитных организаций неодинаков. Так, корпоративные клиенты размещают в банках больший объем ресурсов, но на короткий период, что оправдано постоянной потребностью бизне-

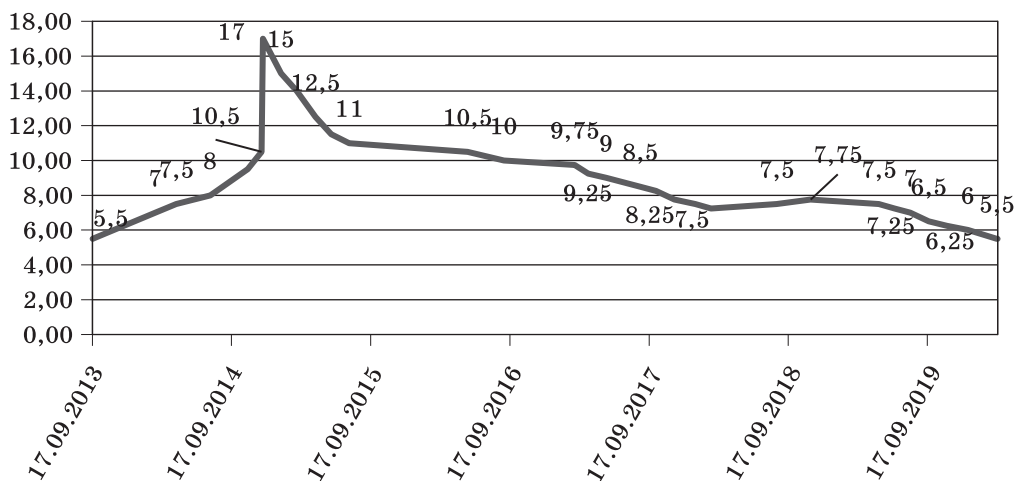

Рис. 1. Динамика ключевой ставки Банка России с 17.09.2013 по 27.04.2020, в %
Fig. 1. Dynamics of the Bank of Russia key rate from 17.09.2013 to 27.04.2020, in %

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Центрального банка РФ [Электронный ресурс]. URL: http://cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=17.09.2013&UniDbQuery.To=29.04.2020 (дата обращения: 29.04.2020).

са в ликвидных средствах. Основным же источником долгосрочных привлеченных средств — самых ценных для банков и для экономики — являются частные вкладчики. Объем свободных финансовых ресурсов у большинства физических лиц в отдельности сравнительно невелик. Однако по мере стабилизации экономики и повышения реального благосостояния населения депозиты частных клиентов в банках должны приобретать характер более долгосрочных.

Интересно, что в структуре вкладов населения с 2014 по 2018 гг. (рис. 2) удельный вес счетов до востребования и средств, размещенных на срок свыше трех лет, изменялся мало. У последнего вида депозитов в 2014 г. удельный вес составлял 8%, а в 2018 г. — 4%, где главное снижение пришлось на период 2014–2015 гг. Вклады до востребования на начало 2014 г. занимали 20,52% от общего объема всех депозитов, а к 2018 г. ситуация изменилась всего на 0,3%. Основное изменение пропорций вкладов населения коснулось средств, размещенных от 91 до 180 дней, от 181 дня до года и от одного года до трех лет.

Причем к 1 января 2016 г. резкое снижение удельного веса группы вкладов от года до трех лет прекращается и далее идет в пределах естественного колебания. На диаграмме (рис. 2) заметно, что сильные изменения пришлись на эти вклады с 2014 г., на начало которого они занимали 51%, т.е. больше половины от всех вкладов, а в 2018 г. уже 31%.

Более ошутимое сокращение идет в относительных объемах средств от полугода до года, а вот накопления сроком от 91 до 180 дней с 2016 по 2018 гг., наоборот, становятся все более привлекательными для домохозяйств. При этом общая сумма депозитов частных вкладчиков с 2016 по 2018 г. растет (табл. 1).

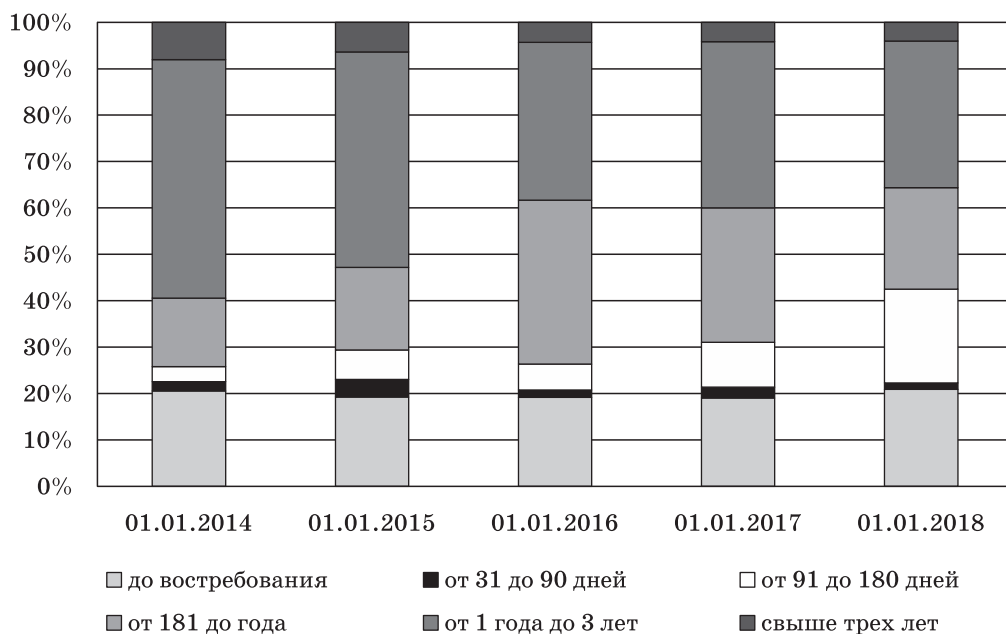

Рис. 2. Объем привлеченных кредитными организациями вкладов физических лиц
Fig. 2. Volume of deposits of individuals attracted by credit institutions

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 12.04.2020).

Представляет интерес тот факт, что после резкого падения объема вкладов в 2014–2015 гг., что связано с девальвацией национальной валюты, темпы роста вкладов сокращаются, будучи и так не слишком большими. Такая динамика характерна для состояния, когда экономика не обладает достаточным потенциалом для восстановления и дальнейшего роста реальных доходов населения. И несмотря на то, что к 2018 г. по сравнению с 2014 объем вкладов увеличился на 6 626 млрд руб., это всего лишь 47% в номинальном выражении и не дает обеспечить компенсацию потерь вкладчиков от девальвации рубля 2014–2015 гг.

Безусловно, в депозитном деле важную роль играют процентные ставки по вкладам разных групп, которые находятся в зависимости от ключевой ставки регулятора. Диапазон процентных ставок по вкладам с 1.01.2014 по 1.01.2019 во многом определялся 30 крупнейшими банками в стране (рис. 3). Это обусловлено активным сокращением числа небольших банков и открытой политикой Банка России, направленной на повышение устойчивости банковской системы страны и прозрачности проводимых кредитными организациями операций.

Изменение средних процентных ставок по вкладам физических лиц в 30 крупнейших банках России с 01.01.2014 по 01.01.2019 (рис. 3) демонстрирует их значительное снижение с 2015 г. В большинстве случаев наиболее привлекательными для клиентов являются депозиты от 1 года до 3 лет: в 2016, 2018 и 2019 гг., что объясняет наиболее частую лидирующую позицию именно этого

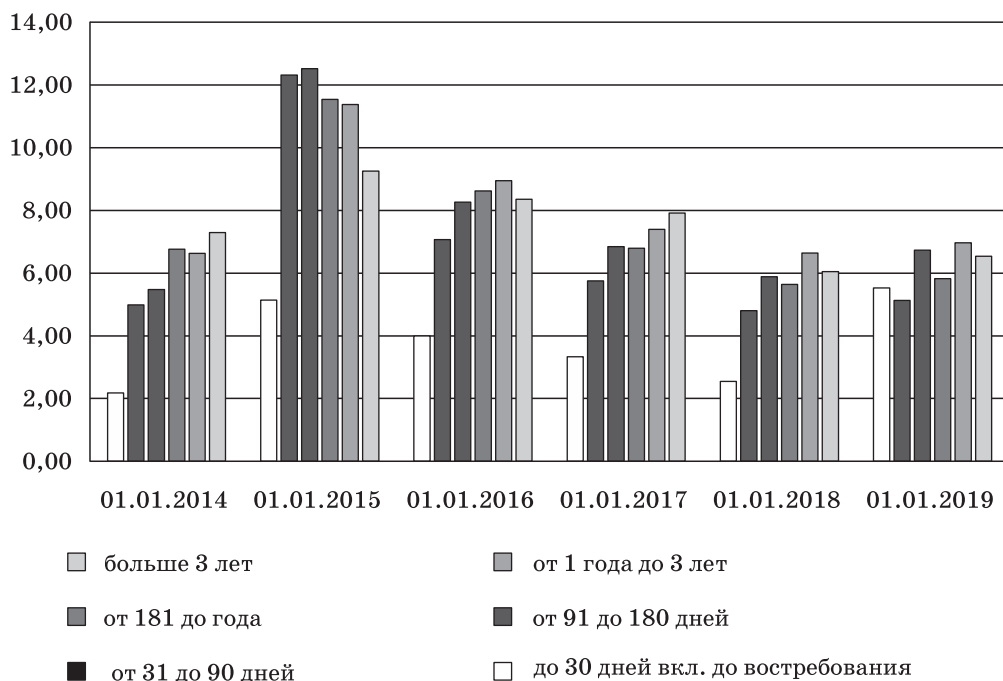

Рис. 3. Средние процентные ставки по вкладам физических лиц (по 30 крупным банкам) с 01.01.2014 по 01.01.2019, %

Fig. 3. Average interest rates on deposits of individuals (for 30 large banks) from 01.01.2014 to 01.01.2019, in %

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 12.04.2020).

Объем вкладов физических лиц, открытых в рублях, привлеченных кредитными организациями с 01.01.2014 по 01.01.2018, млн руб.

Table 1. The volume of deposits of individuals opened in rubles raised by credit institutions from 01.01.2014 to 01.01.2018, million rubles

Дата	Виды счетов						Общий размер вкладов	Изменение вкладов к предыдущему году	
	До востребо- вания	От 31 до 90 дней	От 91 до 180 дней	От 181 до года	От 1 года до 3 лет	Свыше трех лет		Абсо- лютое, млн руб.	Относительное, %
01.01.14	2 873 465	276 535	456 118	2 056 135	7 180 746	1 118 061	13 961 060	—	—
01.01.15	2 635 711	518 985	864 717	2 430 927	6 358 979	868 084	13 677 403	283 657	2,03%
01.01.16	3 136 363	265 693	911 390	5 771 268	5 565 847	707 501	16 358 062	2 680 659	19,60%
01.01.17	3 510 399	425 775	1 785 764	5 341 749	6 597 091	762 682	18 423 460	2 065 398	12,63%
01.01.18	4 297 433	285 017	4 169 490	4 498 010	6 504 724	832 120	20 586 794	2 163 334	11,74%

Источник: официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 12.04.2020).

вида вкладов в удельном весе от всего объема привлеченных денежных средств физических лиц. Что же касается банка, занимающего первое место в нашей стране по привлеченным депозитам физических лиц, то это по-прежнему ПАО «Сбербанк России».

Интересно, что на фоне общего снижения процентных ставок по депозитам (табл. 2) ставки по вкладам физических лиц до 30 дней, включая «до востребования», выросли с января 2014 г. на 1,31%. Это объясняется введением особого вида депозитных продуктов с повышенной ставкой, допускающего снятие сумм со счета и его пополнение.

Сравнение трендов ключевой ставки Банка России и ставок по видам вкладов с «нетипичным» изменением (рис. 4 (а) и (б)) позволяет полагать, что ключевая ставка не всегда предсказуемо влияет на депозитную политику банков.

Таблица 2

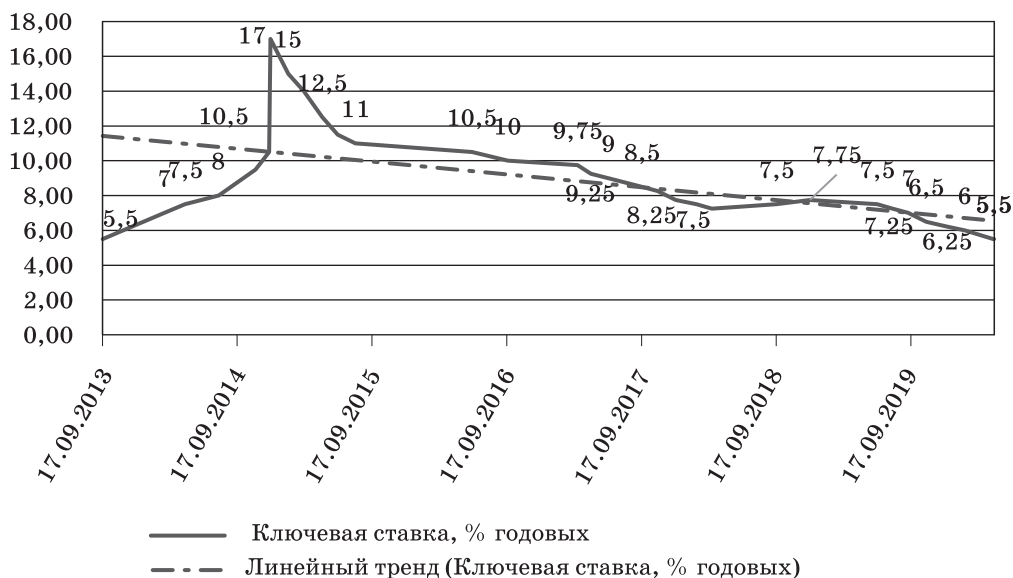
**Средние процентные ставки по вкладам физических лиц (по 30 крупным банкам)
с 01.01.2014 по 01.01.2019, %**

Table 2. Average interest rates on deposits of individuals (for 30 large banks)
from 01.01.2014 to 01.01.2019, in %

Период анализа	Виды вкладов					
	до 30 дней, вклю- чая «до востребо- вания»*	от 31 до 90 дней	от 91 до 180 дней	от 181 дня до 1 года	от 1 года до 3 лет	свыше 3 лет
Январь 2014	2,18	4,99	5,47	6,76	6,63	7,29
Июль 2014	2,02	5,11	5,65	6,92	7,29	7,15
Январь 2015	5,14	12,31	12,52	11,54	11,37	9,25
Июль 2015	3,09	7,61	8,84	9,48	8,74	9,69
Январь 2016	4,16	7,07	8,26	8,62	8,94	8,35
Июль 2016	3,09	6,09	7,04	7,01	7,85	8,34
Январь 2017	3,94	5,75	6,84	6,79	7,39	7,91
Июль 2017	3,79	6,51	6,38	5,77	6,62	6,04
Январь 2018	3,10	4,80	5,88	5,64	6,64	6,05
Июль 2018	4,59	4,35	5,41	4,96	5,64	6,08
Январь 2019	5,20	5,13	6,73	5,82	6,97	6,54
Июль 2019	4,69	4,84	5,44	5,54	6,64	7,24
Январь 2020	3,66	3,68	4,54	4,78	5,48	5,91
Февраль 2020	3,49	3,57	4,51	4,51	5,22	5,54
Изменение к январю 2014	-1,31	-1,42	-0,96	-2,25	-1,41	-1,75

*В том числе вклады, по которым условия договора допускают совершение расходных операций в пределах суммы, превышающей неснижаемый остаток, при условии, что величина неснижаемого остатка не превышает 1 тыс. руб.

Источник: официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 12.04.2020).

(а)

(б)

Рис. 4. Несовпадение трендов изменения ключевой ставки и процентов по отдельным вкладам

Fig. 4. Mismatch between key rate and interest trends for individual deposits

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 29.04.2020).

Обсуждение

Самая высокая ключевая ставка была установлена 16 декабря 2014 г. на уровне 17% (действовала до 02.02.2015). Для выявления зависимости процентных ставок по вкладам от ключевой процентной ставки ЦБ РФ, а значит и депозитной политики кредитных организаций, был проведен корреляционный анализ и рассчитаны коэффициенты корреляции по рассматриваемым видам вкладов с 2014 по 2018 гг. (табл. 3).

Корреляционный анализ показал, что взаимосвязь изучаемых параметров определенно наблюдается. Самая высокая взаимосвязь между ключевой ставкой ЦБ РФ и процентной ставкой по вкладу на срок от 181 дня до года — $r_{xy} = 0,97$. Наименьшее влияние ключевая ставка оказывает на вклады частных клиентов до 30 дней, включая вклады «до востребования», где коэффициент корреляции $r_{xy} = 0,6$. Последнее значение в статистике признается ненадежным. Ряд исследователей склоняется также

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа для выявления взаимосвязи между ключевой ставкой Банка России и ставками по вкладам

Table 3. Results of correlation analysis to identify relationship between Bank of Russia key rate and deposit rates

	Виды вкладов				
	До 30 дней, включая «до востребования»	31–90 дней	от 181 дня до года	от 1 года до 3 лет	больше 3 лет
Коэффициент корреляции	0,60	0,95	0,97	0,96	0,81

Источник: составлено авторами.

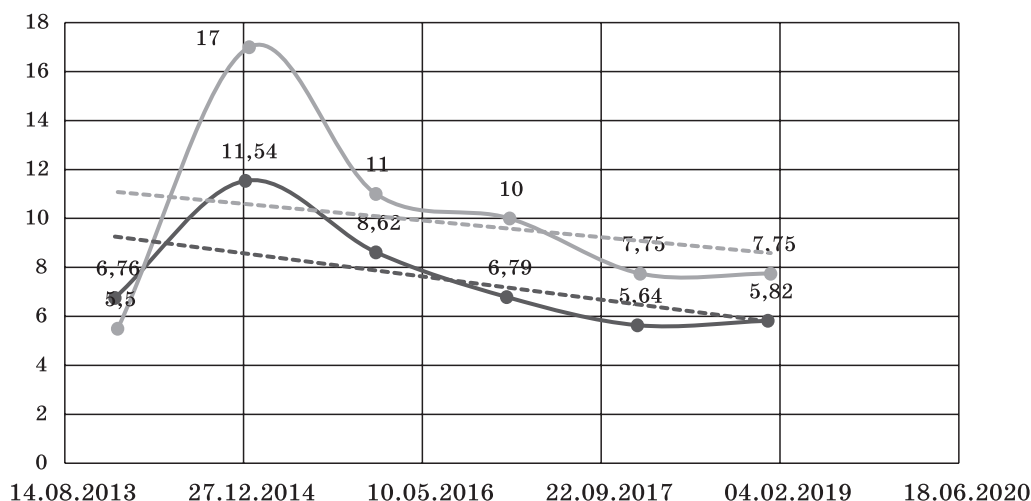

Рис. 5. Взаимосвязь между ключевой ставкой Банка России и ставок по вкладам сроком от 181 дня до 1 года в российских банках с 2013 по 2018 гг., %.

Fig. 5. The relationship between the key rate of the Bank of Russia and deposit rates for a period of 181 days to 1 year in Russian banks from 2013 to 2018, in %.

Источник: составлено авторами на основе данных официального сайта Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/int_rat/ (дата обращения: 12.04.2020).

к тому, что $r_{xy} = 0,81$ также показывает ненадежную связь. Из чего можно заключить, что в вопросах регулирования депозитной политики с 2014 по 2018 гг. ключевая ставка является эффективным инструментом лишь в рамках депозитных продуктов со сроками от 31 дня до 3 лет, что подтверждает и визуальный анализ изменения ключевой ставки и ставок по вкладам сроком от 181 дня до 1 года (рис. 5).

Заключение

Ключевая ставка Банка России на протяжении 2014–2018 гг. показала себя неоднозначным инструментом денежно-кредитной политики. Ожидалось, что с ее ростом увеличиваются объемы депозитов частных клиентов банков, так как проценты по депозитам растут, и наоборот. Однако анализ вкладов физических лиц в отечественных кредитных организациях в разрезе срочности показал, что, во-первых, поведение частных клиентов подтверждено влиянию не только фактора процентных ставок, а во-вторых, изменение процентов по отдельным группам депозитов может иметь тренд, отличный от изменения ключевой ставки. Таким образом, применения Банком России только ключевой ставки для воздействия на депозитную политику в рамках регулирования рынка депозитов в стране будет недостаточно.

Акцентируя внимание на депозитах населения, следует подчеркнуть, что в условиях кризиса 2014–2015 гг. проценты по вкладам заметно повысились. Депозиты населения являются очень ценным ресурсом для любой кредитной организации, что особенно заметно в период экономического кризиса. При активной девальвации национальной валюты банки стараются удержать клиентов, увеличивая ставки по депозитам.

Центральный банк Российской Федерации не оказывает прямого влияния на ставки по вкладам физических лиц, но старается косвенно воздействовать на процентную политику кредитных организаций. При этом каковы бы ни были инициативы Банка России, при потере реальных доходов население сначала меняет структуру накоплений в пользу гибких, ликвидных краткосрочных накоплений. Проведенный анализ динамики ключевой ставки Банка России, банковских ставок по вкладам населения и объемов этих вкладов позволил сделать следующие важные выводы.

1. Резкое снижение темпов восстановления объемов вкладов после кризиса 2014–2015 гг., вразрез с ожиданиями, свидетельствует, что экономика теряет потенциал восстановления и дальнейшего обеспечения роста благосостояния населения. Если все предыдущие кризисы экономика позволяла людям быстро восстановиться и даже улучшать условия жизни, то теперь такое уже не повторится. Налицо «эффект усталости» системы от частых кризисов без учета их ошибок и без структурных изменений.

2. Действующая структура экономики и система управления ею больше не дает расти реальным доходам населения. Номинальный рост, который был показан в работе, очевидно, недостаточен, чтобы перекрыть эффекты регулярных девальваций, инфляции и тех немонетарных факторов, влияние которых усиливается в последние годы.

3. Ключевая ставка ЦБ РФ не может рассматриваться в качестве единственного или центрального инструмента денежно-кредитной политики. Она практически не влияет ни на отдельные виды депозитов, что подтверждено корреляцией. Также ее нельзя считать эффективным инструментом регулирования инфляции, как показано в исследованиях К. Стырина [7], и также А. Якимчук и соавторов [11].

Кредитные организации формируют депозитную политику самостоятельно, определяя виды депозитов, сроки и проценты по ним. Изменение уровня процентных ставок по всей номенклатуре депозитных продуктов связано не только с внешними, но и с внутренними факторами. И часто верно выстроенная депозитная политика, учитывающая не только регуляторные требования, но и потребности клиентов, — это вопрос выживания.

Литература

1. Голодова Ж. Г., Ранчинская Ю. С., Горохова Е. Ю. Анализ предпосылок согласования аспектов денежно-кредитной политики в странах ЕАЭС // Дайджест-финансы. 2019. Т. 24. № 2 (250). С. 207–220.
2. Дерр Д., Ковальски О., Невский С. Цифровизация и денежный порядок. Проблемы и перспективы регулирования рынка криптовалют [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41582150> Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 4. С. 6–22 (дата обращения: 29.04.2020).
3. Иевлева А. А. Банковская политика в сфере привлечения ресурсов: дискуссионные аспекты экономического содержания // Теория и практика общественного развития. 2019. № 5 (135). С. 42–47.
4. Лякин А. Н. Российская стагнация: дефицит спроса и реструктуризация кредита // Проблемы современной экономики. 2019. № 4 (72). С. 92–98.
5. Поршаков А., Синяков А. Оценки равновесной процентной ставки для России: полезна ли «навигация по звездам»? // Деньги и кредит. 2019. Т. 78. № 4. С. 3–47.
6. Смоленцев В. М., Смоленцева А. И. Оценка экономической эффективности инвестиционного проекта на примере агропредприятия // Вестник Академии знаний. 2019. № 6 (35). С. 248–254.
7. Стырин К. Прогнозирование инфляции в России методом динамического усреднения моделей // Деньги и кредит. 2019. Т. 78. № 1. С. 3–18.
8. Тишин А. Неожиданные шоки денежно-кредитной политики в России? // Деньги и кредит. 2019. Т. 78. № 4. С. 48–70.
9. Черноокий В. Международное распределение рисков и оптимальная денежно-кредитная политика в малой экономике, экспортирующей сырьевые товары // Деньги и кредит. 2019. Т. 78. № 2. С. 3–27.
10. Шигильчева С. А. Депозитная политика коммерческого банка // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2020. № 1 (20). С. 64–78.
11. Якимчук А. Ю., Тепленко А. И., Конягина М. Н. Влияние ключевой ставки на темпы инфляции в современной России // Вестник Академии знаний. 2020. № 37(2). С. 490–496.
12. Agur I., Demertzis M. Will Macroprudential Policy Counteract Monetary Policy's Effects on Financial Stability? // North American Journal of Economics & Finance. 2019. Vol. 48. P. 65–75.
13. Diaz-Roldan C., Monteagudo-Cuerva C. Fiscal Policy under Alternative Monetary Policy Regimes // Business and Economic Horizons. 2013. Vol. 9. N 2. P. 1–9.
14. Reed R. R., Ghossoub E. A. The Effects of Monetary Policy at Different Stages of Economic Development // Economics Letters. 2012. Vol. 117. № 1. P. 138–141.
15. Utama Ch., Meilianna R. The Role of Monetary Policy in Comparative Advantage and Trade Balance of Capital-Intensive Industry in Indonesia // Экономика региона. 2020. Vol. 16. N 1. P. 298–309.

Об авторах:

Конягина Мария Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); konyagina-mn@ranepa.ru

Меурмишвили Инга Ромеоевна, магистрант кафедры экономики факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); inga_cool@mail.ru

Дочкина Анна Александровна, кандидат экономических наук, доцент, декан факультета среднего профессионального образования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); dochkina-aa@ranepa.ru

References

1. Golodova Zh. G., Ranchinskaya Yu. S., Gorokhova E. Yu. Analysis of prerequisites of monetary policy coordination in EAEU countries // Digest-finance [Daidzhest-finansy]. 2019. V. 24. N 2 (250). P. 207–220. (In rus)
2. Dörr J., Kowalski O., Nevskiy S. I. Digitalization and monetary order: Problems and prospects of cryptocurrency market regulation // Terra Economicus. 2019. V. 17. N 4. P. 6–22. (In rus)
3. Ievleva A. A. Banking policy in the field of attracting resources: debating aspects of economic content // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2019. N 5 (135). P. 42–47. (In rus)
4. Lyakin A. N. Russian stagnation: demand deficit and credit restructuring // Problems of the modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2019. N 4 (72). P. 92–98. (In rus)
5. Porshakov A., Sinyakov A. Estimates of the equilibrium interest rate for Russia: is “star navigation” useful? // Money and credit [Den’gi i kredit]. 2019. V. 78. N 4. P. 3–47. (In rus)
6. Smolentsev V. M., Smolentseva A. I. Assessment of the economic effectiveness of an investment project on the example of an agribusiness enterprise // Bulletin of the Academy of Knowledge [Vestnik Akademii znaniy]. 2019. N 6 (35). P. 248–254. (In rus)
7. Styrin K. Forecasting inflation in Russia by dynamic averaging of models // Money and credit [Den’gi i kredit]. 2019. V. 78. N 1. P. 3–18. (In rus)
8. Tishin A. Unexpected shocks of monetary policy in Russia ? // Money and credit [Den’gi i kredit]. 2019. V. 78. N 4. P. 48–70. (In rus)
9. Chernookiy B. International risk sharing and optimal monetary policy in a small commodity-exporting economy // Money and credit [Den’gi i kredit]. 2019. V. 78. N 2. P. 3–27. (In rus)
10. Shigilcheva S. A. Deposit policy of a commercial bank // Bulletin of the Cheboksary branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation [Vestnik Cheboksarskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii]. 2020. N 1 (20). P. 64–78. (In rus)
11. Yakimchuk A. Yu., Teplenko A. I., Konyagina M. N. The impact of the key rate on inflation in modern Russia // Bulletin of the Academy of Knowledge [Vestnik Akademii znaniy]. 2020. N 37(2). P. 490–496. (In rus)
12. Agur I., Demertzis M. Will Macroprudential Policy Counteract Monetary Policy's Effects on Financial Stability? // North American Journal of Economics & Finance. 2019. Vol. 48. P. 65–75.
13. Diaz-Roldan C., Monteagudo-Cuerva C. Fiscal Policy under Alternative Monetary Policy Regimes // Business and Economic Horizons. 2013. Vol. 9. N 2. P. 1–9.
14. Reed R. R., Ghossoub E. A. The Effects of Monetary Policy at Different Stages of Economic Development // Economics Letters. 2012. Vol. 117. № 1. P. 138–141.
15. Utama Ch., Meilianna R. The Role of Monetary Policy in Comparative Advantage and Trade Balance of Capital-Intensive Industry in Indonesia // Экономика региона. 2020. Vol. 16. N 1. P. 298–309.

About the authors:

Maria N. Konyagina, Doctor of Science (Economics), Professor of Chair of Economics, Faculty of Economics and Finance of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); konyagina-mn@ranepa.ru

Inga R. Meurmishvili, Master's Degree student, Chair of Economics, Faculty of Economics and Finance of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); inga_cool@mail.ru

Anna A. Dochkina, PhD in Economics, Associate Professor, Dean of the Secondary Vocational Education Faculty of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); dochkina-aa@ranepa.ru

Implementation of Platforms' Strategy by Financial Companies in China and Russia

Kirill L. Astapov¹, *, Yifan Liu²

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *Ast_K@mail.ru

²Shanghai University, Shanghai, People's Republic of China

ABSTRACT

The global trends underline importance of e-commerce, development payments system as well as alternative banking services. China is considered as one the leader in digital transformation. In that regard development of Tencent in the previous decades and the strategy of the company give understanding, how new financial services evolve from traditional approach to platform model. We believe that payment systems as well as other financial platforms would play more important role, competing with traditional banking system and determining landscape of financial system in future. At the same time strategies, based on digital platform, are also actively implemented by Russian financial sector. But competition of new financial organizations with traditional banks are more difficult in our country, because some banks (including Sberbank, Tinkoff) are started building their own platforms. Platform's strategies are usually effective in mass market, because they are based on cost efficiency model. Nevertheless, some platform could be implemented in premium sector too and in the article, we developed private banking platform strategy for a large Russian bank, which might present strong competitive advantages in the nearest future. Current epidemic enforces digitalization processes, including premium sectors.

Keywords: strategy, digital transformation, platform, payment system, Tencent, private banking, China

For citing: Astapov K. L., Yifan Liu. Implementation of Platforms' Strategy by Financial Companies in China and Russia // Administrative consulting. 2020. N 8. P. 112–22.

Реализация стратегий построения платформ финансовыми компаниями в Китае и России

Астапов К. Л.¹, *, Юифан Лиу²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; *Ast_K@mail.ru

²Шанхайский университет, Шанхай, Китайская Народная Республика

РЕФЕРАТ

Глобальные тренды свидетельствуют о быстром развитии электронной коммерции, платежных систем, а также альтернативных банковских услуг. Китай считается одним из лидеров в области цифровой трансформации. В этой связи наглядным примером является развитие компании Tencent в предыдущие десятилетия. Стратегия компании позволяет продемонстрировать как новые финансовые услуги эволюционируют от традиционной модели к платформе. Мы считаем, что платежные системы, а также другие финансовые организации нового типа будут играть более важную роль, конкурируя с традиционной банковской системой, определяя ландшафт финансовой системы в будущем. В то же время стратегии, основанные на цифровых платформах, стали активно реализовываться и на российском финансовом рынке. Но конкуренция новых финансовых институтов с традиционными банками в нашей стране более сложна, чем в Китае, поскольку некоторые банки (в том числе Сбербанк, Тинькофф) уже стали лидерами в построении своих собственных платформ. Платформенные стратегии обычно более эффективны в массовом сегменте, поскольку они основаны на стратегиях низкой себестоимости. Тем не менее, платформы могут вполне использоваться и в премиальном секторе, и в статье мы разработали стратегию платформы private banking для крупного российского банка, которая в ближайшем будущем может дать сильные конкурентные преимуще-

щества. Текущая эпидемия усиливает необходимость в цифровизации (диджитализации), в том числе и в премиальном сегменте.

Ключевые слова: стратегия, цифровая трансформация, платформы, платежные системы, Tencent, премиальное банковское обслуживание, Китай

Для цитирования: *Astapov K. L., Yifan Liu. Implementation of Platforms' Strategy by Financial Companies in China and Russia // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 112–122.*

1. International payment environment and global trends

Through analysis of markets in different regions, the largest e-commerce market in the next four years is China (\$1.78 trillion), the United States (\$1.15 trillion) and the United Kingdom (\$314.5 billion). Chinese merchants who want to expand their international business should consider entering the fastest e-commerce market with annual compound growth rates, such as India (21%), Malaysia (21%), Turkey (19%) or the Philippines (19%). The development of mobile payments is now an unstoppable and exciting trend in the global e-commerce market. By 2022, China's mobile commerce market will achieve leapfrog development, and many countries and regions are also following the global trend of mobile commerce. And the following is the introduction of the payment environment of some countries in detail. The era of e-wallets is coming, especially in the US. Due to the high Internet penetration rate in the United States, the e-commerce market and e-wallet spending showed a good growth trend. The data shows that in 2017, the per capita expenditure of the US e-commerce market reached 2,271 US dollars, and the per capita expenditure of the physical store market was 24,248 US dollars. Among them, the e-commerce market mobile wallet accounted for 20% of the total, and the physical store market mobile wallet accounted for only 3%. From 2018 to 2022, the compound average growth rate of the e-commerce market reached 9%, and the compound store growth rate of the physical store market was 7%. Its Internet penetration rate reached 79% in 2018.

In Japan is the world's highest post-paid usage rate. Although Japan's Internet penetration rate is as high as 100%, its use of e-wallets is actually not high, and Japan is the region with the highest post-paid usage rate in the world. For example, there will be many convenience stores in Japan. Many consumers choose products on the Internet and then go offline to pick up the goods. The data shows that in 2017, the per capita expenditure of the Japanese e-commerce market reached 1,158 US dollars, and the per capita expenditure of the physical store market was 14,530 US dollars. Among them, the e-commerce market mobile wallet accounted for 3% of the total, and the physical store market mobile wallet accounted for only 3%. From 2018 to 2022, the compound average growth rate of the e-commerce market reached 6%, and the compound average growth rate of the physical store market was — 1%. Its Internet penetration rate reached 100% in 2018.

India's payment environment could characterized that de-monetization reform is driving the digital payment revolution. India is a populous country with less than half of its Internet penetration, but its mobile wallet's share and growth rate are very objective, so its market prospects are great in the future of the Internet. The data shows that in 2017, the per capita expenditure of the e-commerce market in India was 27 US dollars, and the per-capita expenditure in the physical store market was 659 US dollars. From 2018 to 2022, the compound average growth rate of the e-commerce market reached 21%, and the compound average growth rate of the physical store market was 11%. Its Internet penetration rate reached 45% in 2018.

China is a well-deserved e-commerce giant, and the rapid development of mobile payments, including Tencent, has benefited from this. The data shows that in 2017, the per capita expenditure of the Chinese e-commerce market was 787 US dollars, and the per capita expenditure of the physical store market was 10 911 US dollars. From that amount, the e-commerce market mobile wallet accounted for up to 65%, and the physical store market mobile wallet accounted for 36%. From 2018 to 2022, the compound average growth rate of the e-commerce market reached 9%, and the compound store growth rate of the physical store market was 11%. Its Internet penetration rate reached 61% in 2018 [1].

We also have a few platforms in Russia, which include Yandex, Sberbank, MegaFon, MIR (NSPK) etc. Some traditional business are also thinking about launching digital platform. Current situation with coronavirus demonstrated that platforms could be less damaged by external shocks and could adapt to new economic reality easier than traditional businesses. Most mentioned platforms in Russia are allowing to make payments or include payments system.

So, payment systems and e-commerce are developing fast in many countries.

Why do we believe payments system became competitors to traditional banks? We saw a few trends, which supported such growth, especially in China. First of all, most largest Chinese banks promote their services for large corporation and wealthy citizens from large cities, whenever most people are not very important for banks and services for them are not developing very fast. Second trend concerns mobile devices. Penetration rate of mobile phones are high. Almost all Chinese have mobile phone (in some cases even more than one), whenever opening bank accounts are much more difficult, especially in province. Third trend — fast development of small and medium businesses, whenever neither large banks, no traditional payments systems like Visa and MasterCard, were very interested in servicing this quite fast developing businesses, discuss more convenient forms of collection encashment fees. Furthermore, local regulations contains some limitations for using foreign payments systems and China is developing its own independent payment systems. So, Visa and MasterCard are not very popular in China.

The same situation was in Russia a few years ago. Visa and MasterCard had to open transaction centers in Russia and most operations are cleared in this Russian center. Furthermore, establishing National Payment Card System (NSPK) allowed to create independent payments platform, which includes many banks, retail and service companies, customers (mostly public employees).

All these trends, as well as agile strategy of Tencent, which we would discuss further, made possible for Tencent unexpectedly become one of the most popular payment system in China.

2. The history of Tencent

On November 11, 1998, Ma Huateng officially registered and established “Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd.” in Shenzhen, Guangdong Province. Tencent’s initial business was to expand the wireless network paging system and establish an online paging system. In February of the following year, this young team developed a network instant messaging tool. As the number of user registrations has continued to climb, Tencent’s territory has also expanded. On June 16, 2004, Tencent was officially listed on the main board of the Hong Kong Stock Exchange, becoming the first Chinese Internet company listed on the main board of Hong Kong. Tencent’s total revenue reached 237.7 billion yuan and net profit reached 72.5 billion yuan in 2017. As of the end of 2017, Tencent had a market capitalization of approximately RMB 3 233.7 billion, making it the largest Chinese company by market value in 2017 [2]. Since its establishment more than ten years ago, Tencent has been adhering to all business philosophy based on user

value and has always been in a state of steady and rapid development. Tencent will provide users with “one-stop online life service” as a strategic goal, providing Internet value-added services, mobile and telecom value-added services and online advertising services. Through instant messaging QQ, Tencent QQ space, wireless portal, search, pat, Tenpay and other leading Chinese online platforms, Tencent has created China’s largest online community to meet Internet users’ communication, information, entertainment and the needs of e-commerce and other aspects. Tencent is China’s largest and the world’s third largest Internet company, China’s largest Internet integrated service provider, the Internet service company with the largest number of service users in China, the Internet company with the highest market value in China, and the world’s largest instant messaging service provider. At present, China’s Internet service and technology market is basically in a super-strong situation: Tencent has almost monopolized in the instant messaging market. No matter whether China Mobile’s Fetion or MSN can challenge its position; but in the Internet security service market, Tencent’s QQ Doctors, Qihoo’s 360 security guards, Kingsoft Internet Security and Rising Antivirus all have certain seats, and among them, 360 security guards have the biggest challenge to Tencent’s QQ doctors, and even have certain advantages. Due to the high technology, high investment and fierce competition in the Internet technology and service market, any potential entrant must consider whether to challenge the strength of these large companies. Therefore, the current competition in the Internet technology and service market mainly focuses on this. Tencent demonstrated, that its strategy based on development digital platform, is more successful than traditional business including China Mobile.

3. Tencent’s payment ecosystem as fundament of company’s strategy

WeChat Payment is a leading third-party payment platform in China by Tencent Group. It has been committed to providing safe, convenient and professional online payment services for users and enterprises. With the core concept of “WeChat payment, not just payment”, a variety of convenience services and application scenarios for individual users, providing professional collection capabilities, operational capabilities, fund settlement solutions, and security for various enterprises and small and micro businesses were created. Enterprises, goods, stores, and users have been connected through WeChat, making smart life a reality. On August 15, 2018, Tencent released its second-quarter and mid-term comprehensive results report, showing that the combined monthly active accounts of WeChat and WeChat reached RMB 58 million.

The “Smart Life Solution” with WeChat payment as its core has covered millions of stores and more than 30 industries. Users can use WeChat to pay for medical treatment, shopping, eating, traveling, paying water and electricity, etc. WeChat payment has been deeply in life. Up to now, Tencent’s payment business has won nearly half of the market share. The number of commercial payment users, merchants and transaction volume has increased rapidly. The number of tied users exceeds 800 million, and the average number of transactions per day is 1 billion. Mobile payment services are in merchants. Tencent’s financial business layout began as early as 2005 when Tenpay was launched. Up to now, Tencent Financial Technology has completed the layout of payment, wealth management, insurance and other product lines, and gradually has the prototype of the financial open platform. Not only that, but also it continuously expands the offline application scenarios of financial services through product technology innovation. Travel, blockchain electronic invoices, cross-border payments and other subdivisions, each field contains a huge imagination. As we all know, third-party payment is Tencent’s earliest mutual gold sector. Currently, it holds a payment license and has multiple front-end payment products such as TenPay, QQ Wallet and WeChat payment. As of now, the average daily transaction volume of WeChat pay-

ment exceeds 1 billion times, connecting 50 million individual merchants and merchants. In the three major financial services — payment, wealth management, and loans, the profit margin is not the highest, but it has the highest volume and increasing penetration rate. The official saying is that Tensent's commercial payments accounted for more than half of the total payment transactions in 2018. Rapid growth is also based on transactions of small businesses. In terms of cross-border payment, Tencent took the lead in investing in overseas markets in 2013. At present, Tencent's cross-border payment has been accessed in more than 49 overseas countries and regions.

Tencent's strategy includes development of wealth management, e-commerce, as well as commercial payments [3]. According to financial report data, revenue from financial technology and corporate services increased by 36% year-on-year to 26.758 billion yuan. This increase mainly reflects the increase in revenue from commercial payments due to the increase in the number of active users per day and the number of transactions per capita, as well as the increase in revenue generated by the penetration of cloud services in major vertical areas. In terms of financial technology services, as user activities and cash flow increase, the payment ecosystem is growing.

We could conclude, that WeChat becomes disruptive innovation for Chinese financial system. As mentioned earlier WeChat became more wide spread then even largest Chinese banks (ICBC, Bank of China etc.) due to fast development of technology, mobile phones, as well as very conservative strategies of largest banks (not only Chinese, but also banks from developed countries). WeChat payments was much more convenient for most Chinese, especially from rural regions of China then transactions through traditional banks. Its ecosystem includes many small businesses, which deliver products and services to Chinese.

4. Tencent Strategy

Tencent identified its new strategy as following: connecting everything, the company focused on businesses, its social role, finance, Internet Plus, and investments in new businesses. Tencent has adjusted its organizational structure and launched a new round of overall strategic upgrades. It hopes to further explore the integration of social, content and technology that is more suitable for future trends and promote the realization of the Internet by connecting people, connecting digital content and connecting services.

The Industrial Internet, which links consumers and industries, has become the most personal digital assistant in all walks of life, actually expanding from BtC to BtB [4]. At the same time, promoting the deep integration of social platforms, content industries and technologies is another major focus of strategy's adjustment. Provide users with more comprehensive, diverse and high-quality content to improve product competitiveness. This is beyond the scope of Tencent's social company, which broadens the positioning of the company itself, but the company also faces more unfamiliar markets and scenarios.

In the BtB field, the company's cloud industry continued to expand. The growth rate of cloud service revenue maintained a high speed, which was more than doubled year-on-year. The revenue in the first three quarters exceeded 6 billion yuan, and the number of paying users also recorded three years [5]. It is expected that the company's BtB map will continue to expand rapidly in the future. In the BtC Tensent already has such aggregators as WeChat, QQ, games, Tencent video, Tencent Music, Reading Group, Tencent browser, Tencent map, national K song, payment and many other fields. WeChat monthly users have exceeded one billion. However, Tencent is still facing strong challenges, first of all competition from other well-known platforms and new players. Therefore, Tencent should stay agile and ready to innovations [6].

Tensent's strategy currently adopted additional diversification. Based on an intensive strategy, the company continuously develops new markets and increases its market share.

Tencent has been developing new products since its inception. In the existing business, we constantly develop new products suitable for all ages. In the past, Kaixin.com had a happy farm. Tencent Company developed QQ farms in order to compete for its own market share [7]. Based on Tencent QQ, personalized value-added services greatly increase the viscosity of QQ users. Tencent has not satisfied the position of the casual game market leader, and turned to other types of games, such as agents crossing the FireWire, League of Legends, these two. The number of users of the game is only increasing, and the number of users has risen in a straight line. What Tencent needs to pay attention to is to maintain the consistent continuity of the “Q culture” and form an online game with its own style, such as the QQ Three Kingdoms. Tencent currently owns several game studios and product development centers, the most famous of which are five game studios [8; 9]. At the same time, Tencent’s games are the most online companies in China, whether they are self-developed or acting games, occupying in China.

As mentioned earlier Tencent is constantly entering other markets than instant messaging under the guidance of relevant diversification strategies. This is a diversification from a market perspective, which can be called “market diversified business layout” [10]. From the perspective of revenue and profit, Tencent has three main sources of income: Internet value-added services, mobile and communication value-added services and online advertising, which can be called “business types with diversified incomes” [11].

5. Tencent as a leader in platform strategy

We could consider Tencent as a leader of platform strategy, because the company was able to develop exponentially for some time and quite fast create substantial clients’ base in China. All transactions are processed in WePay (WeChat) and most Chinese use this payment system nowadays.

This is a many sides platform, which includes:

- clients (people, who prefer to pay by mobile phone, not credit cards);
- Chinese commercial banks (including ATM), which service some money transfers;
- shops and different kinds of trade and service companies, which are ready to accept payments through WeChat.

The positive network effect — more clients use WeChat, more private business use the system as alternative to traditional bank and cards settlements, more banks would have to connect to the system finally. So, the strategy was quite clear, unique, consistent and, as a result, successful.

So the system could be considered as both BtC and BtB. Because not only people use WePay for settlements, but also some transactions between small businesses (which often represented by entrepreneurs) are also performed through WePay.

Acquiring a first customer was solved not by administrative tools. For example, if we compare this platform with National Payment System of Russia (issuing cards “MIR”), in NSPK government employees are paid salaries to MIR cards, which allowed to establish platform. In China role of regulation is very important, but most probably WePay is a private initiative.

Key success factors (KSF) for platforms are determined by number of participants from different sides, sustainability of interaction between them (it is especially important in BtC model, that amount of participants grow fast and participant are regularly make transactions through the platform, though in BtB platform also important to include most participants, which in aggregate control a good part of the market), transaction between sides require special information system (software). In traditional business there are many strategies — and not all of them aimed to win a big part of the market, but win clients, who bring most value to companies (for example niche business). Creating value for customers is necessary as well as high profit per client. But in platform an-

other economic logic. Profit per participant might be low (and even negative, in case profits are generated by other side of the platform). But huge amount of participant allows to generate economic value [12; 13]. Most transactions in platforms are regular and standard (we could use word “routine” from evolution economy). In some markets there are a lot of traditional companies, competing between themselves. If these markets are not organized, there are place for platforms. On the other side a platform model might be used as an antimonopoly instrument (electricity production was a monopoly business, but a few years ago restructuring in electricity business and implementation new business model in electricity market give space for many independent electricity generator companies). So platform might be used in oligopoly market too. It will be difficult to use platform model in individual services, sophisticated products (solutions), which require long-term relations between suppliers and clients.

So, platforms are more effective on markets with many participants (at least from one side), which allows to facilitate positive network effect, and require that the services (products) are booked (and delivered) through special software. Software for traditional business might be considered as compliment services, but does not play such a central role. Software determines how network members interact between themselves in order to get services. That is contrary to traditional pipe business, where sales are based on direct contacts with sales agents, dialers, shops etc. (maybe except Internet sales). Accordingly, KSF for platform is data about clients and their activities [14; 15]. Definitely traditional strategies nowadays also pay much attention to data, but for platform it is a vital part of the business.

Over time software might be the main factor, which determine competitiveness of platform.

In order to increase amount of participant and provide high growth rate may apply different mechanisms — subsidization, government support (like in MIR cards), convenience of services (Android), technological progress (Windows). That is essential for getting substantial part of the market. For most pipe business it is impossible to provide such high growth rate, because it will require a lot of resources (capital, labor etc.). After stabilization platforms would try to be more efficient in monetization — so prices for services are likely to be increased and platform would supply additional services.

We do believe, that platform business has competitive advantage for some period of time. Over time growth rate in platform business will stabilize and platforms might expand their services for complementary markets with similar client base (or for some part of its client base). For example, WePay could try to expand geographically, but unlikely it goes in developed countries with developed financial system. We could also see, that Apple will launch its own payments system. But inside Chibna WePay is quite protected, especially due to government regulation and limitations for using foreign payment systems.

But if consider free markets, more probable, that competition will be stronger and might become cross-sectoral. Platform from different markets might start competing between themselves. For example, telecom companies might create platforms in many services, including financial, medicine diagnostics etc. On other side we could see more specialized platform (for example, specialize of some part of the market), which would allow to increase monetization. Traditional pipe value businesses might be interested in transforming in such sub-platforms.

KSF will be determined by stability of client base (client retention, more actively usage of services per client). Also monetization would be more critical. If nowadays platforms present mostly cheaper products and services comparing with traditional businesses, in future platforms will try to increase not only revenue, but also profit per client (otherwise they could not meet investors' expectations). We are not sure that subsidization would be as important in future as now, because client base would be more stable. Network effect continues play its role, because it is the fundament of platform model.

Platform might evolve and partly integrate suppliers (vertical integration, which might have financial basis). Platforms would definitely optimize relations with participants from every side (by more effectively using both individualized as well as general data), which are collected but not fully used now.

Government regulation of platforms might be more stronger, which will require cooperation of regulators of different countries and some global decisions.

6. Developing platform in private banking in Russia

Private banking clients are wealth individuals and families, most of whom owners (or in some cases executives) of businesses, or inherent capital (the last does not spread much in Russia). Many private banks deliver both financial services for its premium clients, as well as some additional services through a concierge service. Renting luxury cars and yachts, booking hotels and tours anywhere in the world (including travel by private jets), restaurants and wine rooms, participating in golf club and professional events in different countries etc. are available just by one telephone order in concierge service. Role of concierge service — mostly advise to which providers of services should their clients call and redirecting calls to appropriate services, and in a few instances, booking services themselves. Using concierge service gives privileges for banks' clients, discounts or preferences for renting jet, yachts etc. (usually up to 2%). Discounts in restaurants are more considerable — from 10% (in most cases) up to 25%.

We believe that this service could be not only digitalized, but also “platformized”. Though quantity of clients is limited, as well as services' providers, this platform could have strong cross-side and one-side network effects.

At the same time platforms allows to optimize organizational structure by combining traditional hierarchical (vertical or matrix) organizational structure with holacratic approach (project team) [16].

Understanding, that in private banking clients are very conservative, unique, have a lot of their own resources, highly appreciate confidentiality, anyway, the bank should not only listen to clients, but also try to experiment, promote new innovation services (it might be tested for a few clients at the first stage). That is why each bank institute should consider if its gap between current and desired innovation culture (which allows experiments and innovate) is not too substantial. In some cases, relying on clients' preferences might mean, that competitors could be more aggressive, propose new services, and finally attract more clients, which could be easily modified in order to transform culture from stability and reliability to stability with more innovation [17]. In that regard experience of Sberbank in transforming business is impressive [18]. Tinkoff bank also managed to be the first Russian digital bank, which does not have any offices. Its strategy started from attracting millennials, which lives are base on technology and mobile communication, and then expand to their parents and wealthy individuals. Its strategy was considered as quite aggressive (increase of assets is 54%) [19], though capitalization of the bank fluctuates. It was really challenge to traditional banking with luxury offices, in some cases with long history.

Because luxury goods and exclusive services are mostly oriented for wealth people, the platform gives an opportunity to connect demand and supply side in one place, connected directly with the bank. Closed club increases the network effect, because people are motivated to share experience (or better say to demonstrate their estate, purchases, and receiving premium services, if we speak about Russian style behavior). For these people might be very important not only what they buy (or receive services), but also where they do it, demonstrate it and get appropriate emotional experience. This platform might become a competitor to some exclusive shops like TZUM (or maybe cooperate with them in future). Taking into account, that most wealth clients have

a lot of estate, they could become both clients and providers of some services (short-term rent out estate, yachts etc.) simultaneously.

This platform gives direct access to financial services, providing financial suitable conditions of transactions for all sides of platform, as well as additional financial services, like deferred payments, insurance, etc., based on the bank's competence to analyze data about clients' finance and transactions. Implementing a new platform "Exclusive services platform" will allow to synchronize inflows from different kind of investments (from deposits and securities' portfolio till renting out real estate etc.) and outflows for premium services.

Exclusive services platform has two sides. First side — private banking clients (in most cases they are demand side, though sometimes could be supply side as well). Second side — exclusive services providers. These services, as mentioned before, includes different services: renting of real estate, premium cars, yachts, jets, booking of hotels, restaurants, beauty and health, etc. Financial services are provided by Societe Generale Groups. In future, in this platform would be efficient, some luxury goods stores (like TZUM) might also be added as supply side.

At the beginning the platform starts cooperation with few European and the USA as well as domestic premium companies in some segments, some of whom already part of concierge service. Lately more service providers from different industries, as well as other countries, could be added to the system. But anyway, banks should carefully chose service providers, negotiates with them financial and other terms (all orders and most payments are going through the platform, which discussed further), controls quality of services.

At the third stage some luxury goods boutiques might be also integrated in the platform. Actually, this platform might be considered as a supplement to financial services of private banking, which optimizes saving and spending decisions of premium clients.

This platform will allow to create strong positive effects — not only across side (clients are interested in choosing different kinds of services, though quantity suppliers of each kind on services is limited), but also from one side (due to limited quantity of private banking clients, they might be interested to cooperate with other members of the closed club).

We are seeing the following reasons for banks to create this platform:

- this platform actually presents hybrid model, based on existing services and clients, allows to promote new digital services for premium clients;
- network effects would support connections of bank's clients with service providers, contribute to long-term cooperation of private banking with its most valuable clients;
- this platform allows to promote additional financial services to both sides of platform and directly based on available resources and bank's competences;
- this model has good monetization potential for the bank.

The process of transformation implies that clients, who wants to continue order services by concierge service, should have this opportunity (hybrid model). But Exclusive service platform has great perspectives, because it helps clients to get services through connecting with many premium service suppliers, receive additional discounts (higher than in concierge service), connect with other private banking members (platform should have such possibility, though it is difficult to estimate now, whether members would prefer communicate between themselves or stay more independent, in the second scenario platform building is more problematic).

7. Conclusions and suggestions

Platform developments is determined by trends [20]. Platforms are more agile and ready to new challenges. In the article we described different examples, especially concentrating on Tencent and private banking platform.

Tencent has been adopting an expansion strategy. From the initial Tencent QQ to various Tencent products, Tencent has been continuously developing new products, opening up new markets, and increased its penetration rate. Strategy of Tencent is to integrate big data, cloud computing, artificial intelligence and other science and technology into the traditional financial industry to carry out financial innovation.

One of the characteristics of the financial technology business is the low profit margin. In the early stage, a large amount of investment is required, and only when the economic effect is realized and many clients are participant of the platform will profit begin. In June 2018, Tencent's mobile payment users had a monthly activity of more than 800 million. In 2018, the average daily total payment transaction volume exceeded 1 billion.

Tencent continues investments in the technical achievements and financial industry. In the combined business, Tencent has a certain first-mover advantage. There are many business branches in the financial technology industry chain. At the end of 2018 Tencent's wealth management assets exceeded 500 billion yuan, the number of users has exceeded 150 million.

Tencent leverages its huge user base and relies on mobile payment scenarios to closely link technology innovation, financial products and user demand. It is supported by sufficient cash flow, cloud technology, artificial intelligence technology and multi-channel promotion. Strategy of Tencent, based on development of platform, investments in financial technology will give new opportunities and allows to generate profit and increase capitalization.

We also considered alternative platform strategy, based on high margin and which do not require huge amount of clients. Platform in private banking could also generate profit, create competitive advantages and help to retain clients in the long run. That is why we believe that platforms represent the most efficient strategies in financial sectors in future. Current challenges of coronavirus epidemic underlines importance of synergy of both traditional business model and digital transformation, especially in financial sector.

References

1. Li Shu Qin. International regulatory practice and reference of payment business integration. Financial Development Research. <https://doi.org/10.19647/j.cnki.37-1462/f.2019.11.012>. (in Chinese)
2. Zhang Lijuan. Analysis and suggestion on the reasons for Tencent's strategic upgrading. Commercial, 2019 (14). (in Chinese)
3. Liu Yu Hong. Financial risk analysis and prevention in transnational mergers and acquisitions of enterprises. A case study of Tencent's acquisition of supercell. Chinese business theory, 2019. (16). (in Chinese)
4. Zhang Lixiang. Research on the phenomenon of discount of financing before the last round of internet enterprise listing. Henan University, 2019. (in Chinese)
5. Chen Yan. Comparison of third-party payment models based on Alipay and WeChat. Hebei Normal University, 2019. (in Chinese)
6. Wang Jing. An empirical study on the influence of third-party payment on the liquidity of commercial banks in China. Zhejiang University, 2019. (in Chinese)
7. Yang Fei. Development strategy and organizational structure of Tencent. One of Tencent series Research. Journal of Hangzhou Institute, 2018 (7). (in Chinese)
8. Wang Xue, Peng Jing. research on the selection of cross-border e-commerce mode based on cross-border e-commerce. Chinese business theory, 2019 (21). <https://doi.org/10.19699/j.cnki.issn2096-0298.2019.21.100> (in Chinese)
9. Leung Lai-Man Meituan. WeChat have entered the game. How will the "credit payment" cake be divided? Fintech era, 2019 (10). (in Chinese)
10. Zhu Jinyue. Analysis on synergy effect of internet enterprise merger and acquisition. Northern industrial University, 2019. (in Chinese)
11. Yang Yu Chen. Research on Tencent's profit model. Zhongyuan Institute of technology, 2019. (in Chinese)

12. Lei Pan, Stefan van Woerden. Platforms: Bigger, Faster, Stronger. ING Bank.
13. Geoffrey G. Parker, Marshall W. Van Alstyne, Sangeet Paul Choudary. Platform Revolution How Networked Markets Are Transforming the Economy — and How to Make Them Work for You. W.W. Norton & Company. 2016.
14. Elizabeth J. Altman, Michael L. Tushman. Platforms, Open/User Innovation, and Ecosystems: A Strategic Leadership Perspective. Harvard Business School. Working Paper 17-076.
15. A. Hagiu and E.J. Altman. Finding the platform in your product. Harvard Business Review, July-August 2017.
16. Wouter Aghina and others. The past and future of global organizations. www.mckinsey.com.
17. B. Groysberg and others. The Leader's Guide to Corporate Culture. Harvard Business Review. 2018.
18. Karasyuk E. An elephant on dancing floor. How German Gref and his team train Sberbank dance. М., 2012.
19. TCS Group Holding PLC IFRS results. FY'19. www.tinkoff.ru
20. Vladimir L. Kvint. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. Routledge, 2016.

About the authors:

Kirill L. Astapov, Doctor of Science (Economics), EMBA, Professor of Economic and Financial Strategy Department of Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); Ast_K@mail.ru

Yifan Liu, Postgraduate Student of Economic Department, Shanghai University (Shanghai, People's Republic of China); liuyifann@yeah.net

Об авторах:

Астапов Кирилл Леонидович, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; Ast_K@mail.ru

Юифан Лиу, аспирант экономического факультета Шанхайского университета (Шанхай, Китайская Народная Республика); liuyifann@yeah.net

Производительность труда как инструмент повышения экономического роста и социального благополучия граждан России

Белов В. И.^{1, 2, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *belov-vi@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Современная экономическая ситуация как в мире, так и в России характеризуется значительным снижением темпов экономического развития разных стран, что, несомненно, сказывается и на уровне благосостояния большинства граждан: наблюдаются снижение реальных доходов населения, увеличение числа бедных, снижение покупательской способности граждан, рост количества безработных и прочие негативные социальные явления. Причины сложившейся ситуации множество, к некоторым из них можно отнести следующие: неблагоприятная для России мировая конъюнктура рынка энергоресурсов, связанная с падением цен на мировых рынках на стратегическое сырье (нефть); из-за пандемии коронавируса всеобщая приостановка производственно-хозяйственной деятельности во всем мире, нарушение цепи поставок материалов и готовой продукции на производственные мощности предприятий и конечные рынки сбыта, замкнутость в социально-экономическом развитии отдельных государств в национально-территориальных границах; накопившиеся, но пока не получившие своего полного разрешения, внутренние пространственно-экономические проблемы в самой России. С целью повышения экономического роста страны и социального благополучия граждан России автором рассматривается такой инструмент, как производительность труда, способный при должной организации производственного процесса значительно улучшить негативную ситуацию как на самом предприятии, так и в стране в целом. Кроме того, в статье определяется зависимость роста экономики и социальной сферы от повышения производительности труда, анализируются целевые показатели одноименного национального проекта, предлагаются организационные меры, направленные на совершенствование методики расчета производительности труда на предприятии, что должно способствовать более корректному отражению реальной ситуации в стране.

Ключевые слова: производительность труда, национальный проект, экономический рост, социальное благополучие, отраслевой подход, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Белов В. И. Производительность труда как инструмент повышения экономического роста и социального благополучия граждан России // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 123–131.

Labor Productivity as a Tool for Increasing Economic Growth and Social Well-Being of Russian Citizens

Valery I. Belov^{1, 2, *}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation

²Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; *belov-vi@ranepa.ru

ABSTRACT

The article considers one of the most important economic indicators — labor productivity, determines the dependence of economic and social growth on its increase, analyzes the target indicators of the national project of the same name, and suggests measures aimed at

improving the methodology for calculating labor productivity at the enterprise, which should contribute to a more correct reflection of the real situation in the country.

Keywords: labor productivity, national project, economic growth, social welfare, industry approach, socio-economic development sources of financing

Для цитирования: Belov V. I. Labor Productivity as a Tool for Increasing Economic Growth and Social Well-Being of Russian Citizens // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 123–131.

Повышение темпов экономического роста российской экономики и уровня благосостояния населения страны — одни из важнейших и приоритетных задач органов государственной и муниципальной власти. Зависимость социальной сферы от уровня развития экономики страны очевидна: чем выше темпы экономического роста и уровень экономического развития, тем более конкурентоспособна экономика, а значит, — появляется возможность улучшать социальное благополучие граждан [9, с. 167–174].

В настоящее время Российская Федерация столкнулась с ситуацией, когда беспрецедентное политико-экономическое давление со стороны многих зарубежных государств Запады демонстрирует ненадежность прежних бизнес-партнеров, экономическую нелогичность их поведения, невозможность дальнейшего совместного участия в экономической деятельности на взаимовыгодной основе. Данные обстоятельства вынужденно обращают Россию к поиску новых партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, к смене вектора своего экономического развития, к смене приоритетов во внешнеэкономической политике [8, с. 73–77]. Более того, крайне неблагоприятная для России мировая конъюнктура рынка энергоресурсов (когда 1 баррель нефти на рынке продается меньше 30 долл., а в бюджете страны заложена цена 42 долл./бар.), пандемия коронавирусной инфекции и нездоровая санитарно-эпидемиологическая обстановка в мире, приведшая к закрытию многих производств и рынков сбыта, а также к частичной изоляции отдельных государств и парализации экономической деятельности, предопределяют трансформацию модели развития страны и осуществление структурных изменений в экономике. Вместе с тем накопившиеся и до настоящего времени не разрешенные внутренние проблемы российской экономики (например, девальвация рубля и обесценение экономики, отток иностранного и отечественного капитала из страны, снижение реальных доходов населения и увеличение числа бедных) также предполагают проведение преобразований в социально-экономической сфере [6, с. 62–74.].

Решение масштабных внутриэкономических проблем российской экономики в последнее десятилетие было связано с широкой реализацией программно-целевого метода, считавшегося до настоящего времени в условиях российской действительности актуальным и распространенным на территории страны. Начиная с 2018 г. к системе методов государственного управления добавляется еще один инструмент повышения уровня социально-экономического развития РФ — национальный проект [10, с. 44–51]. По сути, это такой же отраслевой проект общероссийского масштаба, реализуемый на территории включенных в него субъектов РФ через государственные и целевые программы, предусматривающий различные источники финансирования и конкретные сроки реализации. В качестве отличительной черты национального проекта от прочих федеральных программ можно назвать то, что он вбирает в себя несколько программ и проектов отраслевого назначения, объединенных одной общей целью, и предусматривает ответственных за его реализацию лиц (вернее, персонально отвечающих за его реализацию лиц, а не ответственных по Закону за нереализацию проекта).

Наряду с отраслевым подходом в социально-экономическом развитии субъектов РФ применяется и территориальный подход, который предполагает не только акку-

муляцию финансовых, административных и прочих ресурсов на территории региона, но и определенную независимость и самостоятельность (в рамках Конституции РФ) в принятии экономических и социальных решений [5, с. 133–136]. Однако данный инструмент государственного управления территориальным развитием пока не увенчался успехом: по-прежнему, большинство субъектов РФ (более 70) остаются регионами-реципиентами, не способными решать свои социально-экономические проблемы за счет собственных средств, и постоянно нуждаются в поддержке со стороны федеральных органов власти в виде различных субсидий, субвенций, дотаций и проч. [2, с. 85–92]. То есть в сложившихся условиях наиболее действенным и эффективным способом в решении крупномасштабных проблем остается отраслевой подход и применяемый в его рамках инструментарий государственного регулирования экономики посредством использования федеральных ресурсов и программ развития [4, с. 102–112].

В настоящее время становится очевидным, что дальнейшее повышение экономического роста в России за счет благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры мирового рынка и высоких цен на товары российского экспорта маловероятно. Более перспективным шагом в социально-экономическом развитии РФ представляется обращение к внутренним резервам российской экономики, связанным с производительностью труда в регионах страны. Повышение производительности труда на российских предприятиях способно не только решить внутриэкономические проблемы в среднесрочной перспективе, но и сделать российскую экономику более конкурентоспособной и эффективной на мировом рынке товаров и услуг [3, с. 119–121].

Теория производительности труда как концептуальная основа создания новой потребительной стоимости и овеществления труда, а также научная организация живого труда как способ реализации передового опыта и достижений в науке и технике подтверждают, что высокая производительность труда способствует приросту валового внутреннего продукта (одного из главных макроэкономических показателей в мире согласно системе национальных счетов), росту заработных плат на предприятии, в государственном секторе экономики, наращиванию бюджетных ассигнований в социальной сфере (выплате повышенных пенсий, пособий, стипендий и др. социальных обязательств), в итоге — ведет к высокому уровню жизни человека в такой стране.

В настоящее время в нашей стране производительность труда в 4–5 раз ниже, чем в странах Западной Европы, США, Канаде, Японии и других развитых высокотехнологичных государствах. Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики¹, производительность труда в России за период с 2005 г. по 2017 г. только снижалась и в настоящее время (данные за 2018 г. на официальном сайте Росстат отсутствуют) не достигнуты показатели 2005 г. (рис. 1).

По мнению органов государственной власти, проблему повышения производительности труда в стране призван решить один из 13 ныне действующих национальных проектов — «Производительность труда и поддержка занятости»², в котором целевыми показателями к концу 2024 г. определено достижение темпов роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики в 5%, т. е. значений уровня 2005 г.

¹ Труд. Показатели темпов роста (снижения) производительности труда по видам экономической деятельности. Россия в цифрах, 2019 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b17_11/Main.htm (дата обращения: 29.04.2020).

² Правительство РФ, 2019. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/> (дата обращения: 29.04.2020).

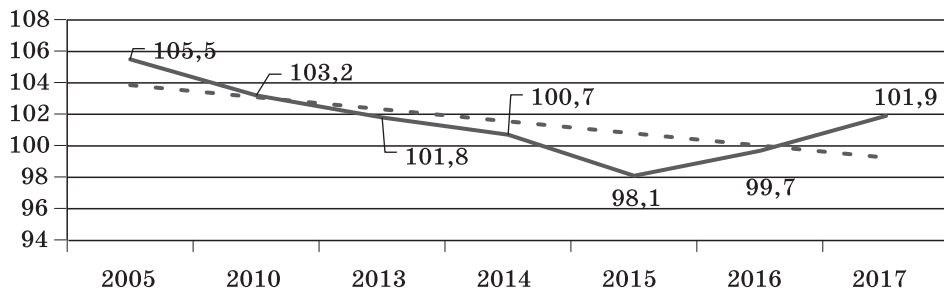

Рис. 1. Производительность труда в России, %

Fig. 1. Labor productivity in Russia, %

Источник: Составлено автором по данным Росстата.

Обращают на себя внимание и другие целевые показатели национального проекта. Во-первых, планируемое количество средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики, вовлеченных в проект к 2024 г., — 10 000 предприятий, то есть 0,22% (!) от общего количества предприятий и организаций в стране по данным на начало 2018 г. (официально в РФ зарегистрировано 4561,7 тыс.). Если расчет вести только от количества государственных и муниципальных предприятий (их зарегистрировано 299 000, то есть 6,5% от общего числа), то значения становятся понятнее — это 3,34% предприятий, планируемых к вовлечению в национальный проект (хотя статистические расчеты, как правило, «закладывают» 1–2% как погрешность в действиях).

Во-вторых, достижение даже такого результата выглядит сомнительным на сегодняшний день, поскольку предусмотренные национальным проектом требования «отсекают» предприятия и организации, имеющие годовую выручку менее 400 млн руб. В нашей стране к настоящему времени сложилась следующая ситуация.оборот всех предприятий и организаций за 2017 г. составляет около 160 трлн руб., в среднем на одно зарегистрированное предприятие всех форм собственности приходится около 35 млн руб. Единственной отраслью хозяйства, которая имеет выручку более 400 млн руб. и соответствует этому критерию в национальном проекте, является добыча полезных ископаемых. Однако согласно Паспорту национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости»¹, только предприятия пяти базовых несырьевых отраслей могут быть участниками данного проекта (выделены курсивом в табл. 1).

В среднем в этих отраслях хозяйства годовая выручка в 3 раза меньше от заложенных нормативов в случае с «обрабатывающими производствами», в 9–10 раз меньше в «торговле...» и «транспортировке», в 20 раз меньше в «сельском, лесном хозяйстве...» и в 30 раз меньше в «строительстве» (средняя выручка, рассчитанная на одно предприятие или одну организацию; второй столбец в табл. 1). Конечно, полученные результаты имеют среднюю величину, и годовая выручка каждого предприятия и организации среди их совокупности по каждому виду экономической деятельности может значительно отличаться от нескольких миллионов до нескольких миллиардов рублей в год. Однако именно эти обстоятельства позволяют сделать некоторые выводы. С одной стороны, наблюдается огромная дифференциация между предприятиями одной отрасли, когда несколько более крупных хозяйству-

¹ Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/35567/> (дата обращения: 29.04.2020).

Число и оборот предприятий и организаций в 2017 г.
 Table 1. Number and turnover of enterprises and organizations in 2017

Отрасль	Оборот / число, млн руб.	Оборот ПиО, млрд руб.	Число ПиО, тыс.
Всего в экономике	34,81	158778	4561,7
<i>сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство</i>	21,02	2720,4	129,4
добыча полезных ископаемых	778,88	13708,3	17,6
<i>обрабатывающие производства</i>	122,14	40502,2	331,6
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	376,39	8995,8	23,9
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	35,76	1008,4	28,2
<i>строительство</i>	13,78	6796,2	493,2
<i>торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов</i>	39,47	57830,4	1465,1
<i>транспортировка и хранение</i>	42,38	10870,7	256,5
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	11,06	1137,6	102,9
деятельность в области информации и связи	25,48	3437,6	134,9
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	6,77	2356,6	348,2
деятельность профессиональная, научная и техническая	12,61	4826,9	382,7
деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	7,13	1234	173,1
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	1,33	124,8	94,1
образование	3,90	534,2	136,8
деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	26,05	2157	82,8
деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2,80	224,8	80,3
предоставление прочих видов услуг	1,48	286,1	193,6

Источник: составлено и рассчитано автором по данным Росстата.

ющих субъектов имеют многомиллионный годовой доход и становятся главными налогоплательщиками в бюджеты разных уровней, а все остальные предприятия и организации при этом не имеют столь важного значения ни для отрасли, ни для региона в целом. С другой стороны, создаваемые условия участия в национальном проекте поощряют подобного рода дифференциацию, поскольку на государственную поддержку могут рассчитывать только крупные и сильные игроки на рынке, что в итоге может вести к монополизации отрасли и сокращению количества более «мелких» хозяйствующих субъектов ввиду их неконкурентоспособности.

Возвращаясь к понятию «производительность труда», необходимо уточнить, что производительность труда как показатель эффективности труда может быть рассчитан по отношению к отдельному работнику (личная), к конкретному предприятию, к каждой отрасли хозяйства, в стране в целом. Как правило, производительность труда показывает, какое количество продукции (натуральное исчисление или денежный эквивалент) приходится на задействованную рабочую силу или затраченное время (выработка). В Методике расчета показателей производительности труда для предприятий, утвержденной Приказом Министерства экономического развития¹, ее предлагается рассчитывать как отношение добавленной стоимости к среднесписочной численности работников. В таком случае простой механический подход предполагает следующее: для повышения производительности труда достаточно увеличить делимое или сократить делитель с тем, чтобы частное было больше. Применяемые в практике хозяйствования финансово-экономические инструменты регулирования социально-экономических процессов позволяют увеличить стоимость произведенной продукции на рынке за счет дополнительной девальвации рубля или повышения уровня инфляции в стране. Можно сократить и количество сотрудников на предприятии в ультимативном порядке, переложив выполнение дополнительных функций на оставшийся контингент, который не всегда оказывается более профессионально подготовленным и квалифицированным, с повышенной продуктивностью в работе. Однако подобные меры приводят к снижению покупательской способности человека, увеличению количества безработных, то есть несут асоциальный характер и вряд ли могут быть реализованы в настоящее время.

Вместе с тем с целью повышения производительности труда на своем предприятии в последнее время участились случаи перевода работников на срочные контракты, когда, например, работодатель заключает договор с работником на несколько месяцев или на 1 год, то есть только на определенный срок выполнения работ, без каких-либо гарантий на дальнейшее сотрудничество. Подобная схема взаимодействия не позволяет сотруднику правильно распорядиться своим временем и ресурсами, неопределенность «завтрашнего дня» не способствует принятию решения касательно повышения своей квалификации впрок (на это требуются определенные затраты, как финансовые, так и временные) ввиду возможной невостребованности в будущем на данном предприятии и рынке труда в целом.

Тем не менее, даже отрицательные и асоциальные последствия (которые, безусловно, необходимо нивелировать) такого повышения производительности труда не умаляют ее роль и значение в социально-экономической сфере. Более высокая производительность труда на предприятии, достигаемая за счет снижения себестоимости товаров и услуг (внедрение новых технологий, модернизация производства, оптими-

¹ Министерство экономического развития Российской Федерации. Документы. Приказ Минэкономразвития России от 28 декабря 2018 г. № 748 «Об утверждении Методики расчета показателей производительности труда предприятия, отрасли, субъекта Российской Федерации и Методики расчета отдельных показателей национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_28_dekabrya_2018_g_748.html (дата обращения: 29.04.2020).

зация производственного процесса) или посредством выработки готовой продукции в большом объеме за единицу времени (научная организация труда), позволяет руководству предприятия повышать заработную плату работникам, обеспечивая достойный уровень жизни. В то же время более высокая производительность труда в ведущих отраслях и в экономике в целом увеличивают экономический рост страны за счет возросших объемов реализуемой продукции и уплаты налогов в бюджеты разных уровней. Рост экономики страны, в свою очередь, позволяет выполнять социальные обязательства государства в большем объеме, то есть представляется возможным увеличить социальные трансферты в виде выплат из государственного бюджета повышенных пенсий, пособий, дотаций и прочих расходов. Кроме того, на повышение темпов экономического роста влияние оказывают и инвестиции, способные запустить процесс модернизации и наращивания производства (рис. 2).

Однако для реализации описанной схемы необходимо разработать и запустить организационный механизм, «подталкивающий» к повышению производительности труда в стране на современном этапе. Для этого можно предложить некоторые организационные мероприятия, не связанные с личной мотивацией работника.

1. Внести корректирующие изменения в предложенную Минэкономразвития Методику расчета показателей производительности труда:

- а) помимо исчисления в денежном выражении (делимое) вести учет и в натуральном, поскольку изменяемая ценовая конъюнктура рынка не всегда отражает реальное положение дел. Например, работник может изготавливать определенное количество продукции, а вот цена на нее на рынке может значительно меняться, что не свидетельствует о невыполнении им плана по выработке, в то время как рассчитанная производительность труда на предприятии будет снижаться (делимое меньше, чем делитель);
- б) производить расчет производительности труда не столько по количеству работников, занятых на производстве (делитель), сколько оценивать затраты труда в денежной форме в виде начисленной заработной платы. При этом необходимо соблюсти требования Постановления Правительства РФ¹, в кото-

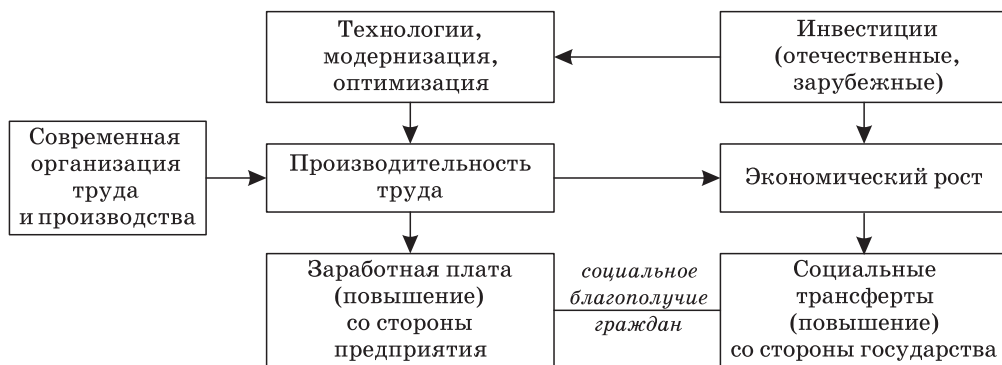

Рис. 2. Производительность труда как инструмент повышения экономического роста и социального благополучия граждан

Fig. 2. Productivity as a tool to increase economic growth and social well-being of citizens

¹ Постановление Правительства РФ от 10.12.2016 № 1339 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации «Собрание законодательства РФ». 19.12.2016. № 51. Ст. 7391 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=208689&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.979056500068809803420981917887014> (дата обращения: 29.04.2020).

ром указывается максимально допустимое соотношение в уровнях зарплат на предприятии (не более 8 раз). Данная мера позволит не только исполнить данное Постановление, которым многие хозяйствующие субъекты пренебрегают ввиду отсутствия серьезного наказания, но и позволит установить «потолок» роста зарплат руководителей (нижний предел в РФ касательно МРОТ уже установлен законодательно, а верхний — нет).

2. Внедрить в широкую практику хозяйствования технологию организации рабочего времени, предусматривающую относительно свободное (без привязки к конкретному времени, например, с 9.00 до 18.00) исполнение своих обязанностей с соблюдением норм выработки работником. Экономия времени на перемещении работника с места жительства до работы и обратно (в крупном городе временные затраты могут составлять 3–4 часа) позволит не только лучше организовать свой труд (делаешь работу, когда удобно, быстро и качественно), но и сократит время простоя (ненужные разговоры на работе, чаепития и проч.). Практика показывает, что большой коллектив всегда менее продуктивен, чем малочисленный. Данная мера может быть востребована во многих отраслях хозяйства, не связанных с оперативной деятельностью, а также в сфере услуг.
3. Внедрить в широкую практику хозяйствования использование цифровых и интернет-технологий [1, с. 189–194], позволяющих организовать трудовую деятельность посредством удаленного доступа. Подобные технологии реализуются в России, но пока не получили массового характера. Выгоды сопоставимы с п. 2.
4. Сократить количество звеньев управленческой цепи, когда начальник распределяет исполнение каких-либо поручений своему заместителю, тот — своему заместителю и т. д. Использование многократного посредничества в работе приводит к ситуации, когда над одним документом «работают» несколько человек, вернее, фактический исполнитель один, а соучастников процесса — множество [7, с. 9–11]. Каждый из участвующих в этом процессе затрачивает свое рабочее время, не выполняя, по существу, никакой полезной работы, что в итоге ведет к снижению производительности труда ввиду задействования большого количества людей на выполнение одной операции.

Таким образом, само понятие «производительность труда» в теоретическом плане остается достаточно сложным явлением, а ее практический расчет — неоднозначным. Необходимо более глубокое понимание производственного процесса, проработка упрощенных формул расчета производительности труда с учетом влияния множества факторов, внесение в методику расчета поправочных коэффициентов, отражающих в полной мере реальную ситуацию.

Литература

1. Авдеева И. Л., Головина Т. А., Парахина Л. В. Публичное управление в условиях цифровой глобализации : монография. Орел : Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2020.
2. Актуальные проблемы современной экономики и управления: материалы научно-практической конференции : сборник статей. СПб. : Национальный открытый институт. Санкт-Петербург, 2019.
3. Белов В. И. Пути повышения экономического роста в Российской Федерации // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. СПб., 2019. С. 119–121.
4. Белов В. И., Василевский Д. А. Развитие промышленного сектора как основа роста экономики Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 102–112.
5. Белов В. И., Степанова Т. В. Территории опережающего развития как инструмент социально-экономической политики государства // Государство и бизнес. Современные проблемы

- экономики. Материалы X Международной научно-практической конференции. Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. СПб., 2018. С. 133–136.
6. Засенко В. Е. Системный подход в обеспечении устойчивого развития региона : монография / В. Е. Засенко; под общ. ред. А. А. Трегубовой. СПб. : ООО «Издательство «ЛЕМА», 2012. С. 62–74.
 7. Капустина И. В., Переверзева Т. А., Степанова Т. В. Предпосылки институционального регулирования цифровой экономики // Вестник Национальной академии туризма. 2018. № 1. С. 9–11.
 8. Переверзева Т. А., Бахарев В. В. Инструменты институционального регулирования процессов развития экономики : монография. СПб. : Национальный информационный канал, 2019.
 9. Трегубова А. А., Черепанов С. Г. Анализ, прогнозирование и регулирование социальной устойчивости регионов : монография. СПб. : ООО «Издательство «ЛЕМА», 2012. 530 с.
 10. Экономика и менеджмент: современные тенденции развития : материалы научно-практической конференции; сб. статей. СПб. : ООО «Национальный информационный канал», 2019.

Об авторе:

Белов Валерий Игоревич, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС, доцент кафедры экономики и управления ЛГУ им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; belov-vi@ranepa.ru

References

1. Avdeeva I. L., Golovina T. A., Parakhina L. V. Public administration in the context of digital globalization: monograph. Orel: Central Russian Institute of Management — branch of RANEPa, 2020. 268 p. (In rus)
2. Current problems of modern economics and management: materials of the scientific and practical conference: a collection of articles. St. Petersburg: National Open Institute of St. Petersburg, 2019. 215 p. (In rus)
3. Belov V. I. Ways to increase economic growth in the Russian Federation // State and business. Modern economic problems. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. North-West Institute of Management of the RANEP. St. Petersburg, 2019. P. 119–121. (In rus)
4. Belov V. I., Vasilevsky D. A. Development of the industrial sector as the basis for the growth of the economy of the Russian Federation // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 5. P. 102–112. (In rus)
5. Belov V. I., Stepanova T. V. Territories of advanced development as an instrument of social and economic policy of the state // State and business. Modern economic problems. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. North-West Institute of Management of the RANEPa. St. Petersburg, 2018. P. 133–136. (In rus)
6. Zasenkov V. E. Systemic approach in ensuring the sustainable development of the region: monograph / V. E. Zasenkov; under the general ed. of A. A. Tregubova. St. Petersburg: LLC "Publishing House" LEMA", 2012. P. 62–74. (In rus)
7. Kapustina I. V., Pereverzeva T. A., Stepanova T. V. Prerequisites for institutional regulation of the digital economy // Bulletin of the National Academy of Tourism [Vestnik Natsional'noi akademii turizma]. 2018. N 1. P. 9–11. (In rus)
8. Pereverzeva T. A., Bakharev V. V. Tools for institutional regulation of economic development processes: monograph. St. Petersburg: National Information Channel, 2019. 181 p. (In rus)
9. Tregubova A. A., Cherepanov S. G. Analysis, forecasting and regulation of social stability of regions: monograph. St. Petersburg: LLC "Publishing House" LEMA", 2012. 530 p. (In rus)
10. Economics and management: modern development trends: materials of the scientific and practical conference: a collection of articles. St. Petersburg: National Information Channel LLC, 2019. 222 p. (In rus)

About the author:

Valery I. Belov, Associate Professor of the Chair of Economics of the North-West Institute of Management of RANEPa, Associate Professor of the Chair of Economy and management of Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; belov-vi@ranepa.ru

Проектное управление в реализации долгосрочных межрегиональных инициатив

Котов А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация; alexandr-kotov@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу применения проектного управления в реализации долгосрочных межрегиональных инициатив. Актуальность исследования обусловлена современным опытом инициации и реализации крупных межрегиональных инициатив. Практика показывает, что они безальтернативно нуждаются в реальном проектном наполнении, т. е. наличии взаимоувязанных локальных инвестиционных проектов, реализация каждого из которых в совокупности обеспечивает высокую межрегиональную (макрорегиональную) и общерегиональную значимость. На сегодняшний день в России отмечается нехватка проектов на межрегиональном уровне. Данная проблема зафиксирована в национальной Стратегии пространственного развития.

В исследовании сформулировано авторское определение межрегиональной инициативы как деятельности по разработке, представлению и запуску значимого крупного комплексного межрегионального проекта (комплекса взаимосвязанных инвестиционных и иных сопряженных проектов), потенциально способного оказать существенное влияние на социально-экономическое развитие страны, федерального округа / макрорегиона.

В статье подробно анализируется накопленный опыт проектного управления на региональном уровне, который может пригодиться для реализации комплексных межрегиональных инициатив. Дана характеристика основным моделям «перетока» опыта реализации проектного управления с федерального на региональный уровень для развития собственных инициатив субъектов Российской Федерации (прямой трансфер, перезагрузка госпрограмм, проектное управление новыми пространственными формами организации экономической деятельности, инициирование совместных проектов с федеральными институтами развития и др.).

Подчеркнуто, что проектное управление в продвижении межрегиональных инициатив целесообразно сконцентрировать на следующих направлениях: учет инновационных возможностей, сосредоточенных в системообразующих хозяйственных комплексах; ранжирование проектов с точки зрения эффектов для региональных предпринимательских сообществ. Преимущество должны получать проекты, задействующие и объединяющие местные ресурсы.

В связи с необходимостью инновационного развития особое внимание предлагается уделять межрегиональным инициативам, связанным с получением нового знания, объединением потенциала региональных научных центров, синтезу накопленного знания в виде патентов, передовых технологий, промышленных образцов.

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, проектное управление, макрорегионы, межрегиональные взаимодействия, Стратегия пространственного развития

Для цитирования: Котов А. В. Проектное управление в реализации долгосрочных межрегиональных инициатив // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 132–144.

Project Management in the Implementation of Long-term Interregional Initiatives

Alexander V. Kotov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; alexandr-kotov@yandex.ru

ABSTRACT

The article develops to the analysis of the application of project management in the implementation of long-term interregional initiatives. The relevance of the study is due to modern experience in initiating and implementing major interregional initiatives. Practice shows that they

need no alternative real project content, i. e. the availability of interconnected local investment projects, the implementation of each of which together provides high interregional (macro-regional) and region-wide importance. To date, there is a shortage of projects at the interregional level in Russia. This problem is recorded in the national Spatial Development Strategy.

We formulate an author's approach to defining of the interregional initiative as an activity to develop, present and launch a significant large complex interregional project (a set of interconnected investment and other related projects), potentially capable of having a significant impact on the social and economic development of the country, the federal district / macro-region.

The study analysed detail the lessons learned from project management at the regional level, which can be useful for the implementation of integrated interregional initiatives. The main models of "spillovers" of experience of implementation of project management from federal to regional level for development of own initiatives of subjects of the Russian Federation (direct transfer, reset of state programs, project management of new spatial forms of organization of economic activity, initiation of joint projects with federal development institutions, etc.) are given.

We have underlined possibilities project management in promoting interregional initiatives should focus on the following areas: taking into account innovative opportunities concentrated in systemically important economic complexes; Ranking projects in terms of effects for regional business communities. Projects involving and combining local resources should benefit.

In regard with innovation development, we have proposed specific attention to interregional initiatives related to the acquisition of new knowledge, associations of the potential of regional scientific centers, synthesis of accumulated knowledge in the form of patents, advanced technologies, industrial models.

Keywords: interregional cooperation, project management, macroregions, interregional interactions, Spatial Development Strategy

Для цитирования: Kotov A.V. Project management in the implementation of long-term interregional initiatives // Administrative consulting. 2020. N 8. P. 132–144.

Введение

Взаимодействие экономик регионов с мировой хозяйственной системой и разработка инновационно-опережающих сценариев развития в региональных стратегиях стимулируют интерес региональных органов исполнительной власти к крупным межрегиональным инициативам. Под ними мы понимаем деятельность по разработке, представлению и запуску значимого крупного комплексного межрегионального проекта (комплекса взаимосвязанных инвестиционных и иных сопряженных проектов), потенциально способного оказать существенное влияние на социально-экономическое развитие страны, федерального округа / макрорегиона.

Примером широкообсуждаемой подобной инициативы является межрегиональный проект «Енисейской Сибири». Она объединила 32 инвестиционных проекта из Красноярского края, Хакасии и Тувы с прогнозируемым объемом инвестиций в 1,9 трлн руб. и горизонтом планирования до 2027 г.¹ Межрегиональный характер носят проекты Комплексного плана развития и модернизации магистральной инфраструктуры² и развития Арктической зоны РФ³.

Целью таких проектов, как правило, является достижение в заданные сроки высокой эффективности создаваемого территориально-производственного ком-

¹ Комплексный инвестиционный проект «Енисейская Сибирь» [Электронный ресурс]. URL: <https://ensib.ru/> (дата обращения: 01.03.2020).

² Об утверждении Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/34297/> (дата обращения: 01.03.2020).

³ Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/830/events/> (дата обращения: 01.03.2020).

плекса как для региона, так и для государства и для всех участников региональной хозяйственной жизни.

При их реализации критически важна консолидация усилий и ресурсов всех заинтересованных сторон для как региональных стратегических, так и корпоративных целей [6]. Особая роль долгосрочных и межрегиональных проектов состоит в снижении технологических, экологических и экономических региональных рисков, создании инновационной инфраструктуры и участии в софинансировании отдельных подпроектов. Интересы субъектов РФ при этом состоят в получении прорывных импульсов в развитии отдельных секторов экономики на территориях.

В литературе, посвященной имплементации технологий проектного управления на региональном уровне, выделяются работы о его значимости для обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития территорий [1; 2; 7; 12], с точки зрения образования синергетических эффектов [13], инноваций [4; 14; 25], связи проектного управления и регионального инвестиционного климата [15]. Отмечается, что сложные межведомственные проекты нередко «буксуют» из-за отсутствия должного уровня проектного управления и качества коммуникаций [17]. Отдельные элементы проектного менеджмента уже применялись к изучению особенностей управления межрегиональными проектами [8; 11].

В зарубежной литературе наиболее релевантными примерами проектного управления могут быть кейсы реализации мегапроектов [20; 21; 23], межрегиональных транспортных коридоров [24]. С точки зрения возможного трансфера прикладного европейского опыта следует отметить «Руководства по проектному менеджменту» [26; 27]. Большая литература посвящена современным подходам к межрегиональному сотрудничеству в ЕС в форме проектов «умных специализаций» [22], оценке генерируемых эффектов [18] и реализации конкретных проектов межрегионального сотрудничества [19].

В данной статье технологии проектного управления преломляются применительно к управленческим возможностям в рамках реализации Стратегии пространственного развития России по активизации межрегионального сотрудничества, недостаточность которого обозначена как одна из проблем пространственной организации страны в целом [16].

Статья организована следующим образом. В первой части рассматривается практика внедрения проектного управления на региональном уровне. Затем характеризуется опыт инициации и реализации основных крупных долгосрочных проектов в российских регионах. Далее на основе обобщения и выделения сущностных черт развития проектного управления на региональном уровне разрабатываются предложения для реализации современных межрегиональных инициатив.

Практика применения проектного управления на региональном уровне

Перспективное развитие региональной экономики представлено в виде совокупности крупных межрегиональных инвестиционных проектов, направленных на достижение стратегических целей социально-экономического развития. Это создает возможность сочетания применения программно-целевых и проектных методов организации управления межотраслевыми проектами и позволяет настроить механизмы государственного регулирования решения локальных задач на достижение проектных целей.

Особенного внимания заслуживает научное обеспечение концепции проектной экономики в достижении стратегических целей экономики России и оценка народнохозяйственной эффективности как одной из двух составных частей обоснования эффективности стратегических инвестиционных проектов.

На начало 2018 г. можно обозначить этап начала развития проектного управления, когда оно «шагнуло» в регионы, и стало применяться массово, а не только в «регионах-передовиках». На сегодняшний день становится очевидным, что важно сформировать не столько прикладные проектные умения, сколько проектное мышление государственных служащих и в целом — проектную среду, эффективное межведомственное взаимодействие.

Среди особо успешных следует выделить опыт Белгородской области, где принципы проектного управления были определены еще задолго до аналогичного появления на федеральном уровне¹.

Его идея заключается в том, что любой человек может стать инициатором проекта. Для этого нужно оформить инициативную заявку, направить ее в Департамент внутренней и кадровой политики Белгородской области, где она в обязательном порядке регистрируется на сервисе «Электронное Правительство Белгородской области», к которому подключены все органы исполнительной власти как на региональном, так и на муниципальном уровнях [3].

Если идея оказывается интересна, то ее инициатор приглашается для разработки проекта и в дальнейшем в той или иной форме участвует в ее реализации. От органа власти области назначается куратор проекта, осуществляющий организационное сопровождение и мониторинг реализации проекта².

Другим лидером внедрения проектного управления в России является Ленинградская область, которая первой среди субъектов РФ комплексно внедрила проектное управление в региональную стратегию социально-экономического развития. Главная новизна в их подходе — это «пересборка», «переупаковка» существующих разрозненных госпрограмм в несколько комплексных проектных инициатив.

Проектная инициатива в Ленинградской области — это комплекс отдельных проектов (инвестиционных, организационных, поддерживающих, технических, инновационных) и мероприятий, реализация которых направлена на изменение сложившейся структуры сферы и имеет значительный экономический и социальный эффект в масштабах региона.

Приоритеты социально-экономического развития Ленинградской области упакованы в 6 проектных инициатив, включая профессиональное образование, комфортные поселения, продовольственную безопасность, современный транспортный комплекс, здоровье населения, индустриальное лидерство³.

Что касается конкретных целей и задач различных проектных инициатив в Ленинградской области, то, например, в рамках проектной инициативы «Индустриальное лидерство» ставится задача увеличения объемов промышленного производства не менее чем в два раза, вхождение Ленинградской области в ТОП-10 промышленно развитых регионов России, создание конкурентоспособных промышленных кластеров⁴. Основными задачами для достижения указанных целей выступают:

- развитие глубокой переработки сырья (нефтепереработка, химия, лесной комплекс, стройматериалы, пищепром);

¹ Постановление Правительства Белгородской области от 31 мая 2010 г. №202-пп «Об утверждении положения об управлении проектами в органах исполнительной власти и государственных органах Белгородской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424080691> (дата обращения: 01.03.2020).

² Факторы успеха региональных институтов развития [Электронный ресурс]. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/factory_uspeha_regionalnyh_institutov_razvitiya_proektnoe_upravlenie/ (дата обращения: 28.02.2020).

³ Проектные инициативы [Электронный ресурс]. URL: <http://monitoring.lenreg.ru/dokumenty-strategicheskogo-planirova/strategiya/proektnye-initsiativy/> (дата обращения: 01.03.2020).

⁴ Индустриальное лидерство [Электронный ресурс]. URL: <http://lenoblinvest.ru/investitsii-v-obshchestvennuyu-infrastrukturu/proektnye-initsiativy-strategii/industrialnoe-liderstvo> (дата обращения: 01.03.2020).

- импортозамещение и высокий уровень локализации производства (автопром, судостроение, вагоностроение, фармацевтика, энергомашиностроение, станкостроение);
- развитие новых технологий в промышленности (биотехнологии, нанотех, композиты, робототехника, аддитивные технологии ресурсосбережения, ИТ)¹.

Еще одну интересную практику в сфере проектного управления реализуют в *Ханты-Мансийском автономном округе* — Югре. Этот регион представляет более централизованную модель развития проектного управления по сравнению с той же Белгородской областью. Основным источником проектных инициатив являются поручения Губернатора автономного округа. В регионе исполнительными органами государственной власти инициированы проекты по строительству социальных объектов, объектов дорожного хозяйства, а также проектов, касающихся осуществления организационных изменений в сфере оказания государственных услуг. Другая значительная часть приоритетных проектов относится к сфере образования. В зоне постоянного контроля находится качество работы проектных команд по важным для Югры социально значимым проектам. В их числе, например, «Создание Сургутского окружного клинического центра охраны материнства и детства»².

В *Томской области* для организации проектного управления инвестиционной деятельностью создан «Фонд развития инвестиционной деятельности и проектного управления Томской области», который реализует программы обучения представителей малого и среднего предпринимательства для прохождения комплексного обучения основам экспортной деятельности³.

В *Приморском крае* складывается собственная специфика проектного управления инвестиционной деятельностью, связанной с реализацией различных инвестиционных проектов, в том числе и международных, реализуемых в рамках законодательных преференций — законе о ТОР, о Свободном порте. В регионе было разработано Положение об управлении проектами в регионе — «Проектный кодекс», регламентирующий деятельность органов исполнительной власти и краевых организаций на всех этапах жизненного цикла проектов, от их инициализации до завершения. Принятие «Проектного кодекса» определило основополагающие «правила игры» в регионе. Другой важный документ — модель проектных компетенций, задача которой — формирование «Проектного резерва»: отбор и обучение наиболее перспективных гражданских служащих и сотрудников краевых организаций, способных максимально эффективно проявить себя в проектной деятельности.

Модель проектного управления проходила апробацию на пилотных региональных программах и проектах. Пилотными, например, стали проекты по созданию инфраструктуры в ТОР «Надеждинская» и «Михайловский». Выбор ТОР для апробации проектного управления в Приморском крае был очевиден. Это — комплексные проекты с жесткими параметрами по срокам и бюджету, требующие эффективной коммуникации большого числа участников — федеральных и региональных органов власти, сетевых компаний и резидентов. Технологии проектного управления как

¹ Стратегия Ленинградской области [Электронный ресурс]. URL: <http://econ.lenobl.ru/work/planning/concept2030> (дата обращения: 28.02.2020).

² О проекте «Создание Сургутского окружного клинического центра охраны материнства и детства» [Электронный ресурс]. URL: <https://admhmao.ru/dokumenty/proekty pravitelstva/documents.php?sid=40043&bid=740&pid=&eid=295559> (дата обращения: 01.03.2020).

³ НО «Фонд развития инвестиционной деятельности и проектного управления Томской области» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.engineering.tomsk.ru/blog/news/no-fond-razvitiya-investitsionnoy-deyatelnosti-i-proektnogo-upravleniya-tomskoy-oblasti-priglasheet/> (дата обращения: 28.02.2020).

раз позволяют достигать целей, повышать эффективность взаимодействия участников проекта, реализовывать его в условиях ограниченных ресурсов¹.

В Курганской области, внедряя проектное управление в инвестиционную деятельность, Правительство области ориентируется на сокращение сроков разработки и согласования документов, оперативный контроль, своевременное принятие решений и выполнение задач исполнителями. В области разработана схема работы по внедрению проектного управления по повышению инвестиционного рейтинга Курганской области и система отбора инвестиционных проектов.

Региональная матрица экспресс-оценки долгосрочного проекта представляет собой «дорожную карту», показывающую план дальнейшего развития. По сути, это диаграмма Ганта (сетевой график), которую автор идеи должен заполнить: срок окупаемости проекта, точка безубыточности, суммы вложений ежемесячно, количество задействованных людей, мероприятия компании и ее партнеров. Учитываются даже сроки доставки оборудования, исполнения контрактов, сертификация продукции, договоры, налоги и еще ряд показателей. Когда все графы в пределах одного листа будут заполнены, становится понятно, стоит ли реализовать инвестиционный проект².

Другой аспект опыта внедрения проектного управления представляет Калужская область вместе с Внешэкономбанком (ВЭБ) и Агентством стратегических инициатив (АСИ) (вместе с 23 регионами) в виде реализации новой проектной технологии привлечения инвестиционных проектов, которая позволит напрямую соединить бизнес-идеи регионов с финансовыми ресурсами и дать толчок к активному развитию этого сектора.

Новая модель призвана создать широкую воронку инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации и повысить прозрачность процедуры их отбора. Одним из ее ключевых элементов являются менеджеры в регионах, прошедшие отбор по методике АСИ, обученные и сертифицированные Внешэкономбанком. Они будут заниматься проактивным поиском и первичной фильтрацией региональных проектов в соответствии со Стратегией развития ВЭБа, а также общаться с инициаторами и оказывать им поддержку в формировании пакета документов согласно требованиям ВЭБ. Взаимодействие участников процесса будет построено на онлайн-платформе «Фабрика проектов развития», которая в том числе позволит проводить экспресс-оценку проектов. Каждая стадия рассмотрения проекта, а также комментарии экспертов и принимаемые решения будут прозрачно отражены в рамках онлайн-платформы и доступны всем участникам процесса. На стадиях оценки и реализации проекта консультативную поддержку сертифицированным менеджерам могут оказать созданные в регионах проектные офисы по улучшению инвестиционного климата³.

Формирование региональных моделей проектного управления

Обобщая накопленный к настоящему времени опыт российских регионов в сфере применения техники проектного управления, можно выделить 8 направлений «перетока» опыта реализации проектного управления с федерального на регио-

¹ От концепции — к реальным действиям [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ot-kontseptsii-k-realnym-deystviyam/> (дата обращения: 28.02.2020).

² Идеи множатся в матрице [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/01/24/reg-urfo/matrica-ocenki-investproektov.html> (дата обращения: 28.02.2020).

³ Калужская область выбрана для внедрения новой технологии отбора инвестиционных проектов [Электронный ресурс]. URL: <http://arrko.ru/deyatelnost/iakaluga/news/kaluzhskaya-oblast-vybrana-dlya-vnedreniya-novoy-tehnologii-otbora-investitsionnyh-proektov/> (дата обращения: 28.02.2020).

нальный уровень для развития собственных инициатив субъектов Российской Федерации:

- прямой перенос федеральной практики — использование проектного управления для всей палитры действий региональных органов исполнительной власти;
- проектные инициативы по реализации инвестиционных планов развития моногородов в Российской Федерации;
- стратегические проектные инициативы развития территориальных инновационных кластеров — глобальных лидеров конкурентоспособности;
- перезагрузка региональных государственных программ и региональных стратегий социально-экономического развития по проектному принципу;
- управление значимыми региональными проектами в разных сферах — точками роста, проектами импортозамещения;
- создание координирующих структур, занимающихся внедрением проектного управления в текущую деятельность региональных администраций и переподготовкой кадров;
- проектное управление новыми пространственными формами организации экономической деятельности (территории опережающего социально-экономического развития);
- инициирование региональных инициатив совместно с региональными или федеральными институтами развития.

В каждом конкретном типе инициации региональных программ и проектов складывается своя модель развития проектной деятельности. Можно сказать, что сетевые графики реализации проектов входят в семейство методов индикативного планирования, предполагают широкое использование возможностей межведомственного согласования и управления, нацеленного на конкретный результат и KPI, в отличие от традиционной бюрократической работы по поручениям.

Создание графиков реализации проектов, прохождение ключевых реперных точек позволяет однозначно идентифицировать выполнение или невыполнение проекта, т. е. оцениваются изначально реальные изменения в инфраструктуре, бизнес-среде и др.

Новейший опыт инициации и реализации долгосрочных межрегиональных инициатив в России

За 20-летний период экономических преобразований 1998–2018 гг. регионы продвигали долгосрочные проекты Инвестиционного фонда Российской Федерации¹, топливно-энергетического комплекса (освоение месторождений Западного Ямала, группа месторождений сахалинского шельфа, Восточная газовая программа и создание Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса), реконструкция Восточного полигона (Транссиба и БАМа).

В Центральном и Северо-Западном федеральных округах получили развитие стратегические инвестиционные проекты в области транспортной инфраструктуры («Западный скоростной диаметр» (г. Санкт-Петербург), автодорога «Москва — Санкт-Петербург»).

Долгосрочные проекты могут выкристаллизовываться в ходе разработки региональных стратегий развития [5]. Например, территориальный комплексный стратегический проект «Инновационное развитие экономики и систем жизнеобеспечения арктической зоны Восточной Якутии» стал разрабатываться в процессе реализации республиканской стратегии модернизации экономики и со-

¹ Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации» от 01.03.2008 № 134 (ред. от 23.08.2010).

циальной сферы арктической зоны Республики Саха (Якутия) как части Государственной программы социально-экономического развития Арктической зоны РФ на период до 2020 г.

В этот период выявилась целесообразность группировки приоритетных мероприятий и проектов обновления инфраструктурных отраслей в западном, центральном и восточном арктических секторах Республики Саха (Якутия). Каждый из них имеет относительно замкнутый хозяйственный комплекс, альтернативные варианты экономического роста и самостоятельные транспортные выходы к СМП [9].

Периодически возобновляются прогнозные исследования обосновывающего характера по актуализации проекта «Белкомур», железной дороги, которая могла бы связать промышленные предприятия Пермского края и порт Архангельск. Данный проект лоббируют Архангельская область, Республика Коми, Пермский край. Новый интерес к проекту возникает в рамках глобальной китайской инициативы нового Шелкового Пути. Для развития экономики арктической зоны России «Белкомур» имеет большое значение и должен стать логичным продолжением Северного морского пути¹.

В 2018 г. стартовала концессионная процедура, а в 2019-м РЖД утвердили расходы для строительства Северного широтного хода (СШХ) — важнейшего элемента арктической транспортной системы, предполагающей создание железнодорожного коридора в 700 км, который соединит Северную и Свердловскую железные дороги. Проектные документы строительства Северного широтного хода были приняты к рассмотрению правительством РФ в конце декабря 2017 г. Проектная компания ОАО «РЖД», партнера властей ЯНАО по строительству СШХ, выступила с частной концессионной инициативой по реализации проекта².

Как пример остановленного в реализации стратегического инвестиционного проекта следует назвать «Урал Промышленный — Урал Полярный». Первоначально целью проекта было обеспечение экономической доступности и целесообразности вовлечения богатейших минерально-сырьевых ресурсов Приполярного и Полярного Урала в уральское промышленное производство путем создания транспортного коридора по восточному склону Уральских гор.

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и отсутствия источников «длинных денег» в 2012 г. ОАО «Корпорация Урал Промышленный — Урал Полярный» в результате брендинга, проведенного в целях вовлечения новых инвесторов и расширения географии реализации проектов, было переименовано в ОАО «Корпорация Развития». Она реализует ряд инвестиционных проектов в регионах Уральского федерального округа без главной транспортной оси проекта — железной дороги Полуночная — Обская³.

К небольшому числу относительно успешно состоявшихся стратегических инвестиционных проектов следует отнести проект комплексного развития Нижнего Приангарья. Он появился из федеральной целевой программы, которая была разработана в середине 1990-х гг. Программа разрабатывалась по распоряжению правительства России научными коллективами Сибирского отделения Академии наук. ФЦП «Освоение Нижнего Приангарья» в итоге была утверждена на федеральном уровне. Проект реализовывался из средств Инвестиционного фонда Российской Федерации на основе частно-государственного партнерства⁴.

¹ «Белкомур» позволит заработать регионам более триллиона рублей [Электронный ресурс]. URL: http://www.belkomur.com/news/index.php?ELEMENT_ID=2965 (дата обращения: 05.03.2020).

² На Ямале стартовала новая мегастройка за 260 млрд [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2018-02-27/medvedev_podpisal_rasporyazhenie_o_nachale_koncessii_severnogo_shirotnogo_hoda (дата обращения: 05.03.2020).

³ Корпорация развития. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cupp.ru/> (дата обращения: 05.03.2020).

⁴ Севсиб: из списка исключен [Электронный ресурс]. URL: <http://npriangarie.ru/expert/>

Возможности проектного управления для продвижения межрегиональных инициатив

Межрегиональные проекты (инициативы) обладают следующими особенностями:

- сложный территориальный и отраслевой состав, разнонаправленность стратегических намерений регионов, отраслей и компаний;
- зависимость их структуры и состава от геополитических факторов;
- широкая зона неопределенности внешних и институциональных условий (нормативно-законодательной базы, налоговой системы, привлечение ресурсов свободного финансового рынка);
- значительные организационно-экономические и инновационные риски проектов;
- состязательность интересов и конкуренция отраслей и регионов за государственную поддержку и привлечение проектов именно на их территорию [10; 27].

Проектное управление в продвижении межрегиональных инициатив целесообразно сконцентрировать на следующих направлениях.

Во-первых, это управление целесообразно направить на учет инновационных возможностей, сосредоточенных в системообразующих хозяйственных комплексах, которые имеют межрегиональный потенциал: нефтегазохимическом, машиностроительном, фармацевтическом. Следует из всего перечня возможных направлений межрегионального экономического сотрудничества, представленных в региональных стратегиях социально-экономического и инвестиционного развития выбрать наиболее нерутинные, новаторские, оригинальные проекты, которые могли бы принести мультипликативный эффект.

Под эти проекты следовало бы в первую очередь образовывать проектные команды, потому что сам их межведомственный характер усиливал бы эти мультипликативные эффекты.

Во-вторых, учитывая обычное наличие среди всех межрегиональных проектов абсолютно разных с точки зрения участия в них потенциала местного предпринимательского сообщества, предстоит ранжировать проекты с этой точки зрения, с целью обеспечения усиления влияния малого бизнеса в экономике всех участвующих регионов. Одним из наиболее значимых критериев эффективности проектного управления в этом случае могло бы стать число созданных рабочих мест с учетом косвенной и индуцированной занятости. Очень высоко должны быть также оценены проекты, генерирующие значительные межотраслевые эффекты.

В-третьих, в управлении приоритет следует отдавать не проектам, ориентированным на экзогенный рост (жестко зависящий от конъюнктуры внешнего спроса на традиционную номенклатуру продукции — в продолжение прежних тенденций развития), а тем проектам, которые нацелены на задействование эндогенных источников роста, носящих зачастую локальный характер, но потенциально создающих новые пространственно-распределенные цепочки добавленной стоимости¹.

В-четвертых, поддерживая становление инновационной экономики в российских регионах, особый статус должны получать межрегиональные инициативы, связанные с получением нового знания, объединяя потенциал региональных научных центров, накопленного знания в виде патентов, передовых технологий, промышленных образцов.

При этом важно избегать тотального перевода системы региональной инвестиционной политики на путь формальных изменений, при котором произошло бы

cevsib-iskluchen-iz-spiska/ (дата обращения: 05.03.2020).

¹ Крюков В. А. Возможные сценарии обеспечения связанности экономики Сибири в средне- и долгосрочной перспективе [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfor.ru/publication/svyazannost-ekonomiki-sibiri/> (дата обращения: 01.03.2020).

переключением «мероприятий» региональных программ в сводные «межрегиональные проекты», механическое назначение «кураторов проекта», «старших должностных лиц», то есть формального наполнения проектного управления, которое будет негативно оцениваться предпринимательским сообществом.

Таким образом, формирование списка конкретных межрегиональных долгосрочных проектов будет зависеть от признания необходимости их мультипликативного характера, гибкости, необходимости вызвать серьезный контринтерес со стороны предпринимательских объединений регионов, которые заинтересованы в реальном результате.

Весь региональный экспертный потенциал может быть подключен к наполнению межрегиональных проектных инициатив через прагматичное переосмысление региональных программ, реализация которых будет происходить в попытке согласовать региональные, корпоративные, местные интересы.

В межрегиональном сотрудничестве нельзя иметь размытые представления, в каких видах экономической деятельности наиболее интересны инвестиционные предложения. Вступая в диалог с бизнесом, сокращая общие издержки, регионам следует четко обозначить, по каким приоритетам, в каких объемах, в кратко- или долгосрочной перспективе они готовы участвовать на взаимовыгодной основе.

Таким образом, в ходе межрегионального взаимодействия необходим *адресный отбор* «снизу» потенциально эффективных межрегиональных проектов, которые:

- растут на базе сложившихся производственных связей;
- имеют положительный устойчивый круг социально-экономических мультипликативных эффектов;
- подчинены системе федеральных, макрорегиональных (на уровне федерального округа или макрорегиона), региональных приоритетов развития;
- ориентируются на рыночную специализацию региона;
- ускоряют опережающую инновационную модернизацию, задействуют научный потенциал регионов;
- содействуют прогрессивным структурным сдвигам и творческому раскрытию конкурентных преимуществ региональных экономик в целях достижения «умного», всеобъемлющего, инклюзивного экономического роста.

Заключение

Анализ передового опыта регионов Российской Федерации в инициировании и реализации крупных проектов межрегионального характера показал, что сегодня объективно существует недоиспользованный потенциал использования технологий проектного управления. При необходимости интенсификации межрегионального сотрудничества, которое продекларировано в Стратегии пространственного развития, число реальных межрегиональных инициатив крайне невелико.

Межрегиональные инициативы всегда предполагают мощное проектное наполнение, т.е. всегда сопровождаются реализацией значительного числа локальных инвестиционных проектов, реализация каждого из которых не обязательно оказывает существенное влияние на экономическую, социальную и экологическую ситуацию в регионе, но в совокупности обеспечивает высокую межрегиональную (макрорегиональную) и общерегиональную значимость, масштабность основного проекта.

Выдвижение межрегиональных проектов происходит в условиях ограниченности инвестиционных, кадровых, природных и иных ресурсов. Поэтому их выбор, поиск финансовых возможностей следует осуществлять в координации с региональными приоритетами социально-экономического развития.

Сочетание накопленного опыта реализации крупных проектов и практики проектного управления способно повысить уровень научной обоснованности и качество

реализации проектов пространственного развития, заложенных в Стратегии пространственного развития России.

Литература

1. *Актуальные вопросы проектного управления на федеральном и региональном уровнях. Материалы семинара-совещания в Аналитическом управлении Аппарата Совета Федерации* // Аналитический вестник. № 14 (728). Ч. 2. М., 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/bDf1zHgJAFmccgwksMu6Ohz0eK5AEAkB.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).
2. *Алборова А. А.* Проектное управление как новый инструмент механизма государственного управления региональным развитием // Управление экономическими и социальными системами региона : Сб. науч. трудов. Владикавказ, 2017. С. 8–15.
3. *Базаев Н. Д.* Внедрение проектного управления в деятельность органов исполнительной власти (на примере Белгородской области) // Науч. вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2 (26). С. 56–62.
4. *Жихарев К.* Проектное управление развитием региональной инновационной системы: общая схема и принципы // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 7. С. 50–57.
5. *Клисторин В. И.* Программно-проектный подход в освоении Сибири // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19. № 4. С. 31–37.
6. *Махнев Д. В.* Региональные проекты развития как инструмент согласования целей // Экономика и предпринимательство. 2014. № 9 (50). С. 239–247.
7. *Мирошников С. Н.* Применение проектного подхода в рамках системы стратегического планирования регионального развития // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 92–100.
8. *Муринович А. А., Логинов М. П.* Принципы и методы управления межрегиональными проектами // Вопросы управления. 2014. № 5. С. 114–121.
9. *Пляскина Н. И., Харитонов В. Н., Вижина И. А.* Ресурсный мегапроект Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса. Оценка реализуемости государственного плана развития газонефтехимии в Восточной Сибири и республике Саха (Якутия) (часть 1) // Бурение и нефть. 2014. № 2. С. 14–18.
10. *Пляскина Н. И., Харитонов В. Н.* Стратегическое планирование межотраслевых ресурсных мегапроектов: методология и инструментарий // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2. С. 15–27.
11. *Последов С. В., Толстых Т. О.* Подходы к управлению межрегиональными и межотраслевыми проектами // Вестник Воронежского госуниверситета. 2016. № 1. С. 24–29.
12. *Серебрякова Л. А.* Совершенствование регионального стратегического планирования на основе использования управления проектами // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2008. № 2. С. 148–152.
13. *Сосновская А. М., Мурашев А. В.* Проектная деятельность как требование развития систем в современных условиях // Управленческое консультирование. 2018. № 9. С. 120–129.
14. *Термелева А. Е.* Использование методологии управления проектами в системе инновационного развития региона // Основы экономики, управления и права. 2013. № 6 (12). С. 79–81.
15. *Тлисов А. Б., Киселева Н. Н.* Внедрение проектного управления в деятельность органов власти региона как механизм повышения его инвестиционной привлекательности // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 49–54.
16. *Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения // Управленческое консультирование. 2019. № 4 (124). С. 19–27.
17. *Яновский В. В., Исаев А. П., Нещерет А. К.* О реализации проектного подхода в государственном управлении и местном самоуправлении // Управленческое консультирование. 2018. № 1. С. 8–16.
18. *Benefiting from interregional cooperation* // INTERREG IVC — West area regions, 2012.
19. *Interregional cooperation: Dynamics of the Interreg Europe programme in Norte* // Programme NORTE 2020. 2018. N 2.
20. *Delphine Witte P., Spit T.* Megaprojects — An Anatomy of Perception: Local People's Perceptions of Megaprojects: The Case of Suramadu, Indonesia // DISP. 2019. N 55 (2). P. 63–77.

21. Gharehbaghi K., McManus K., Robson K. Minimizing the environmental impacts of mega infrastructure projects: Australian public transport perspective // *Journal of Engineering, Design and Technology*. 2019. N 17 (4). P. 736–746.
22. *Laurent de Mercey*. Boosting interregional cooperation with smart specialisation — preparing the future // EU Commission, Presentation. 2018.
23. Nie T., Ye K. Demystifying the barriers to transport infrastructure project development in fast developing regions: The case of China // *Sustainability (Switzerland)*. 2019. N 9 (10). P. 1915.
24. Khan S., Liu G. The China — Pakistan Economic Corridor (CPEC): challenges and prospects // *Area Development and Policy*. 2019. N 4 (4). P. 467–474.
25. Kuleshov V. V., Untura G. A., Markova V. D. Towards a knowledge economy: the role of innovative projects in the reindustrialization of Novosibirsk oblast // *Regional Research of Russia*. 2017. N 7 (3). P. 215–224.
26. *Project management handbook* // EU, Interact, 2013.
27. *Territorial cooperation project management handbook* // EU, INTERACT is financed by the European Regional Development Fund (ERDF), 2007.

Об авторе:

Котов Александр Владимирович, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; alexandr-kotov@yandex.ru

References

1. Actual issues of project management at the federal and regional levels. Materials of the seminar meeting in the Analytical Department of the Staff of the Council of the Federation // *Analytical Bulletin [Analiticheskij vestnik]*. N 14 (728). 2. M., 2019 (In rus.)
2. Alborova A. A. Project management as a new tool of the mechanism of state management of regional development // *Management of economic and social systems of the region. [Upravlenie ekonomicheskimi i social'nymi sistemami regiona]*. Vladikavkaz, 2017. P. 8–15. (In rus.)
3. Bazaev N. D. Implementation of project management in the activities of executive bodies (on the example of the Belgorod region) // *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management [Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta]*. 2019. N 2 (26). P. 56–62. (In rus.)
4. Zhikharev K. Project management of the development of a regional innovation system: general scheme and principles // *Problems of management theory and practice [Problemy teorii i praktiki upravleniya]*. 2010. N 7. P. 50–57. (In rus.)
5. Klitorin V. I. Program and project approach to the development of Siberia // *World of Economics and Management [Mir ekonomiki i upravleniya]*. 2019. Vol. 19. N 4. P. 31–37. (In rus.)
6. Makhnev D. V. Regional development projects as a tool for aligning goals // *Economics and Entrepreneurship. [Ekonomika i predprinimatel'stvo]* 2014. N 9 (50). P. 239–247. (In rus.)
7. Miroshnikov S. N. Application of Project Approach within the Framework of Strategic Planning of Regional Development // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2019. N 11. P. 92–100. (In rus.)
8. Murinovich A. A., Loginov M. P. Principles and methods of managing inter-regional projects // *Management Issues [Voprosy upravleniya]*. 2014. N 5. P. 114–121. (In rus.)
9. Plyaskina N. I., Kharitonova V. N., Vizhina I. A. Resource megaproject of the East Siberian oil and gas complex. Assessment of the feasibility of the state plan for the development of gas and petrochemicals in Eastern Siberia and the Republic of Sakha (Yakutia) (Part 1) // *Drilling and oil [Burenie i neft']*. 2014. N 2. P. 14–18. (In rus.)
10. Plyaskina N. I., Kharitonova V. N. Strategic planning of intersectoral resource megaprojects: methodology and tools // *Problems of forecasting [Problemy prognozirovaniya]*. 2013. N 2. P. 15–27. (In Rus.)
11. Posledov S. V., Tolstykh T. O. Approaches to the management of inter-regional and inter-industry projects // *Bulletin of the Voronezh State University [Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta]*. 2016. N 1. P. 24–29. (In rus.)
12. Serebryakova L. A. Improving regional strategic planning based on the use of project management // *Bulletin of the North Caucasus State Technical University [Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta]*. 2008. N 2. P. 148–152. (In rus.)

13. Sosnovskaya A. M., Murashev A. V. Project Activity as the Requirement of Systems Development in the Current Context // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 9. P. 120–129. (In rus.)
14. Termeleva A. E. The use of project management methodology in the system of innovative development of the region // Fundamentals of Economics, Management and Law [Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava]. 2013. N 6 (12). P. 79–81. (In rus.)
15. Tisov A. B., Kiseleva N. N. Introduction of Project Management in Activity of Authorities of the Region as the Mechanism of Increase in its Investment Appeal // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 12. P. 49–54. (In rus.)
16. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025: Economic Opportunities and Administrative Restrictions. First Article // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 4. P. 19–27. (In rus.)
17. Yanovskiy V. V., Isaev A. P., Nescheret A. K. About the Project Approach Implementation in Public Administration and Local Self-Government // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 1. P. 8–16. (In rus.)
18. Benefiting from interregional cooperation // INTERREG IVC — West area regions, 2012.
19. Interregional cooperation: Dynamics of the Interreg Europe programme in Norte // Programme NORTE 2020. 2018. N 2.
20. Delphine Witte P., Spit T. Megaprojects — An Anatomy of Perception: Local People's Perceptions of Megaprojects: The Case of Suramadu, Indonesia // DISP. 2019. N 55 (2). P. 63–77.
21. Gharehbaghi K., McManus K., Robson K. Minimizing the environmental impacts of mega infrastructure projects: Australian public transport perspective // Journal of Engineering, Design and Technology. 2019. N 17 (4). P. 736–746.
22. Laurent de Mercey. Boosting interregional cooperation with smart specialisation — preparing the future // EU Comission, Preasentation. 2018.
23. Nie T., Ye K. Demystifying the barriers to transport infrastructure project development in fast developing regions: The case of China // Sustainability (Switzerland). 2019. N 9 (10). P. 1915.
24. Khan S., Liu G. The China — Pakistan Economic Corridor (CPEC): challenges and prospects // Area Development and Policy. 2019. N 4 (4). P. 467–474.
25. Kuleshov V. V., Untura G. A., Markova V. D. Towards a knowledge economy: the role of innovative projects in the reindustrialization of Novosibirsk oblast // Regional Research of Russia. 2017. N 7 (3). P. 215–224.
26. Project management handbook // EU, Interact, 2013.
27. Territorial cooperation project management handbook // EU, INTERACT is financed by the European Regional Development Fund (ERDF), 2007.

About the author:

Alexander V. Kotov, Senior Researcher of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; alexandr-kotov@yandex.ru

Политико-экономическое сотрудничество России и Словацкой Республики: возможные сценарии развития

*Денисенко В. А., Мальчушкин Н. А.**

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация; *nikol-mal@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена недавним внутривнутриполитическим трансформациям в Словакии и их возможному влиянию на российско-словацкие отношения. В работе исследуются основные аспекты текущего политико-экономического партнерства России и Словакии; указывается, что экономическое сотрудничество с Россией остается сравнительно значимым внешнеполитическим аспектом для Словацкой Республики преимущественно благодаря поставкам энергоресурсов; подчеркивается, что интенсивность двустороннего взаимодействия постепенно снижается. Еще большему уменьшению масштабов российско-словацкого сотрудничества, по мнению авторов, может способствовать «антироссийский разворот» Словакии в 2020 г.; выборы кардинально изменили конфигурацию политических сил внутри страны, парламент республики возглавили оппозиционные силы с четкой антироссийской риторикой.

Рассматривая возможные сценарии российско-словацкого политико-экономического сотрудничества в ближайшей перспективе, авторы выделяют умеренно-оптимистичный, нейтральный и пессимистичный варианты развития событий. Подчеркивается, что текущие тенденции двустороннего взаимодействия между странами позволяют оценивать урон от прогнозируемого ухудшения отношений для России как достаточно малозначительный.

Ключевые слова: Словакия, российско-словацкое сотрудничество, антироссийский вектор, Восточная Европа, экономическое сотрудничество, сценарии развития взаимодействия

Для цитирования: Денисенко В. А., Мальчушкин Н. А. Политико-экономическое сотрудничество России и Словацкой Республики: возможные сценарии развития // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 145–156.

Political and Economic Cooperation between Russia and the Slovak Republic: Possible Development Scenarios

*Viktoria A. Denisenko, Nikolay A. Malchushkin**

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation; *Nikol-mal@mail.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to recent domestic political transformations in Slovakia and their possible impact on Russian-Slovak relations. The paper studies the main aspects of the current political and economic partnership between the Russian Federation and the Slovak Republic; it is indicated that economic cooperation with Russia remains a relatively significant foreign policy aspect for Slovakia, primarily due to energy supplies. Nevertheless, the gradual decrease in the intensity of bilateral interaction is highlighted. According to the authors, the “anti-Russian pivot” of Slovakia in 2020 can contribute to a further reduction in the scale of Russian-Slovak cooperation; the Slovak elections radically altered the configuration of political forces within the country, the republic's parliament is led by the opposition forces with clear anti-Russian rhetoric.

Considering possible variations of Russian-Slovak political and economic cooperation in the foreseeable future, authors propose moderately optimistic, neutral and pessimistic scenarios. It is underlined that the damage from the predicted deterioration in relations for Russia due to the current trends in bilateral cooperation between the countries is assessed as rather insignificant.

Keywords: Slovakia, Russian-Slovak cooperation, anti-Russian vector, East Europe, economic partnership, scenarios of interaction development

Для цитирования: Denisenko V. A., Malchushkin N. A. Political and Economic Cooperation between Russia and the Slovak Republic: Possible Development Scenarios // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 145–156.

Введение

Российско-словацкие отношения после распада СССР и обретения независимого статуса обоими государствами представляли собой сложный феномен, отличающийся высокой степенью динамизма. Встав на путь формирования национальной идентичности во второй половине 1990-х гг., Словацкая Республика отдала предпочтение евроинтеграции. Евроатлантический вектор внешней политики Словакии был установлен после парламентских выборов 1998 г., а членство в НАТО и Евросоюзе государство оформило уже в 2004 г. [26, с. 126]. С другой стороны, российское направление не теряло своей значимости для словацкого руководства на протяжении 2000–2010 гг. Необходимость поддерживать стабильные партнерские отношения с Российской Федерацией объясняется прагматичными причинами — Россия на протяжении долгого времени остается одним из ключевых поставщиков энергоресурсов для Словакии. До начала 2020 г. лояльность со стороны словацкого истеблишмента и его относительная гибкость в маневрировании между европейскими и российскими интересами закрепили за Словацкой Республикой статус пусть и не приоритетного, зато удобного и предсказуемого партнера для России в Центральной Европе. Однако парламентские выборы в Словакии 29 февраля 2020 г. кардинально изменили конфигурацию политических сил внутри страны — парламент возглавили оппозиционные силы с четкой антироссийской риторикой. Подобный разворот в теории способен нанести существенный ущерб прежде стабильным российско-словацким отношениям как в дипломатическом, так и в экономическом и политическом планах.

Цель данной статьи — проанализировать произошедшие внутривнутриполитические трансформации среди руководящих элит Словакии и рассмотреть возможные сценарии развития российско-словацкого политико-экономического сотрудничества в ближайшей перспективе. Характер исследования обусловил необходимость применения общенаучных методов познания (анализ, синтез, системный подход), статистических методов, метода мысленного моделирования.

Следует подчеркнуть, что двустороннее взаимодействие между Россией и Словакией не является предметом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей. Среди работ российских ученых можно выделить исследования Л. Н. Шишелина, М. В. Ведерникова, Н. В. Куликова, И. С. Сеницына, В. В. Трухачева. Из иностранных исследователей искомая тема находится в научном фокусе прежде всего словацких политологов: Ю. Марушьяка, Я. Усиака. Сравнительно малый интерес научного сообщества к политическим метаморфозам взаимодействия между Словакией и Россией объясняется как второстепенной важностью Словакии как транзитного партнера Российской Федерации, так и слабым влиянием особенностей словацко-российского взаимодействия на мировую политику.

Результаты и обсуждение

Характерный динамизм в отношениях между Россией и Словакией в определенной степени объясняется политическими процессами, происходившими на европейском континенте в конце XX и начале XXI вв. Первой попыткой к реформативизации

геополитических приоритетов для словаков стала «бархатная» революция в конце 1989 г., которая привела к демонтажу социалистической системы и началу сближения со странами Запада. В январе 1993 г. приоритетный европейский вектор внешнеполитических отношений был закреплён после провозглашения Словацкой Республикой независимости. Здесь стоит отметить двойственность процесса определения новообразованным государством национальных интересов. С одной стороны, Словакия — посткоммунистическое государство без опыта формирования государственности, в прошлом на протяжении нескольких десятилетий было встроено в блок социалистических стран. В трактовке сторонников социального конструктивизма решительный отход в пользу евроинтеграции перешел в категорию национального интереса, который был обусловлен, во-первых, общественным запросом на смену власти, а во-вторых, желанием сконструировать новую национальную идентичность словаков — обращенную в сторону не постсоветского мира, но демократического Запада [4, с. 29–30].

В то же время, отношения с Российской Федерацией продолжали и продолжают играть значительную роль для Словакии. Прежде всего, ключевым фактором остается зависимость от поставок российских энергетических ресурсов. Не менее важным аспектом выступает сравнительно высокая степень позитивного восприятия России и президента В. Путина в словацком обществе — согласно опросам аналитического центра Pew Research Center, в 2019 г. этот показатель достигал 60%, большее значение среди стран Центральной и Восточной Европы (далее — ЦВЕ) зафиксировано только в Болгарии — 73% [16].

В России сохранение влияния на ЦВЕ с учетом стратегического значения стран Вишеградской четверки (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), на протяжении 1990-х гг. оставалось одной из приоритетных внешнеполитических задач. Однако очевидность выбора стран в пользу евроинтеграции, в том числе вступление в ЕС и НАТО, внесли существенные коррективы во внешнеполитическое планирование. Эволюцию таких изменений можно отследить по содержанию стратегических документов Российской Федерации за период 1992–2016 гг. Если в «Концепции внешней политики РФ» от 1992 г. первостепенным утверждалось недопущение изоляции России в ЦВЕ, то в Концепции 2000 г. задачи в отношении стран региона уже ограничивались сохранением наработанных связей и стимулированием обоюдывыгодного взаимодействия в соответствии с новыми условиями. В документах 2008, 2013 и 2016 гг. наблюдается постепенное исчезновение центрально-европейской проблематики из официальной внешнеполитической доктрины РФ. Еще одним препятствием на пути установления прочных связей Москвы и Вишеградской четверки, по мнению М. В. Ведерникова, является отсутствие организационных структур данного объединения — секретариата, штаб-квартиры и других органов, присущих международным организациям, что затрудняет институциональное взаимодействие указанных стран и МИД РФ [1, с. 145].

В 2010-х годах основой для поддержания нейтрально-позитивных отношений Москвы и Братиславы выступала в определенной степени лояльная позиция словацкого парламентского истеблишмента. В 2006–2010 гг., а также в 2012–2020 гг. правительство Словакии формировала крупнейшая левоцентристская партия «Направление — социальная демократия» (SMER-SD), а ее лидер — Роберт Фицо — дважды занимал пост премьер-министра страны.

Во время первого правительства Р. Фицо вопрос российского влияния на отношения со Словакией носил сугубо формальный характер — сотрудничество со странами СНГ приобрело второстепенное значение, уступив приоритетность европейскому направлению [20; 25, с. 503–505]. С 2009 г. Словакия стала активным участником проекта ЕС «Восточное партнерство» по развитию интеграционных связей блока со странами бывшего СССР. Тем не менее, оппозиция неоднократно

обвиняла правительство Р. Фицо в пророссийской направленности внешней политики: лично премьер-министру вменялись одобрение политической модели России при президентстве В. Путина и переложение ответственности за российско-украинский газовый кризис начала 2009 г., в котором особенно пострадали Болгария и Словакия, на Украину. Говоря о других членах правительства, недовольство оппозиции вызвало допущение министром иностранных дел Словакии Мирославом Лайчаком участия России в «Восточном партнерстве» в 2009 г. [3, с. 70].

Период второго правительства Р. Фицо характеризуется похолоданием двусторонних отношений с Россией на фоне политической эскалации на Украине в конце 2013 г. и событий крымской весны 2014 г. По словам Л. Н. Шишелиной, украинский раскол противопоставил интересы РФ и стран ЦВЕ и перевел их в прямой конфликт [8, с. 11]. В то же время этап 2012–2020 гг. отмечается указанным выше динамизмом в развитии отношений со стороны Братиславы в одновременном следовании интересам ЕС и сохранении диалога с Москвой. Словацкий парламент одобрил курс на украинскую евроинтеграцию, но в то же время премьер-министр Фицо выступил с критикой планов ЕС по предоставлению кредитов Киеву. После присоединения к России Крымского полуострова страны Вишеградской четверки поддерживали санкционный режим, несмотря на ущерб собственным экономическим интересам, а также выразили поддержку территориальной целостности Украины. Словакия не поощряла санкции в отношении России, судя по публичным критическим заявлениям Р. Фицо в отношении ограничений, однако и не использовала политические рычаги по их блокированию и отмене, тем самым выражая приверженность общеевропейской политике [24, с. 780].

Неодобрительное отношение к попыткам парламента лавировать между европейскими и российскими интересами выражали и избранный в 2016 г. Президент Словакии Андрей Киска, и его преемница Зузана Чапутова (2019 г.). Президент З. Чапутова напрямую заявляла: «Я рассматриваю политику Владимира Путина не только в отношении Словакии, но и всей Европы. Я вижу попытки подорвать стабильность, демократию и единство Европейского Союза...» [13]. Однако, исходя из особенностей государственного устройства Словацкой парламентской республики, управленческие полномочия президента более ограничены по сравнению с парламентом, и его влияние на формирование внешней политики сравнительно незначительно.

Слабость оппозиционного воздействия позволяла парламентской коалиции во главе с правящей партией SMER-SD проводить плодотворную политику в отношении РФ, а ее членам отстаивать позиции, идущие вразрез с европейским курсом. К примеру, премьер-министр Р. Фицо был одним из немногих европейских политиков, принявших участие в торжественных мероприятиях по случаю 70-й годовщины окончания Второй мировой войны в Москве в 2015 г., несмотря на бойкот со стороны других руководителей стран ЕС. Подобное действие повторил уже в 2019 г. председатель Национального совета Словакии и лидер входящей в правительственную коалицию Словацкой национальной партии Андрей Данко [25, с. 134]. Депутат парламента Петер Марчек публично признавал российскую принадлежность Крыма, а в 2018 г. совершил неофициальный визит в республику, чем вызвал значительное недовольство определенных политических кругов. Преемник Р. Фицо на посту премьер-министра Словакии в 2018–2020 гг. Петер Пеллегрини дважды посещал Москву по дипломатической линии: в 2019 г. для встречи с премьером Д. Медведевым и президентом В. Путиным, а также 26 февраля 2020 г., за три дня до запланированных выборов в словацкий парламент — для встречи с новым председателем правительства РФ М. Мишустиним [5]. По данным исследования словацкого аналитического центра STRATPOL, помимо указанной выше партии SMER-SD, приверженность пророссийскому курсу в парламенте также демонстрировали ультраправая «Народная партия — наша Словакия» (LSNS) и националистическая «Словацкая национальная партия» (SNS) [10, с. 285–286]. Тем самым, не-

смотря на недовольство оппозиции, в последнее пятилетие 2010-х годов стабильные отношения Москвы и Братиславы сформировали достаточный фундамент для дипломатического и экономического взаимодействия [7, с. 88].

Рассмотрим основные направления экономического партнерства России и Словакии. Ключевой стимул к поддержанию диалога Братиславы с Москвой — это сохранение энергетической безопасности Словацкой Республики. Особенности электроэнергетической структуры Словакии, отраженные на рис. 1, дают представление о низкой степени диверсификации отрасли.

Несмотря на активную эксплуатацию возобновляемых энергоресурсов и использование неконвенциональных источников энергии (биотопливо), масштаб их применения покрывает менее 25% всей энергетики страны, тем самым ставя во главу угла традиционные ресурсы [15, с. 440]. Словацкая Республика зависит от импорта большинства ископаемых энергоресурсов — сырой нефти и природного газа, а также ядерного топлива, используемого в атомных электростанциях. Одним из основных торговых партнеров в этой отрасли выступает Российская Федерация, в связи с чем в Словакии периодически поднимается вопрос о переориентации отрасли и расширении списка приоритетных энергетических поставщиков. Список позиций энергетического импорта приведен в табл. 1.

Таким образом, ресурсная зависимость Словакии становится очевидным фактом, оказывающим влияние на конфигурацию внешнеполитической доктрины по отношению к России [19, с. 821]. Со второй половины 2000-х годов словацкими властями разрабатываются планы по изменению географии доставки наиболее важных ископаемых видов топлива для снижения привязанности энергетической отрасли к одному партнеру, потенциальные варианты представлены ниже.

В настоящее время доставка российской необработанной нефти осуществляется через южный участок нефтепровода «Дружба», который проходит по территории Украины, Словакии, Венгрии, Чехии и Хорватии. Недостатком «Дружбы» является

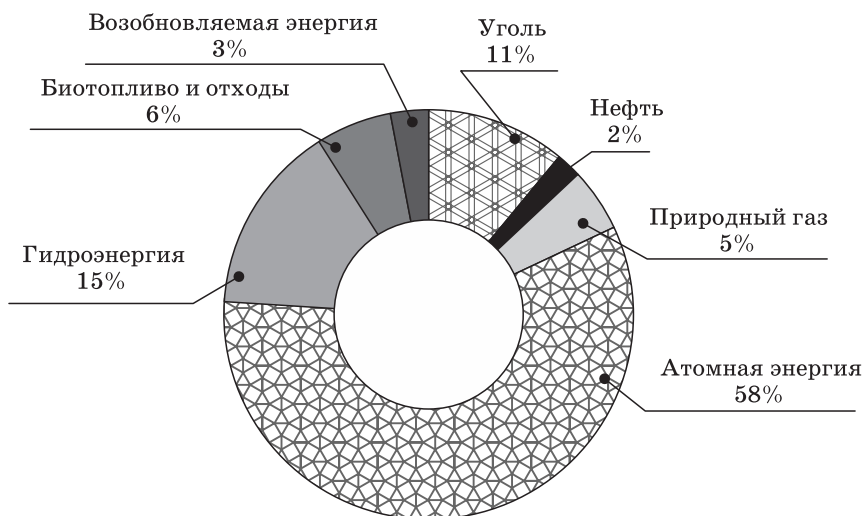

Рис. 1. Анализ электроэнергетической карты Словакии (производство электроэнергии по источникам), 2018 г.

Fig. 1. Slovak energy map analysis (electricity generation by sources), 2018

Источник: составлено по данным [9; 11; 17; 21].

Структура энергетического импорта Словакии, 2017 г.

Table 1. Structure of energy imports of Slovakia, 2017

Статья импорта	Объем импорта (доля от внутренних потребностей)	Страна-импортер (доля)
Сырая нефть	5,5 млн т (99,6%)	Россия (98,6%), Венгрия (1,4%)
Природный газ	4,7 млрд м ³ (98%)	Великобритания (41%), Россия (40%), Германия (5,6%), Чехия (4,9%), Швейцария (3,6%), другие страны (4,5%)
Уголь	4,3 млн т (70%)	Чехия (27%), Россия (19%), Польша (18%), США (14%), Мозамбик (8,5%), Украина (7,9%), другие страны (5,6%)
Ядерное топливо	100%	Россия (100%)
Электроэнергия	15,5 ТВт·ч (58%)	Греция (100%)

Источник: составлено по данным Slovak Republic: Data and statistics // International Energy Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/> (дата обращения: 27.03.2020); Slovakia Trade Profile // The Observatory of Economic Complexity [Электронный ресурс]. URL: <https://oec.world/en/> и [9, с. 29–79; 22, с. 399–403; 23, с. 116–120].

отсутствие возможности перенаправления потока на приграничном соединителе Чехия — Словакия, в связи с чем при нарушении подачи нефти с восточного направления нефтепровод нельзя использовать для перегона сырья из других источников [14, с. 207]. План диверсификации поставок нефти предполагает альтернативы в виде нефтепровода «Адрия» и трубопровода «Братислава-Швехат» (BSP).

Нефтепровод «Адрия» соединяет хорватский нефтяной терминал в городе Омишаль с нефтеперерабатывающим заводом Дюна в венгерском Сазхаломбатте. Словацкий участок «Дружбы» связывается с венгерским «Адрией» 130-км линией, заканчивающейся в городе Шаги на юге Словацкой Республики. Использование «Адри» Словакией осложняется более низкими объемами перекачки нефти (3,8 млн т/год против 9,2 млн т/год «Дружбы») и текущей неготовностью к функционированию в качестве полноценной замены нефтепровода «Дружба» (переговоры между Словакией и Хорватией об интеграции «Адри» в систему «Дружбы» были заморожены в 2006 г.) [9, с. 32–33].

Предложенный Братиславой проект нефтепровода BSP, соединяющего НПЗ Словакии и Австрии, имеет потенциально стратегическое значение как для стран-участниц, так и для всего региона. После реализации трубопровод будет встроен в общеевропейскую нефтяную сеть, что обеспечит дополнительный приток энергетического ресурса через Трансальпийский нефтепровод (пролегает по территории Италии, Австрии и Германии) и трубопровод «Адриа-Вена», и придаст Братиславе статус нефтяного хаба Центральной Европы. Несмотря на то, что в проекте заинтересована не только Словакия, но и Европейский Союз, его исполнение осложнено протестами со стороны Министерства охраны окружающей среды Словацкой Республики ввиду возможной опасности для экологии. Transpetrol, оператор словацкого участка нефтепровода «Дружба», ведет исследования по прокладке альтернативного пути Братислава — Петржалка — Швехат и снижению экологического урона, однако на данный момент компромисс в переговорах о строительстве не достигнут¹.

¹ Crude oil transportation projects // TRANSPETROL [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transpetrol.sk/en/planned-projects/> (дата обращения: 29.03.2020).

Что касается природного газа, то его значительные объемы поставляются в Словакию через транзитный трубопровод из России в Украину и далее в государства ЦВЕ. Стабильность поставок в Словацкую Республику осложняется политико-экономическими трениями между Москвой и Киевом, а также ведущей ролью этих стран в определении транзитных форматов и конфигураций [12, с. 53–55]. В связи с этим в качестве альтернативы рассматривается газопровод «Eastring». Проект «Eastring» предполагает возведение двустороннего трубопровода между Словакией, Румынией, Болгарией и Венгрией, который свяжет Балканский и Европейские газовые хабы, позволяя транспортировать энергоресурс от берегов Турции в Европу и обратно. Таким образом, импорт газа будет распределяться между поставщиками Каспийского, Ближневосточного, Балканского регионов и России. На сегодняшний день проект находится в процессе реализации, предполагаемая дата его завершения — 2021 г.¹

Ядерное топливо: обеспечением топлива для АЭС Словакии («Моховце», «Богунице») занимается российская топливная компания «ТВЭЛ», входящая в состав госкорпорации «Росатом». Диверсификация поставок этого ресурса является невозможной в ближайшей перспективе ввиду технологических особенностей атомных станций — энергоблоки обеих АЭС эксплуатируют российские реакторы ВВЭР-440, что и определяет участие только российского импортера². Тем не менее, Н. Куликова и И. Синицина отмечают, что, несмотря на чувствительность всех стран Висшеградской четверки к экспорту российских энергоресурсов (Болгария и Польша — к нефти, Чехия и Румыния — к природному газу), в целом по ЦВЕ степень зависимости постепенно снижается (64% ввозимых энергоресурсов в 2000 г. против 44% в 2017 г.) [2, с. 154].

Такие же тенденции демонстрирует динамика показателей импорта и экспорта между странами (рис. 2).

На основании предоставленных данных можно сделать следующие выводы: экономическое партнерство с Россией сохраняет внешнеполитическую значимость для Словакии преимущественно за счет поставок энергоресурсов; кроме того, интенсивность экономического взаимодействия постепенно снижается (на 75% за 6 лет). В свою очередь, для России торговля со Словакией не является приоритетным направлением (доля Словакии составляет порядка 1% от внешнеэкономического оборота Российской Федерации).

Еще большему снижению интенсивности российско-словацкого сотрудничества может способствовать «антироссийский разворот» Словакии в 2020 г. Парламентские выборы 26 февраля 2020 г. в Словакии кардинально изменили внутриполитическую ситуацию в стране. Социал-демократическая партия SMER-SD, которая на протяжении многих лет формировала Национальный совет и внешнеполитический дискурс, заняла лишь второе место, набрав 18,3% при общей явке населения 66%. Победу с результатом 25% одержала проевропейская партия «Обыкновенные люди и независимые личности» (OĽaNO) во главе с одиозным политиком Игорем Матовичем. В итоге распределение 150 мест в парламенте выглядит следующим образом [6].

1. «Обыкновенные люди и независимые личности» (проевропейские социал-консерваторы) — 53 места.
2. «Направление — социальная демократия» (социал-демократы) — 38 мест.
3. «Мы семья» (словацкие националисты) — 17 мест.

¹ New Pipeline Project for Central and South-Eastern Europe // Eastring [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastring.eu/> (дата обращения: 29.03.2020).

² Глобальное присутствие // ТВЭЛ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tvel.ru/> (дата обращения: 29.03.2020).

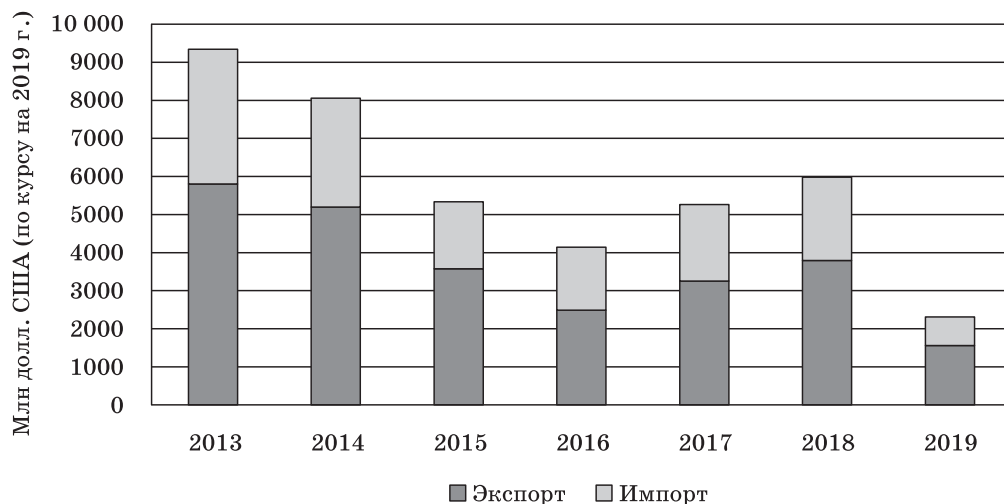

Рис. 2. Товарооборот между Россией и Словакией, 2013–2019 гг.

Fig. 2. Slovak-Russian bilateral trade, 2013–2019

Источник: World Integrated Trades Solution // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения: 29.03.2020).

4. «Народная партия — наша Словакия» (словацкие националисты-неофашисты) — 17 мест.
5. «Свобода и солидарность» (либералы-евроскептики) — 13 мест.
6. «За людей» (проевропейские консерваторы-либералы) — 12 мест.

Феноменальный успех оппозиционной OĽaNO стал реакцией словацкого общества на ситуацию в высших эшелонах власти. Поводом к массовым протестам стало резонансное убийство журналиста Яна Куцияка, проводившего расследования о крупных налоговых махинациях среди бизнесменов, аффилированных с правящей партией SMER-SD, и о связях итальянской преступной группировки «Ндрангета» со словацкими политиками [18, с. 2]. Дело получило широкую мировую огласку, и в результате в отставку были вынуждены уйти премьер-министр Фицо, глава МВД и еще ряд видных политических деятелей. Коррупциогенность политического истеблишмента стала главным пунктом внутренней повестки Словакии, на чем и сделал успешную ставку оппозиционный лидер И. Матович.

Для российско-словацких отношений камнем преткновения может стать другой, не менее важный аспект курса новой правящей партии — а именно, умеренная антироссийская риторика. В программе OĽaNO четко прописано следующее: «Мы поддерживаем продолжение санкций против Российской Федерации с целью мирного урегулирования конфликта с Украиной... Чисто экономический интерес не должен преобладать в стратегических вопросах внешней политики и политики безопасности, таких как отношения с Россией»¹. Таким образом, вновь подчеркивается стратегическая важность членства Словакии в Евросоюзе. С приходом нового правительства ряды пророссийских сторонников в парламенте заметно поредели — ни один из перечисленных выше словацких политиков, подвергающих под сомнение необходимость европейских санкций против РФ, не смог занять после выборов

¹ Программа партии «Обычные люди и независимые личности» // OBYČAJNÍ ĽUDIA a nezávislé osobnosti (OĽaNO) [Электронный ресурс]. URL: https://www.obycajniludia.sk/wp-content/uploads/2020/02/OĽANO_program_2020_FINAL_online.pdf (дата обращения: 12.03.2020).

какой-либо руководящий пост. Напротив, некоторые должности в кабинете министров уже заняли выдвиженцы из партии OĽaNO, в том числе ответственные за формирование внешней политики государства: министр внутренних дел (Р. Микунец), министр обороны (Я. Над), министр финансов (Э. Хегер), заместитель председателя Национального совета (Г. Грендель) и др¹. Если учесть, что 13 марта Матовичу удалось сформировать правящую коалицию вместе с партиями «За людей», «Свобода и солидарность» и «Мы семья» с большинством мест в парламенте, оставив сторонников диалога с Россией в меньшинстве, то перспектива сохранения прежнего влияния Москвы на Братиславу становится определенно утопичной.

В результате подобных внутривластных изменений можно допустить существование следующих вариантов развития взаимодействия России и Словакии на ближайшее десятилетие (табл. 2):

Таблица 2

Сценарии развития сотрудничества России и Словакии в 2020-е годы

Table 2. Variations of Russian-Slovak's cooperation evolution in 2020s

Характеристика	Экономический аспект	Политический аспект
1. Умеренно-оптимистичный	Торговое взаимодействие в сфере энергетики сохраняет позиции: Словакия подключается к проектам «Северный поток-2» и «Турецкий поток», продолжается использование нефтепровода «Дружба», приоритетность российского импорта вынуждает власти Словакии смягчать критичность политической риторики в отношении Москвы	Братислава в определенной степени продолжает линию прежнего правительства по лавированию между ЕС, НАТО и Москвой: продолжая режим санкций, не усугубляет текущее положение новыми ограничивающими пакетами. Продолжаются и укрепляются контакты на дипломатическом уровне
2. Нейтральный	Внешняя торговля с Россией постепенно стагнирует с тенденцией к снижению. Словакия делает акцент на реализации альтернативных проектов доставки жизненно необходимых энергоресурсов, отдавая предпочтение европейским партнерам	Словакия поддерживает формальные контакты с Москвой без перспектив на расширение сотрудничества. Более тесные контакты с НАТО и ЕС обеспечивают сохранение санкций и их возможное усиление
3. Пессимистичный	Словакия делает приоритетом переориентацию энергетического рынка и завершение своих проектов в сфере, чтобы до конца 2020-х гг. избавиться от ресурсной зависимости от России. «Северный поток-2» и «Турецкий поток» подвергаются жесткой критике, Братислава использует связи в ЕС для ограничения действия или блокировки газопроводов. Российско-словацкая торговля снижается до еще более незначительного уровня	Словакия ужесточает риторику в отношении России и присоединения Крыма, полностью переходя в лагерь сторонников ограничения РФ. Контакты снижаются до минимума, переходя к состоянию «заморозки»

¹ ZVOLENÍ POSLANCI DO NRSR // OBÝČAJNÍ LUDIA a nezávislé osobnosti (OĽANO) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.obycajniludia.sk/ludia/zvoleni-poslanci/> (дата обращения: 12.03.2020).

Заключение

Рассмотренные варианты развития двусторонних российско-словацких отношений позволяют констатировать следующее. Сценарий № 1 является максимально выгодным для России, хотя его вероятность в настоящий момент критически мала. Даже несмотря на тот факт, что новая правящая коалиция Словакии не выработала совместной программы действий, среди нового руководства нет желающих возвращаться к прежней динамичной политике. В краткосрочной перспективе наиболее реалистичным выглядит сценарий № 2, однако при отсутствии фундаментальных геополитических изменений на мировой арене вполне допустим его переход в самый нежелательный сценарий № 3. В любом случае, оставляя в стороне репутационные потери, текущие масштабы двустороннего взаимодействия между странами позволяют оценивать урон от возможного ухудшения отношений для России как достаточно незначительный.

Литература

1. Ведерников М. В. Подход к вишеградскому (центральноевропейскому) сотрудничеству: взгляд из России // Славянский мир: общность и многообразие. 2018. № 1. С. 142–146.
2. Куликова Н. В., Синицина И. С. Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2019. № 3 (88). С. 150–160.
3. Марушьяк Ю. Словакия и Россия: между национальными интересами и идентичностью // Современная Европа. 2017. № 7. С. 66–77.
4. Савельева М. А. Эволюция применения термина «Интерес» в теории международных отношений // Вестник МГИМО. 2011. № 1. С. 25–33.
5. Спишак М. Странники России среди словацких политиков: кто они? // Eastbook.eu: издание Фонда «Общая Европа». 2018. 29 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastbook.eu/ru/2018/10/29/spisak-representatives-of-the-russian-federation-or-the-slovak-republic/> (дата обращения: 26.03.2020).
6. Трухачев В. В. Антироссийский разворот Словакии — итоги выборов // Eurasia Daily: информационное агентство. 2020. 2 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/03/02/antrossiyskiy-razvorot-slovakii-itogi-vyborov> (дата обращения: 03.03.2020).
7. Трухачев В. В. Словакия в плену противоречий // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 2 (18). С. 76–89.
8. Шишелина Л. Н. Отношения России и стран Вишеграда на современном этапе // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2018. № 6. С. 7–13.
9. Birol F. Energy Policies of IEA Countries Slovak Republic 2018 Review // International Energy Agency (IEA) [Электронный ресурс]. URL: https://webstore.iea.org/download/direct/2378?fileName=Energy_Policies_of_IEA_Countries_Slovak_Republic_2018_Review.pdf (дата обращения: 27.03.2020).
10. Damarad V., Yeliseyeu A. Disinformation Resilience Index 2018 // Strategic Policy Institute (STRATPOL) [Электронный ресурс]. URL: https://stratpol.sk/wp-content/uploads/2018/06/DRI_CEE_2018.pdf (дата обращения: 27.03.2020).
11. Frantál B., Malý J. Close or renew? Factors affecting local community support for rebuilding nuclear power plants in the Czech Republic // Energy Policy. 2017. N 104. P. 134–143.
12. Franza L. From South Stream to Turk Stream. The Hague, 2015.
13. Gdovin S., Čaputová: Rusko je pre nás hrozbou. Harabin: Rusko predstavuje pod vedením Putina stabilizačný prvok vo svetovej politike a bezpečnosti // Hlavné Správy: словацкое интернет-издание. 2019. 13 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hlavnespravy.sk/caputova-rusko-je-pre-nas-hrozbou-harabin-rusko-predstavuje-pod-vedenim-putina-stabilizacny-prvok-vo-svetovej-politike-bezpecnosti/1696878> (дата обращения: 29.03.2020).
14. Högselius P. Red Gas: Russia and the origins of European Energy Dependence. London : Palgrave Macmillan, 2012.
15. Holienka M. Entrepreneurial Environment in Slovakia: Multi-Perspective Comparison with Innovation-Driven Economies // Procedia Economics and Finance. 2015. N 34. P. 437–444.
16. Huang C., Cha J. Russia and Putin receive low ratings globally // Pew Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (дата обращения: 19.03.2020).

17. Janda K., Málek J., Rečka L. Influence of renewable energy sources on transmission networks in Central Europe // *Energy Policy*. 2017. №108. P. 524–537.
18. Jávör B. Report on the ad hoc delegation to Slovakia (7–9 March 2018) // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/140001/Ad%20hoc%20delegation%20to%20Slovakia_report_20180313.pdf (дата обращения: 27.03.2020).
19. Jirušek M., Kuchyňková P. The conduct of Gazprom in central and eastern Europe: a tool of the Kremlin, or just an adaptable player? // *East European Politics and Societies*. 2018. N 32. P. 818–844.
20. Kandrik M., Jevčák M. Unprepared and vulnerable: The resilience of the Slovak republic to foreign, foremost Kremlin-led disinformation campaigns // Strategic Policy Institute (STRATPOL) [Электронный ресурс]. URL: <https://stratpol.sk/wp-content/uploads/2018/06/PP-DRI-Final.pdf> (дата обращения: 27.03.2020).
21. Kratochvíl P., Mišík M. Bad external actors and good nuclear energy: Media discourse on energy supplies in the Czech Republic and Slovakia // *Energy Policy*. N 136. P. 111058.
22. Kratochvíl P., Tichý L. EU and Russian discourse on energy relations // *Energy Policy*. 2013. N 56. P. 391–406.
23. Mišík M. *External Energy Security in the European Union. Small Member States: Perspective*. London : Routledge, 2019.
24. Romanova T. Sanctions and the future of EU–Russian economic relations // *Europe-Asia Studies* 2016. N 68. P. 774–796.
25. Rybář M., Deegan-Krause K. Slovakia's Communist successor parties in comparative perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. 2008. N 41 (4). P. 497–519.
26. Usiak J. Slovakia's perspectives on NATO // *Communist and Post-Communist Studies*. 2018. N 51. P. 125–137.

Об авторах:

Денисенко Виктория Анатольевна, доцент кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Российская Федерация), кандидат экономических наук; denisenko.va@dvfu.ru

Мальчушкин Николай Алексеевич, магистрант кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Российская Федерация); nikol-mal@mail.ru

References

1. Vedernikov M.V. Approach to Visigrad (Central European) cooperation: a look from Russia // *Slavic world: community and diversity* [Slavyanskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie]. 2018. N 1. P. 142–146. (In rus)
2. Kulikova N.V., Sinitsina I.S. Trade relations between Russia and the countries of Central-Eastern Europe // *Modern Europe* [Sovremennaya Evropa]. 2019. N 3 (88). P. 150–160. (In rus)
3. Marushyak Yu. Slovakia and Russia: between national interests and identity // *Modern Europe* [Sovremennaya Evropa]. 2017. N 7. P. 66–77. (In rus)
4. Savelyeva M.A. The evolution of the application of the term “Interest” in the theory of international relations // *MGIMO Bulletin* [Vestnik MGIMO]. 2011. N 1. P. 25–33. (In rus)
5. Spishak M. Supporters of Russia among Slovak politicians: who are they? [Electronic Resource] // *Eastbook.eu: Common Europe Foundation publication*. 2018. October 29. URL: <https://www.eastbook.eu/ru/2018/10/29/spisak-representatives-of-the-russian-federation-or-the-slovak-republic/> (date of address: 26.03.2020). (In rus)
6. Truchachev V.V. Slovakia's anti-Russian reversal — election results [Electronic resource] // *Eurasia Daily: news agency*. 2020. March 2. URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/03/02/antirossiyskiy-razvorot-slovakii-itogi-vyborov> (date of address: 03.03.2020). (In rus)
7. Trukhachev V.V. Slovakia in captivity contradictions // *Perspectives* [Perspektivy]. Electronic journal. 2019. N 2(18). P. 76–89. (In rus)
8. Shishelina L.N. Relations between Russia and the countries of Visigrad at the present stage // *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences* [Nauchno-analiticheskii Vestnik Instituta Evropy RAN]. 2018. N 6. P. 7–13. (In rus)

9. Birol F. Energy Policies of IEA Countries Slovak Republic 2018 Review // International Energy Agency (IEA) [Электронный ресурс]. URL: https://webstore.iea.org/download/direct/2378?fileName=Energy_Policies_of_IEA_Countries_Slovak_Republic_2018_Review.pdf (дата обращения: 27.03.2020).
10. Damarad V., Yeliseyeu A. Disinformation Resilience Index 2018 // Strategic Policy Institute (STRATPOL) [Электронный ресурс]. URL: https://stratpol.sk/wp-content/uploads/2018/06/DRI_CEE_2018.pdf (дата обращения: 27.03.2020).
11. Frantál B., Malý J. Close or renew? Factors affecting local community support for rebuilding nuclear power plants in the Czech Republic // Energy Policy. 2017. N 104. P. 134–143.
12. Franza L. From South Stream to Turk Stream. The Hague, 2015.
13. Gdovin S. Čaputová: Rusko je pre nás hrozbou. Harabin: Rusko predstavuje pod vedením Putina stabilizačný prvok vo svetovej politike a bezpečnosti // Hlavné Správy: словацкое интернет-издание. 2019. 13 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hlavnespravy.sk/caputova-rusko-je-pre-nas-hrozbou-harabin-rusko-predstavuje-pod-vedenim-putina-stabilizacny-prvok-vo-svetovej-politike-bezpecnosti/1696878> (дата обращения: 29.03.2020).
14. Högselius P. Red Gas: Russia and the origins of European Energy Dependence. London : Palgrave Macmillan, 2012.
15. Holienka M. Entrepreneurial Environment in Slovakia: Multi-Perspective Comparison with Innovation-Driven Economies // Procedia Economics and Finance. 2015. N 34. P. 437–444.
16. Huang C., Cha J. Russia and Putin receive low ratings globally // Pew Research Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (дата обращения: 19.03.2020).
17. Janda K., Málek J., Rečka L. Influence of renewable energy sources on transmission networks in Central Europe // Energy Policy. 2017. №108. P. 524–537.
18. Jávör B. Report on the ad hoc delegation to Slovakia (7–9 March 2018) // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/140001/Ad%20hoc%20delegation%20to%20Slovakia_report_20180313.pdf (дата обращения: 27.03.2020).
19. Jirušek M., Kuchyňková P. The conduct of Gazprom in central and eastern Europe: a tool of the Kremlin, or just an adaptable player? // East European Politics and Societies. 2018. N 32. P. 818–844.
20. Kandrik M., Jevčák M. Unprepared and vulnerable: The resilience of the Slovak republic to foreign, foremost Kremlin-led disinformation campaigns // Strategic Policy Institute (STRATPOL) [Электронный ресурс]. URL: <https://stratpol.sk/wp-content/uploads/2018/06/PP-DRI-Final.pdf> (дата обращения: 27.03.2020).
21. Kratochvíl P., Mišík M. Bad external actors and good nuclear energy: Media discourse on energy supplies in the Czech Republic and Slovakia // Energy Policy. N 136. P. 111058.
22. Kratochvíl P., Tichý L. EU and Russian discourse on energy relations // Energy Policy. 2013. N 56. P. 391–406.
23. Mišík M. External Energy Security in the European Union. Small Member States' Perspective. London : Routledge, 2019.
24. Romanova T. Sanctions and the future of EU–Russian economic relations // Europe-Asia Studies 2016. N 68. P. 774–796.
25. Rybář M., Deegan-Krause K. Slovakia's Communist successor parties in comparative perspective // Communist and Post-Communist Studies. 2008. N 41 (4). P. 497–519.
26. Ušiak J. Slovakia's perspectives on NATO // Communist and Post-Communist Studies. 2018. N 51. P. 125–137.

About the authors:

Viktor A. Denisenko, Associate Professor of Chair of International Relations of Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation), PhD in Economics; denisenko.va@dvfu.ru

Nikolay A. Malchushkin, Master Student of Chair of International Relations of Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation); nikol-mal@mail.ru

Экономическая теория рекламы: направления формирования

Вартанов С. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; sergvart@gmail.com

РЕФЕРАТ

Одним из ключевых инструментов, которые традиционно используются при решении задач медиастратегирования, является рекламное воздействие. Влияние рекламы как института на протекающие в экономике процессы значительно и весьма разнообразно, что ставит перед медиастратегами вопрос систематизации и классификации как самих типов такого воздействия, так и экономических теорий, изучающих его. Исследованию данного вопроса посвящена настоящая работа: приведены наиболее значимые подходы к всестороннему изучению рекламы на различных сроках планирования (от мгновенного до долгосрочно-стратегического). Систематизированы модели рекламной деятельности различных субъектов рынка, в частности, рекламной деятельности фирм, влияния рекламы на потребителей и на характеристики экономического равновесия. Рассмотрены убеждающая и информативная функции рекламы, сопоставлены визуальные и текстовые ее варианты, обсуждаются основные положения когнитивного и поведенческого подходов к анализу воздействия рекламы на формирование потребительского спроса. Описаны основные модели экономического равновесия, учитывающие рекламные воздействия при разной структуре рынка, а также двусторонние модели рынков медиа. Отмечено, что наименее разработанным на данный момент является анализ поведения и влияния на рынок фирм, специализирующихся на формировании и распространении рекламы и медиаконтента; в связи с этим для дальнейшего исследования предложена идея построения моделей рынка нового типа, включающая три типа участников — потребители, медиафирмы и фирмы — производители экономических благ.

Ключевые слова: медиастратегирование, экономика рекламы, поведение потребителя, модели рекламной динамики, несовершенная конкуренция, медиарекламный рынок

Для цитирования: Вартанов С. А. Экономическая теория рекламы: направления формирования // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 157–174.

The Economic Theory of Advertising: The Directions of Formation

Sergey A. Vartanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; sergvart@gmail.com

ABSTRACT

One of the key tools that are traditionally used in solving media strategizing problems is advertising. The impacts of advertising on the processes taking place in the economy are significant and remarkably diverse, thus raising a big question to the media strategists to systematize and classify both the types of such impacts and the economic theories that study it. This work is devoted to the study of this issue: the most significant approaches to a comprehensive study of advertising at various planning periods (from instant to long-term strategic) are presented. We analyze the informative and persuasive functions of advertisement, compare the influence of its visual and textual forms and discuss key points of cognitive and behavior approaches to understand how advertisement affects the consumers' demand. We describe basic models of economic equilibrium, which take the advertisement influence on different market structures into account, as well as two-sided models of media markets. It is shown that the less developed field of the economics of advertising is behavior and market influence analysis of the firms whose specialization is creating and distributing media content and advertisement. Due to this, we introduce the way to construct a new class of market models involving three types of economic agents — consumers, media firms and economic goods producers.

Keywords: media strategizing, economics of advertisement, consumer behavior, advertising dynamics, imperfect competition, media markets

Для цитирования: Vartanov S. A. The Economic Theory of Advertising: The Directions of Formation // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 157–174.

1. Введение

При решении любых задач стратегирования невозможно переоценить значимость глобального информационного контекста, в котором находятся все заинтересованные стороны: стратегируемый объект, его конкуренты, возможные выгодоприобретатели и клиенты, да и сам стратег. В широком смысле, этот глобальный информационный контекст и есть Ноосфера академика Вернадского — пространство мыслей и идей [5]. Однако в более узком смысле можно понимать под информационным контекстом принятия любых решений совокупность всей информации, получаемой лицом, принимающим решения, из медиаисточников. С этой точки зрения, пространство медиа как часть Ноосферы является неотъемлемым измерением, в котором происходит процесс стратегического мышления. В определенном смысле, его можно считать суб-измерением Пространства как одной из Трех осей стратегического мышления [31].

Безусловно, стремительная трансформация медиа под влиянием цифровизации изменила многие принципы функционирования медиа не только как индустрии, но и как наиболее явно проявленной части глобального информационного контекста. Однако несмотря на эту трансформацию, ключевым инструментом манипулирования информационным контекстом (и, следовательно, при решении общей задачи стратегирования) по-прежнему остается реклама.

Существующая теоретическая литература, посвященная исследованию и моделированию рынков с возможностью рекламного воздействия, может быть условно разделена на три основных направления. Эти направления связаны с базовыми вопросами экономической теории рекламы, посвященными ее влиянию на субъекты рынка, свойства рыночного равновесия и структуру рынка в целом. Первое направление основано на вопросах, касающихся оценки влияния рекламы на поведение потребителей: как меняется способ принятия экономических решений и к каким изменениям в спросе он приводит. Вопросы, анализируемые в работах второго направления, связаны с поведением рекламодателей — фирм и посредников: что можно считать «рекламной стратегией фирмы», как эти стратегии позволяют фирме «управлять» спросом и какие из них можно считать оптимальными в зависимости от особенностей товара, возможностей фирмы и т. п. Третья группа вопросов связана с влиянием рекламы как экономического института на рыночное равновесие: выигрывает ли общество от появления в руках фирм рекламных инструментов, какие участники рынка выигрывают, а какие проигрывают из-за этого.

Настоящая статья имеет следующую структуру. В разделе 2 обсуждается воздействие рекламы на поведение потребителя. Раздел 3 посвящен воздействию рекламы на поведение производителя. В разделе 4 обсуждаются свойства равновесий для рынков с возможностью рекламы и роль рекламы с точки зрения общественного благосостояния. Раздел 5 кратко подводит итоги проведенного обзора и подводит к формулировке трехсторонней модели медиарынка.

2. Влияние рекламы на поведение потребителя

В качестве основного инструмента воздействия на потребителей, не связанного с производством товара и определением его характеристик, реклама имеет две основных функции [20], в соответствии с которыми выделяются два базовых взгля-

да на рекламу: информативный и убеждающий. Информативный взгляд основан на предположении неполноты информации о рынке у большинства потребителей, так как поиск данных о существовании отдельных товаров и их характеристик связан с существенными затратами. Убеждающий взгляд основан на предположении, что реклама изменяет вкусы потребителя, в краткосрочной перспективе усиливая дифференциацию продукта, а в долгосрочной перспективе — создавая лояльность к производителям и брендам и престижность потребления.

Модели поведения потребителя, учитывающие влияние рекламы на его предпочтения и информированность, строятся на идеях и концепциях качественных теорий двух классов: коммуникологических и поведенческо-когнитивных. Коммуникологические теории влияния рекламы на выбор потребителя трактуют ее как процесс коммуникации между потребителем и рекламодателем, где в ответ на информацию, посылаемую вторым, первый отвечает возможной покупкой товара. Психологические механизмы влияния рекламы описываются когнитивными и поведенческими теориями, отвечающими на вопрос: как потребитель воспринимает и запоминает рекламные сообщения различного типа.

2.1. Когнитивные и поведенческие теории влияния рекламы на потребителя

Одним из базовых источников изменений в потребительском поведении является рекламная коммуникация — особый вид социальных массовых коммуникаций, основанный на передаче информации о рекламируемом товаре. Коммуникатором в нем выступает фирма-рекламодатель, а реципиентами являются конечные потребители. Процесс рекламной коммуникации представляется как последовательность эффектов, изменяющих поведение потребителя (например, известная модель AIDA — «attention-interest-desire-action», см., например, [46]). Восприятие потребителем рекламы зависит от деталей и особенностей конкретных рекламных сообщений (роликов, изображений, слоганов и т. д.). Ключевым вопросом является то, какие когнитивные и поведенческие эффекты вызывает просмотр рекламы потребителем, и как эти эффекты изменяют его отношение к рекламируемому товару. Так, в теории Двух компонент Митчелла [37] предполагается, что потребитель может сформировать представления об их ожидаемых значениях за счет рекламной информации. Отношение к рекламе (как к отдельным рекламным сообщениям, с которыми он сталкивается, так и к способу коммуникации между ним и производителем в целом) и ожидаемые характеристики товара оказывают независимое воздействие на предпочтения потребителя [36]. Визуальные элементы в рекламе оказывают двойное влияние на готовность платить за товар. Во-первых, изображение товара в рекламе может формировать определенные умозаключения о товаре, что приведет к формированию/изменению ожиданий потребителя от товара. Например, фотография заката на рекламном постере формирует представление о более ярком цвете рекламируемого товара, чем в реальности, что повышает их готовность платить [36]. С другой стороны, оценка потребителем изображения формирует отношение потребителя ко всему рекламному сообщению в целом, что также влияет на готовность платить и, соответственно, резервную цену потребителя (если не нравится реклама, то резервная цена снизится, и наоборот). Вербальные элементы рекламы воздействуют на отношение к товару и к рекламе сходным образом, причем их «сонаправленность» с воздействием визуальных образов приводит к синергетическому эффекту, повышая эффективность и тех, и других.

Как именно потребитель воспринимает и запоминает информацию, описывают психологические теории: теория двойного кодирования [42; 43] и ELM-теория [44]. Теория двойного кодирования предполагает наличие двух систем представления получаемой извне информации: системы образных репрезентаций и системы вер-

бальных репрезентаций. Каждая система специализируется для обработки информации определенного типа и имеет специфические входы и единицы репрезентации. Если при запоминании работают обе системы, процесс когнитивной обработки осуществляется эффективней. Это объясняет высокую эффективность мультимедийной рекламы, например, состоящей из аудиовизуальных образов с коротким слоганом. В ELM-теории постулируется существование центрального и периферийного путей обработки любого убеждающего сообщения (в том числе, рекламного). Центральный путь основан на обработке аргументированных и логических элементов сообщения (цифры, факты). Обработка информации по центральному пути требует значительных когнитивных усилий и достаточно широких знаний в области, связанной с рекламируемым товаром. Для периферийного пути аргументы не имеют значения; вместо этого используются «периферийные подсказки», стимулирующие принятие убеждающего сообщения без серьезного осмысления: апелляция к авторитетам (например, использование в рекламе зубной пасты плашки «Одобрено ассоциацией стоматологов»), апелляция к массовости («Миллионы потребителей уже выбрали нашу марку» [38]) и т. п.

2.2. Проблема краткосрочности рекламных эффектов

С помощью ориентированной на центральный путь восприятия рекламы производители могут формировать у потребителя представление о характеристиках своей продукции до момента потребления [35; 40]. Возникающий эффект может оказаться долгосрочным: получив информацию о товаре, потребитель может помнить ее очень долго. В этом случае реклама предоставляет информацию, сходную с той, что получается при потреблении товара. Долгосрочность информирующего эффекта, как и устойчивость опыта потребления в памяти зависят от характеристик товара: из них в наибольшей степени забыванию подвержены сложно измеримые и носящие оценочный характер (вкус, эмоциональные впечатления и т. п.) Более того, показ рекламы после потребления может изменить информацию о товаре, которая сформировалась в результате этого потребления, вплоть до полной подмены: потребители «вспоминают» фигурировавшие в рекламе характеристики товара как истинные [34]. Аналогичное исчезновение рекламного эффекта со временем справедливо не только для информирующего, но и для убеждающего воздействия. Ряд эмпирических исследований показывает, что для некоторых товаров убеждающие эффекты стремительно ослабевают со временем [14; 26; 28]. Предельный срок запоминания рекламы определяется ее свойствами, в частности, особенностями каналов ее доставки потребителю [27], вербальными и визуальными особенностями [52], размерами рекламного сообщения [45], а также частотой размещения [24; 56].

«Срок жизни» рекламного убеждения зависит от того, на какой убеждающий эффект она рассчитана. Агрессивные рекламные кампании в духе «Купи или проиграешь» оказывают в основном краткосрочный эффект, приводящий к быстрой покупке товара, и быстро пропадающий после нее. Чтобы потребитель не забывал о существовании товара, а необходимые эффекты рекламного воздействия на его поведение закреплялись, это воздействие необходимо повторять. Однако частое или слишком интенсивное повторение рекламных сообщений, особенно одинаковых, может привести к обратному эффекту: потребителя может начать раздражать подобное воздействие [21]. Сочетание этих эффектов приводит к тому, что успешная рекламная кампания должна носить пульсирующий характер: периоды интенсивной рекламы должны сменяться периодами «тишины». Реклама, формирующая престиж потребления товара, может не приводить к мгновенной покупке, так как процесс ее воздействия носит накопительный характер и во многом ориентирован не только на периферийный путь восприятия потребителя, но и на центральный — по-

добно информативному воздействию. Возникающий при этом эффект престижа носит долгосрочный характер и сохраняется в течение длительного срока после завершения проведения рекламной кампании. Таким образом, в долгосрочном периоде принципиальный характер носят различия не только между убеждающей и информативной рекламой, но и между двумя видами убеждающей — основанной на эффекте престижа и на эффекте мгновенного убеждения.

2.3. Утилитаристский подход к анализу рекламного воздействия: модель поведения потребителя

Дальнейшим развитием качественных представлений о поведении потребителя являются модели, учитывающие количественные эффекты этого влияния на его спрос. Они описывают изменение предпочтений потребителя в результате воздействия убеждающей и информирующей рекламы. Эти модели основаны на «утилитаристском» понимании влияния рекламы: рекламное воздействие, с которым сталкивается потребитель, является таким же аргументом его функции полезности, как и характеристики выбираемого товара. В общем случае убеждающее воздействие меняет предпочтения потребителя так, что он предпочитает рекламируемый товар большему количеству альтернатив, чем в отсутствие воздействия. В большинстве работ, содержащих анализ подобных моделей, они не рассматриваются *per se*, а используются для получения функций совокупного спроса, используемых далее при исследовании рыночного равновесия. В качестве параметров рекламного воздействия рассматриваются вложения в рекламу каждого из изучаемых товаров. Это может показаться контринтуитивным, так как отдельный потребитель, как правило, не в состоянии получить информацию о затратах на продвижение товара, рекламу которого он видит. В то же время, предпочтения потребителя и его индивидуальный спрос зависят от интенсивности рекламы — т.е. частоты его контактов с ней. При рассмотрении репрезентативного потребителя частота контактов индивидуальных потребителей эквивалентна доле потребителей, имевших контакт с рекламой. Как правило, рекламный посредник при формировании цены за размещение рекламы основывается на ее аудитории, иными словами, на доле потребителей, вступающих с ней в контакт. Таким образом, затраты на рекламу товара определяют интенсивность рекламного воздействия и наоборот. Следовательно, при оценке влияния рекламы на общий спрос в качестве базового параметра, описывающего воздействие рекламы на репрезентативного потребителя, использование затрат на рекламу является оправданным.

Информативные эффекты не оказывают воздействие на структуру предпочтений потребителей, лишь уменьшают неопределенность относительно неизвестных характеристик товаров и их существования. Рассмотрим рынок одного товара с N одинаковыми потребителями, для каждого из которых его предпочтения порождают спрос вида $q(p)$, совокупный спрос обозначим как $D_p(p) = N \cdot q(p)$. Пусть изначально потребители находятся в неведении относительно товара, и единственным способом узнать о нем для них является реклама. Если потребитель не знает о товаре, то он его не покупает, если же он о нем услышит, то предъявляет на него спрос в объеме $q(p)$. Пусть стратегия производителя определяется уровнем затрат A на рассылку потребителям информационных сообщений, при этом уровне затрат каждый потребитель сталкивается с рекламой с вероятностью $f(A)$, возрастающей по A . Ожидаемое значение спроса, который он предъявляет на товар, составляет $f(A)q(p)$, а ожидаемое значение общего спроса всех потребителей примет вид:

$$D(p, A) = f(A)D_p(p). \quad (1)$$

Из полученного вида совокупного спроса следует важное свойство информативной рекламы: ценовая эластичность совокупного спроса не зависит от затрат на нее [13].

Модель влияния убеждающей рекламы на спрос в общем виде была рассмотрена Бэгвеллом [9] и Моттой [39]. В ее основе лежит предположение об изменении готовности платить за товар, восходящее к Фридману [19]: максимальная цена, которую потребитель готов заплатить за единицу товара, оказывается выше, чем при отсутствии рекламы. Потребители готовы купить ровно единицу товара и характеризуются резервной ценой θ — максимальной, которую они готовы заплатить за эту единицу. Функция распределения потребителей по параметру θ равна $F(\theta)$. Под воздействием рекламного убеждения потребитель с резервной ценой θ готов покупать единицу товара по цене $g(A)\theta$ ($g(0) = 1$, $g'(\cdot) > 0$).

Тогда по цене p готовы купить товар те потребители, у кого $g(A)\theta \geq p$ или $\theta \geq \frac{p}{g(A)}$.

Если «дорекламный» спрос определяется линейной функцией $D(p, 0) = 1 - F(p)$, то в условиях рекламного воздействия он примет вид $D(p, A) = 1 - F(p/g(A))$. Ценовая эластичность спроса в этом случае зависит от уровня рекламы: чем интенсивнее продвигается какой-либо товар, тем менее эластичным по цене становится спрос на него.

К уменьшению ценовой эластичности спроса приводит убеждающее воздействие и в случае более чем одного товара. Пусть на рынке есть два товара, полезность репрезентативного потребителя от потребления которых имеет квадратичный вид:

$$U = y + (\bar{a} + I_1 + eI_2)q_1 + (\bar{a} + I_2 + eI_1)q_2 - \frac{b}{2}(q_1^2 + q_2^2) - g \cdot q_1q_2,$$

где $\bar{a} > 0$, $b > g > 0$, $e \in [-1, 1]$, q_i , $i = 1, 2$ — потребление товара i , I_i — вложения в рекламу этого товара, а y — numeraire-благо, интерпретируемое как деньги. Задача потребителя приобретает вид (R — доход потребителя):

$$U(y, q_1, q_2) \rightarrow \max_{y, q_1, q_2} \\ y + p_1q_1 + p_2q_2 \leq R. \quad (2)$$

Этой задаче соответствуют линейные функции спроса на товар i вида

$$q_i = \frac{a_i b - a_j g - b p_i + g p_j}{b^2 - g^2},$$

где $a_i = \bar{a} + I_i + eI_j$; $i, j = 1, 2$, $i \neq j$ — максимальная цена за товар i , которую готовы заплатить за товар потребители, т. е. резервная цена [30; 39]. В зависимости от знака показателя e реклама товара i может как увеличивать резервную цену на другой товар ($e > 0$), так и уменьшать ($e < 0$), оказывая, таким образом, негативное воздействие. Эластичность спроса на товар по «своей» цене при рассматриваемой функции полезности, как и в более простом случае, убывает с увеличением интенсивности рекламы:

$$\frac{\partial \epsilon_i}{\partial I_i} = -\frac{b(b - eg)p_i}{q_i^2} < 0.$$

Влияние рекламного воздействия на ценовую эластичность товара-субститута носит более сложный характер. Если реклама одного товара является одновременно и антирекламой второго, то рост ее интенсивности повышает ценовую эластичность спроса на второй товар. Если же реклама товара i носит конструктивный характер (повышает привлекательность обоих товаров для потребителя), то ее

воздействие на спрос на товар j определяется «силой» этой конструктивности. Если показатель e выше порогового значения g/b , то эффект аналогичен воздействию «собственной» рекламы: ценовая эластичность спроса на товар j уменьшается при увеличении интенсивности рекламы, в противном случае — увеличивается.

3. Рекламные стратегии фирм

Как уже говорилось в разделе 2.3, совокупный спрос потребителей зависит от интенсивности рекламного воздействия, определяемого в значительной мере затратами фирмы на рекламу своего товара, а также структурой их распределения по различным типам рекламы и медиаканалам. Это ставит перед исследователями вопрос о том, что можно считать рекламной стратегией фирмы. В наиболее широком смысле рекламная стратегия фирмы есть часть общей стратегии компании, согласно определению В. Л. Квинта [31]. В практическом смысле под рекламной стратегией фирмы понимается совокупность таких элементов и действий, как определение целевой аудитории (ЦА), разработка концепции рекламируемого товара, дифференцирование и позиционирование товара, доносимые рекламными сообщениями до ЦА смысл и акценты на характеристиках товара, медиаплан, распределение рекламного давления [2].

С точки зрения микроэкономики, стратегия фирмы помимо рекламы может включать в себя и другие компоненты, например, цену или объем производимой продукции [32]. Задача фирмы в такой постановке представляет собой задачу максимизации прибыли за счет выбора общей стратегии, состоящей из рекламных и нерекламных компонент, и родственную задачам медиапланирования [25]. В зависимости от длительности эффекта рекламного воздействия, типа и долгосрочности потребления товаров, в качестве целевой функции для фирм рассматривается либо краткосрочная прибыль, либо приведенная прибыль за все время планирования. Краткосрочная прибыль рекламирующей фирмы имеет вид

$$\pi_i(\mathbf{p}; \mathbf{A}; Z) = p_i \cdot D_i(\mathbf{p}; \mathbf{A}; Z) - C_i(D_i(\mathbf{p}; \mathbf{A}; Z)) - \varphi_i(A_i) \rightarrow \max_{p_i, A_i}, \quad (3)$$

где $\mathbf{p} = (p_i, p_{-i})$ — вектор цен на товары (p_i — управляемая фирмой цена на ее товар, p_{-i} — цены на товары конкурентов), $\mathbf{A} = (A_i, A_{-i})$ — совокупность рекламных стратегий производителей (A_i — стратегия самой фирмы, A_{-i} — стратегии конкурентов), $C_i(\cdot)$ — функция полных затрат фирмы i , $\varphi_i(\cdot)$ — функция рекламных затрат в зависимости от выбранной стратегии A_i (так, если в качестве стратегии выступает объем расходов на рекламу, то $\varphi_i(x) \equiv x$), $D(\cdot)$ — функция спроса, а Z — вектор параметров рынка, неподконтрольных фирмам.

Если рекламное воздействие носит долгосрочный характер, реклама, сделанная в прошлые периоды, влияет на предпочтения потребителей и в последующие периоды. В этом случае каждая фирма максимизирует интегральный функционал вида

$$J_i(\mathbf{p}(\cdot), \mathbf{A}(\cdot)) = \int_0^T \{p_i(t) \cdot S_i(t) - C_i(S_i(t)) - \phi_i(A_i(t))\} e^{-\delta t} dt \rightarrow \max_{\mathbf{p}(\cdot), \mathbf{A}(\cdot)}, \quad (4)$$

где $p_i(t)$ — мгновенное значение цены на товар фирмы i , $A_i(t)$ — ее рекламная стратегия в момент времени t , а $S_i(t)$ — мгновенное значение продаж товара фирмы i , динамика которого зависит от стратегий фирм (рекламной и, возможно, ценовой) и текущего состояния рынка:

$$\dot{S}_i(t) = f_i(S(t), \mathbf{p}(t), \mathbf{A}(t), Z(t))$$

$$S_i(0) = S_0.$$

Свойства и вид функции f_i определяются особенностями влияния рекламы на совокупный спрос потребителей. Например, весьма простой вид она имеет в случае краткосрочного рекламного убеждения $f(A, S) = rA(1 - S) - \lambda S$ (модель Видала — Вольфа [53]). В других случаях ее вид более сложный, вплоть до того, что бывает удобнее записывать динамику доли в виде не одного, а системы уравнений (например, в случае модели Нерлова — Эрроу [41]).

Если на целевую функцию фирмы влияют стратегии ее конкурентов, то модель рынка приобретает теоретико-игровой характер и может быть представлена игрой в нормальной форме, в которой игроками выступают рекламирующие фирмы. В краткосрочном случае множествами их стратегий являются множества допустимых значений (p_i, A_i) , вид которых зависит от предположений об их производственных и маркетинговых возможностях, а функциями выигрыша — прибыли $\pi_i(\mathbf{p}, \mathbf{A}, Z)$. Равновесия Нэша в этой игре соответствуют равновесию на изучаемом рынке с рекламой. Если же на рынке действуют долгосрочные эффекты рекламного воздействия, то его модель основана на дифференциальной игре. В ней стратегиями фирм являются векторы управления вида $(p_i(t), A_i(t))$, если фирмы выбирают свои стратегии до начала игры и не могут корректировать их в зависимости от ситуации на рынке, или $(p_i(t, S), A_i(t, S))$ в противном случае. Максимизируемыми критериями в такой дифференциальной игре являются приведенные прибыли вида $J_i(\mathbf{p}(\cdot), \mathbf{A}(\cdot))$. В зависимости от того, какой вид имеют управляющие векторы фирм, рассматривается равновесие в программной форме либо равновесие в форме Маркова.

3.1. Поведение рекламирующего производителя в коротком периоде

Когда фирма понимает, как ее рекламные затраты сказываются на совокупном спросе, она получает возможность планировать одновременно и ценовую, и рекламную стратегию для максимизации совокупной прибыли. Поведение ее описывается моделью Дорфмана — Штейнера [17], в которой реакция потребителей на рекламные затраты учитывается в функции спроса вида $D(p, A): D'_p < 0, D'_A > 0$. Максимальная прибыль $\Pi(p, A) = pD(p, A) - C(D(p, A)) - A$ фирмы достигается, когда отношение рекламных затрат и выручки равно отношению рекламной и ценовой эластичностей спроса:

$$\frac{A}{pD(p, A)} = \left| \frac{\varepsilon_A}{\varepsilon_p} \right|. \quad (5)$$

Оптимальная цена товара, которую назначает рекламирующая фирма, определяется из условия первого порядка $\Pi'_p = 0$. Из него можно получить оценку изменения оптимальной цены в зависимости от уровня рекламы: $p'(A) = -\frac{\Pi''_{pA}}{\Pi''_{pp}}$, и так как

для оптимальной цены $\Pi''_{pp} < 0$, то направление роста оптимальной цены как функ-

ции от уровня рекламы определяется знаком второй производной Π''_{pA} . Этот знак существенно зависит от реакции спроса на рекламу и от технологии производства. Рассмотрим приведенные ранее модели влияния информативной и убеждающей рекламы. Для информативного случая подстановка функции спроса (1) в (5) дает условие $\text{sign}(p'(A)) = \text{sign}(C''(\cdot))$: появление рекламных инструментов в руках фирмы приводит к росту цены товара, если функция ее полных затрат выпукла. Иначе же оптимальная цена оказывается даже меньше, чем в ex ante случае. Что касается убеждающей рекламы, то она всегда повышает цену товара, назначаемую фирмой. Данный результат продолжает цепочку рассуждений, начатую в разделе 2.3: если

готовность потребителя платить за фиксированный объем товара повышается, то для фирмы окажется более выгодным увеличить назначаемую цену, сохраняя объем неизменным. Такое увеличение выгодно до тех пор, пока прирост выручки от увеличения цены при сохранении объема товара не сравняется с затратами на рекламу.

3.2. Краткосрочные и долгосрочные рекламные стратегии производителя

В долгосрочном периоде реакция потребителей на поведение рекламирующей фирмы отличается в зависимости от того, какой механизм рекламного убеждения она использует. Краткосрочному убеждению соответствует группа моделей Видаля — Вольфа (модели реакции на рекламу), описывающих динамику спроса для убеждения с мгновенной потребительской реакцией [4; 6; 53]. Долгосрочному убеждению, основанному на построении престижа товара, соответствует группа моделей Нерлова — Эрроу (модели рекламного капитала [12; 20; 41]).

Начнем рассмотрение с модели поведения фирмы, осуществляющей краткосрочное рекламное убеждение. Для динамики рыночной доли такой фирмы эмпирически обнаружены следующие особенности [53]: в условиях отсутствия рекламы доля фирмы со временем снижается, для каждого типа товаров существует порог рыночного насыщения, а проведение рекламной кампании мгновенно повышает продажи фирмы. Согласно модели Видаля — Вольфа, в каждый момент времени t реклама привлекает долю $rA(t)$ новых потребителей из числа не покупающих товар (общая доля таких потребителей $1 - S(t)$), одновременно с этим фиксированная доля потребителей λ перестает его покупать. Динамика доли рекламирующей фирмы описывается уравнением:

$$\dot{S}(t) = rA(t)(1 - S(t)) - \lambda S(t), \quad (6)$$

где $A(t)$ характеризует уровень затрат на рекламу в момент t . Задача фирмы состоит в максимизации приведенной прибыли за счет выбора управляющей функции $A(t)$ при условии, что динамика ее продаж описывается уравнением (6). Решение возникающей оптимизационной задачи основано на принципе максимума Понтрягина, и в аналитической форме можно получить общий вид для оптимальной функции рекламных затрат, которые имеют кусочно-постоянный вид — именно такой вид имеют широко распространенные на практике пульсирующие рекламные кампании [49]. Качественный вывод из этого результата состоит в том, что для рекламы с краткосрочным убеждающим воздействием наиболее эффективным способом управления рекламной кампанией является чередование периодов интенсивного продвижения товара и периодов тишины.

Если в дополнение к рекламе возможна коммуникация между потребителями, то мгновенное убеждение усиливается эффектом «сарафанного радио» (word-of-mouth effect): часть потребителей, находясь под убеждающим воздействием, не только покупает товар, но и рассказывает о нем определенному количеству других потребителей, «транслируя» на них воздействие рекламы. Предельная эффективность коммуникации между потребителями падает с увеличением рыночной доли фирмы (чем больше людей уже купило товар, тем менее целесообразно кому-либо о нем рассказывать), поэтому для нее в дифференциальном уравнении доли фирмы линейный множитель $(1 - S(t))$ заменяется на вогнутый $\sqrt{1 - S(t)}$ [49]. Для

этой модели оптимальные затраты на рекламу товара являются монотонной функцией от времени, асимптотически сходящейся к стационарному значению $\bar{u}$. Направление возрастания оптимальных затрат зависит от соотношения начальной x_0 и оптимальной $\bar{x}$ рыночной долей фирмы. Если начальная доля меньше оптимальной, то в начальные моменты времени фирма должна вкладывать в рекламу зна-

чительные средства, при этом ее рыночная доля ниже оптимальной. С течением времени доля приближается к оптимальной, а затраты на рекламу уменьшаются. Если же изначально доля фирмы была выше оптимальной, рекламные затраты невысокие — фирма сознательно дает части рынка «забыть» свой товар, опуская свою долю на оптимальный уровень.

Поведение производителей, продвижение товара которых основано на долгосрочном убеждении и создании престижа потребления, описывают модели Нерлова — Эрроу. Базовой концепцией в таких моделях является рекламный гудвилл — нематериальная характеристика товара, запас которой представляет собой совокупность всего рекламного воздействия, совершенного фирмой к текущему моменту с учетом постепенного забывания. Сам гудвилл обладает свойствами капитального блага, что роднит его с распространенным в макроэкономической литературе понятием капитала бренда [10; 54]. Спрос на товар определяется как $q = f(A, p, Z)$, где A — запас гудвилла, p — цена на товар, а Z — значение прочих факторов. Эти переменные, вообще говоря, зависят от времени. В каждый момент t изменение $\dot{A}(t)$ запаса гудвилла представляет собой разность текущих вложений $a(t)$ в рекламу и величины $\delta A(t)$ его обесценивания:

$$\begin{cases} \dot{A}(t) = a(t) - \delta A(t) \\ A(0) = A_0 \end{cases}.$$

Прибыль фирмы в момент t равна $\pi(t) = p(t) \cdot f(p(t), A(t), Z(t)) - c(f(p(t), A(t), Z(t))) - a(t)$, где $c(\cdot)$ — функция ее полных затрат. Оптимальная рекламная стратегия, максимизирующая приведенную прибыль, связана с поддержанием гудвилла на постоянном уровне, определяемому согласно условию (5). Так, если запас гудвилла «на старте» меньше оптимального, то фирме стоит подождать и не продвигать товар до тех пор, пока запас гудвилла не опустится до оптимального значения, после чего с помощью постоянных вложений поддерживать его на этом уровне. Если же запас ниже оптимального, то фирме стоит произвести максимального возможного «вливание» средств в рекламу в кратчайший период после начального момента времени, доведя запас гудвилла до оптимального, после чего поддерживать этот уровень постоянным. В случае динамически изменяющейся ситуации на рынке оптимальное поведение фирмы имеет аналогичный вид: фирма должна приводить запас гудвилла к оптимальному для данных условий значению в кратчайшие сроки, после чего поддерживать это значение с учетом изменения параметра $z(t)$. Такая схема «поддерживающей» рекламной кампании существенно отличается от пульсирующей кампании, которая является оптимальной для рынков с преобладанием краткосрочного рекламного убеждения.

Эмпирическая проверка результатов модели Видалья — Вольфа проводилась самими ее авторами [53], кроме того, ряд работ посвящен построению и анализу эконометрических гудвилл-моделей, родственных модели Нерлова — Эрроу (например, модель Койка [18; 29]). Дальнейшим признанием успешности и корректности описанных моделей и их теоретических результатов стало их успешное применение в реальном маркетинге и прикладной сфере. Так, и модель Видалья — Вольфа, и модель Нерлова — Эрроу заняли важнейшее место в классических учебниках, посвященных именно прикладным задачам маркетинга [8; 47].

4. Реклама и ее влияние на рыночное равновесие

Появление в руках производителей рекламных инструментов наряду с традиционными изменяет свойства рыночного взаимодействия. Настоящий раздел посвящен обсуждению тех эффектов, которые оказывает наличие рекламы как части страте-

гий фирм на эти свойства. В экономико-математической литературе существуют несколько больших групп моделей, описывающих подобные рынки, в основе которых лежат модели поведения фирмы и ее рекламного влияния на спрос, обсуждавшиеся в разделе 3.

В случае монопольного рынка общее благосостояние как функция от цены и рекламных затрат фирмы имеет вид $W(p, A) = \Pi(p, A) + \int_0^A D(p, A) dp$. Первое слагаемое представляет собой прибыль монополиста как функцию от цены на товар и от рекламных затрат, а интеграл есть соответствующий им излишек потребителей. На большинстве рынков, где фирма имеет возможность рекламировать свой товар, в точке равновесия суммарное общественное благосостояние ниже, чем на рынке такой же структуры, где стратегия фирмы включает лишь рыночные компоненты [9; 16]. Снижение общественного благосостояния имеет место как для убеждающей, так и для информативной рекламы (например, для монополии, чьи предельные производственные издержки не возрастают [16]): необходимость рекламировать товар увеличивает издержки фирмы, что приводит к снижению предложения и росту равновесной цены. В равновесии с рекламой фирма производит меньше товара, продавая его по более высокой цене, чем необходимо для максимизации общественного благосостояния.

4.1. Информативное воздействие и рекламная конкуренция

Классическая работа Маршалла [33] выделяет две роли рекламы с точки зрения ее влияния на конкуренцию: конструктивную и комбативную. Конструктивную роль реклама играет, если она снижает уровень конкуренции между фирмами. Такое возможно, например, если ее убеждающее влияние приводит к увеличению дифференциации товара (которое снижает уровень ценовой конкуренции). Комбативная роль рекламы связана с ее использованием олигополистами для того, чтобы «отъедать» друг у друга спрос (“business stealing”). Такая реклама повышает уровень конкуренции. Для анализа воздействия рекламы на равновесие наиболее часто используются модели двух типов — в зависимости от характера дифференциации товара. Рынок горизонтально дифференцированного товара исследуется с помощью Хотеллинговских моделей [22; 51], в то время как реклама вертикально дифференцированного товара чаще моделируется с помощью моделей ценовой [23; 48] или объемной конкуренции [30].

При информативном подходе механизм действия рекламы основан на доставке до потребителей только информации о характеристиках товара. Для анализа такого воздействия на рынке горизонтально дифференцированного товара используются модели, основанные на «линейном городе» Хотеллинга. В базовой постановке такая модель была изучена Гроссманом и Шапиро [22] и Тиролем [51]. Потребители предполагаются равномерно распределенными на единичном интервале, граничные точки которого соответствуют товарам дуополистов ($y_1 = 0$, $y_2 = 1$), продающих товар по ценам p_1 и p_2 . Полезность потребителя в точке x при покупке товара у фирмы i равна $u_i = r - \tau|x - y_i| - p_i$, где r — максимальная цена, которую потребитель готов заплатить за товар (резервная цена), τ — показатель степени дифференциации товара. Спрос на товар i -й фирмы при полной информированности равен $D_i(p_1, p_2) = |y_i - \hat{x}(p_1, p_2)|$, где $\hat{x}(p_1, p_2) = \frac{1}{2} - \frac{1}{2\tau}(p_1 - p_2)$ — координата безразличного покупателя. Пусть фирмы одновременно и независимо назначают цены и затраты на рекламу. Чтобы проинформировать о своем товаре долю λ_i потребителей, фирма i затрачивает $A(\lambda_i)$, где $A'(\cdot) > 0$, $A''(\cdot) > 0$. Потребители, знающие о товаре только одной фирмы, покупают его, а неинформированные потребители не покупают ничего. Таким образом, общий спрос на товар фирмы $i = 1, 2$ равен

$D_i(p_1, p_2, \lambda_1, \lambda_2) = \lambda_i [(1 - \lambda_{3-i}) + \lambda_{3-i} \hat{x}(p_1, p_2)]$. Спрос на товар фирмы 2 определяется аналогично. Для квадратичной функции затрат вида $A(\lambda_i) = a \cdot \lambda_i^2$ с достаточно высоким значением a (не меньше $\tau/2$) существует симметричное равновесие

$p_1^* = p_2^* = c + \sqrt{2a\tau} > c + \tau$ — цены при полной информированности потребителей,

где c — удельные издержки производства товара. При этом оптимальный объем рекламы обеих фирм тем выше, чем сильнее дифференциация ($\partial \lambda_i^* / \partial \tau > 0$). Что касается прибылей фирм, то они являются возрастающими функциями как от стоимости рекламы a , так и от уровня дифференциации товара τ . Таким образом, информативная реклама повышает цены на товар и рыночную власть олигополистов, снижая общественное благосостояние. В то же время удешевление информативной рекламы лишает олигополистов этой власти и приводит к обострению конкуренции между ними [50].

4.2. Убеждающее воздействие и рекламная конкуренция

Убеждающее воздействие рекламы на рынке с горизонтальной дифференциацией товара может быть учтено тремя различными способами. Оно может изменять готовность потребителей платить за товар (в модели Хотеллинга меняется резервная цена $r(\lambda_i) = r + \beta \lambda_i$), смещать их распределение в сторону более рекламирующего производителя (плотность распределения $f(x; \lambda_1, \lambda_2)$ вместо $f(x) = 1$) или же усиливать дифференциацию товара ($\lambda_1, \lambda_2 = \tau + \beta(\lambda_1 + \lambda_2)$). В первых двух случаях в равновесии фирмы вынуждены осуществлять рекламные воздействия, которые ослабляют, а в симметричном случае полностью нейтрализуют друг друга. Потери, связанные с рекламными затратами, оказываются безвозвратными и снижают общее благосостояние по сравнению с «безрекламным» случаем [11]. При этом для фирм такой вид рекламно-ценовой конкуренции напоминает дилемму заключенного: если бы они могли координированно не рекламировать свои товары, то обе получили бы большую прибыль, чем при оптимальной рекламе. Но эта ситуация не является равновесием, так как каждой фирме выгодно рекламировать свой товар при условии, что конкурент этого делать не будет. Если же убеждающая реклама увеличивает дифференциацию товара (и, как следствие, повышает рыночную власть фирм), то результат оказывается иным: обе фирмы в равновесии имеют строго положительные рекламные расходы и получают большие прибыли, чем в безрекламном случае [55].

Для описания рынков с вертикальной дифференциацией товара используются модели ценовой конкуренции, основанные на моделях ценовой конкуренции. Основные результаты здесь можно проиллюстрировать на примере дуополии [48]. Пусть функция спроса задается в виде: $q_i = \gamma_{i0} + \alpha_{ii} p_i + \alpha_{ij} p_j + \gamma_{ii} A_i^{1/2} + \gamma_{ij} A_j^{1/2}$, $j \neq i$, где p_i — цена на товар фирмы i , а A_i — затраты этой фирмы на рекламу. Параметр γ_{i0} показывает максимально возможный спрос на товар при отсутствии рекламы, а затраты на производство товара линейны: $c_i(q_i) = c_i \cdot q_i$. Выигрыш каждого из дуополистов равен разности их прибыли и затрат на рекламу: $\pi_i = (p_i - c_i) \left(\gamma_{i0} + \alpha_{ii} p_i + \alpha_{ij} p_j + \gamma_{ii} A_i^{1/2} + \gamma_{ij} A_j^{1/2} \right) - A_i$, где $i, j = 1, 2; j \neq i$. В случае стимулирующего влияния рекламы фирмы на спрос на «чужой» товар (т. е. $\alpha_{ii} > 0$, $\alpha_{ij} > 0$) прибыль обеих фирм в рекламном равновесии выше, чем в нерекламном. В случае обратного эффекта (реклама повышает спрос на «свой» товар и одновременно понижает спрос на «чужой»; $\gamma_{ii} > 0$, $\gamma_{ij} < 0$ при $i, j = 1, 2$ и $j \neq i$) возможны два равновесных исхода — в зависимости от соотношения абсолютных значений параметров γ_{ii} и γ_{ij} . Один из них возникает, если рекламные кампании фирм ориентированы в основном на продвижение своей продукции и влияние на спрос «дружественной» рекламы значительно сильнее, чем «враждебной» (т. е.

$|y_{ii}| > |y_{ij}|$ для обеих фирм). В этом случае для обеих фирм рекламное равновесие оказывается более выгодным, чем безрекламное. В противном случае прибыль фирм в безрекламном равновесии оказывается ниже, чем в равновесии на рынке без рекламы. В «промежуточных» случаях соотношение прибыли в рекламном и безрекламном равновесии определяется комбинацией трех факторов: соотношения $|y_{ii}|$ и $|y_{ij}|$, а также коэффициента «собственного» влияния γ_{ii} и максимального спроса на продукцию каждой фирмы γ_{i0} . Для равновесных выпусков и цен, назначаемых фирмами за свою продукцию, характерны аналогичные соотношения.

5. Заключение

Очевидно, что эффекты рекламного воздействия на экономику проявляются на нескольких уровнях. Главное различие связано с тем, на рыночных агентов какого типа оказывается влияние. В соответствии с этим все вопросы экономической теории рекламы были разделены на три группы: вопросы, связанные с изменением поведения потребителя, ориентированные на производителя, и вопросы об изменении свойств равновесия. В частности, теория позволяет для любого типа рекламного воздействия определить совокупный спрос как функцию параметров этого воздействия. На основании этой функции фирмы находят оптимальный вид стратегии продвижения своего товара. От устанавливающегося в этом случае рыночного равновесия могут выиграть различные игроки. Например, на монопольном рынке от появления рекламы выигрывает только производитель, а вот общественное благосостояние снизится. В то же время, на олигопольных рынках реклама может оказывать позитивное влияние и на излишек потребителя (информативная реклама может снижать издержки поиска информации), и на прибыль производителей (например, создавая барьер для входа новых фирм на рынок).

Дальнейшей задачей является построение единой модели, связывающей товарные рынки с медиарекламными, на которых продаются контакты аудитории с рекламой каждого производителя. В такой единой модели одни и те же потребители выступают одновременно в двух «ролях» — потребителей товара, получающих полезность от его потребления, и потребителей медиаконтента. Фирмы — владельцы СМИ представляют собой третий тип участников рынка, отличающийся как от производителей, так и от потребителей — они создают контент, продавая его потребителям, и доводят до них рекламу производителей, «продавая» им свою аудиторию. При этом доходы этих фирм включают доходы как от продажи рекламы [3], так и от реализации контента. Наиболее близкими к подобным моделям являются современные модели двусторонних рынков [7], однако и они не лишены ряда недостатков. Это приводит к необходимости разработки методологии и построения трехсторонних моделей рынка. В подобных моделях потребитель обладает предпочтениями на множестве благ, элементы которого включают в себя как «товарные» элементы, так и «контентные». Так как современная реклама является особым типом медиаконтента, ее потребление неотделимо от потребления контента других типов. Поэтому функция полезности потребителя зависит также от параметров рекламного воздействия. Способ построения подобных моделей, а также их анализ представляют собой важнейшие задачи, решение которых требует серьезного исследования и выходит за рамки данной статьи.

Литература

1. Астафьева Е. В. Математическая модель влияния рекламы на деятельность фирмы, производящей однородную продукцию: дис. ... канд. физ.-мат. наук: 05.13.18. Томск : Томский государственный университет, 2006.

2. Болдырева Т. В. Формирование рекламной стратегии предприятия в условиях конкурентного рынка // Наука и общество. 2014. №2. С. 18–27.
3. Вартанов С. А. Динамика развития медиаиндустрии России в 2000–2014 гг.: общие тренды и взаимосвязь с макроэкономическими показателями [Электронный ресурс] // Медиаскоп (электронный журнал). 2015. Т. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/1831> (дата обращения: 06.05.2020).
4. Грачева С. С. Оптимизация рекламной стратегии компании для случая нелинейной функции спроса // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2014. Т. 2 (113). С. 180–185.
5. Квинт В. Л. Идея ноосферы Вернадского и закономерности, предопределяющие формирование глобального ноосферного миропорядка XXI в. // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 13–19.
6. Першин М. А. Методы определения рекламного бюджета фирмы // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 2. С. 54–62.
7. Ambrus A., Calvano E., Reisinger M. Either or both competition: A "two-sided" theory of advertising with overlapping viewerships // American Economic Journal: Microeconomics. 2016. Vol. 8(3). P. 189–222.
8. Armstrong G., Adam S., Denize S., Kotler, P. Principles of marketing. Sydney: Pearson Australia, 2014.
9. Bagwell K. The economic analysis of advertising // Handbook of industrial organization. 2007. Vol. 3. P. 1701–1844.
10. Belo F., Lin X., Vitorino M. A. Brand capital and firm value // Review of Economic Dynamics. 2014. Vol. 17(1). P. 150–169.
11. Bloch F., Manceau D. Persuasive advertising in Hotelling's model of product differentiation // International Journal of Industrial Organization. 1999. Vol. 17 (4). P. 557–574.
12. Buratto A., Viscolani B. New product introduction: goodwill, time and advertising cost // Mathematical Methods of Operations Research. 2002. Vol. 55 (1). P. 55–68.
13. Butters G. R. Equilibrium distributions of sales and advertising prices // The Review of Economic Studies. 1977. Vol. 44 (3). P. 465–491.
14. Clarke D. G. Econometric measurement of the duration of advertising effect on sales // Journal of Marketing Research. 1976. Vol. 13 (4). P. 345–357.
15. Comanor W. S., Wilson T. A. Advertising and Market Power. Cambridge: Harvard University Press, 1974.
16. Dixit A., Norman V. Advertising and welfare // The Bell Journal of Economics. 1978. Vol. 9 (1). P. 1–17.
17. Dorfman R., Steiner P. O. Optimal advertising and optimal quality // The American Economic Review. 1954. Vol. 44 (5). P. 826–836.
18. Franses P. H., van Oest R. On the econometrics of the Koyck model // Erasmus University Rotterdam, Erasmus School of Economics (ESE), Econometric Institute. 2004. № EI 2004-07.
19. Friedman, J. W. Advertising and oligopolistic equilibrium // Bell Journal of Economics. 1983. Vol. 14. P. 464–473.
20. Fruchter G. E. Signaling quality: Dynamic price-advertising model // Journal of Optimization Theory and Applications. 2009. Vol. 143(3). P. 479–496.
21. Goldstein D. G., Suri S., McAfee R. P., Ekstrand-Abueg M., Diaz F. The economic and cognitive costs of annoying display advertisements // Journal of Marketing Research. 2014. Vol. 51 (6). P. 742–752.
22. Grossman G. M., Shapiro C. Informative advertising with differentiated products // The Review of Economic Studies. 1984. Vol. 51 (1). P. 63–81.
23. Ishigaki H. Informative advertising and entry deterrence: a Bertrand model // Economics Letters. 2000. Vol. 67 (3). P. 337–343.
24. Janiszewski C., Noel H., Sawyer A. G. A meta-analysis of the spacing effect in verbal learning: Implications for research on advertising repetition and consumer memory // Journal of consumer research. 2003. Vol. 30 (1). P. 138–149.
25. Jørgensen S., Zaccour G. Equilibrium pricing and advertising strategies in a marketing channel // Journal of optimization theory and applications. 1999. V. 102. №. 1. P. 111–125.
26. Kadiyali V. Entry, its deterrence, and its accommodation: A study of the US photographic film industry // The RAND Journal of Economics. 1996. Vol. 27 (3). P. 452–478.
27. Keller K. L. Memory factors in advertising: The effect of advertising retrieval cues on brand evaluations // Journal of Consumer Research. 1987. Vol. 14 (3). P. 316–333.

28. Kotler P., Lilien G. L., Moorthy K. S. Marketing Models. London: Prentice Hall, 1995.
29. Koyck, L. M. Distributed Lags and Investment Analysis. Amsterdam: North-Holland, 1954.
30. Kuzmanović M., Kovačević-Vujčić V., Martić M. Three-stage entry game: the strategic effects of advertising // Yugoslav Journal of Operations Research. 2011. Vol. 21 (2). P. 163–185.
31. Kvint V. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. London, Sydney: Routledge, 2015.
32. Lal R., Matutes C. Retail Pricing and Advertising Strategies // The Journal of Business. 1994. Vol. 67 (3). P. 345–370.
33. Marshall A. Industry and trade: A study of industrial technique and business organization. London: Macmillan, 1919.
34. Melcher J. M., Schooler J. W. Perceptual and conceptual training mediate the verbal overshadowing effect in an unfamiliar domain // Memory & Cognition. 2004. Vol. 32 (4). P. 618–631.
35. Milgrom P., Roberts J. Price and advertising signals of product quality // Journal of political economy. 1986. Vol. 94 (4). P. 796–821.
36. Mitchell A. A. The effect of verbal and visual components of advertisements on brand attitudes and attitude toward the advertisement // Journal of consumer research. 1986. Vol. 13 (1). P. 12–24.
37. Mitchell A. A., Olson J. C. Are product attribute beliefs the only mediator of advertising effects on brand attitude? // Journal of Marketing Research. 1981. Vol. 18 (1). P. 318–332.
38. Morris J. D., Singh A. J., Woo C. Elaboration likelihood model: A missing intrinsic emotional implication // Journal of Targeting, Measurement and Analysis for Marketing. 2005. Vol. 14. P. 79–98.
39. Motta, M. Advertising bans // SERIEs - Journal of the Spanish Economic Association. 2013. Vol. 4 (1). P. 61–81.
40. Nelson P. Advertising as information // Journal of political economy. 1974. Vol. 82 (4). P. 729–754.
41. Nerlove M., Arrow K. J. Optimal advertising policy under dynamic conditions // Economica. New Series. 1962. Vol. 29 (114). P. 129–142.
42. Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. Oxford: Oxford University Press, 1990.
43. Percy L., Rossiter J. R. A model of brand awareness and brand attitude advertising strategies // Psychology & Marketing. 1992. Vol. 9. № 4. P. 263–274.
44. Petty R. E., Cacioppo J. T. The Elaboration likelihood model of Persuasion // Advances in Experimental Social Psychology. 1986. Vol. 19. P. 123–205.
45. Pieters R., Bijmolt T. H. A. Consumer Memory for Television Advertising: A Field Study of Duration, Serial Position, and Competition Effects // Journal of Consumer Research. 1997. Vol. 23(4). P. 362–372.
46. Rawal P. AIDA Marketing Communication Model: Stimulating a purchase decision in the minds of the consumers through a linear progression of steps // International Journal of Multidisciplinary research in social & management sciences. 2013. Vol. 1 (1). P. 37–44.
47. Sandage C., Fryburger V., Rotzoll, K. Advertising theory and practice. Homewood, IL: Richard Irwin, 1983.
48. Schoonbeek L., Kooreman P. The impact of advertising in a duopoly game // International Game Theory Review. 2007. Vol. 9 (04). P. 565–581.
49. Sethi S. P. Deterministic and stochastic optimization of a dynamic advertising model // Optimal Control Applications and Methods. 1983. Vol. 4 (2). P. 179–184.
50. Stigler G. J. The economics of information // Journal of political economy. 1961. Vol. 69 (3). P. 213–225.
51. Tirole J. The theory of industrial organization. Cambridge: MIT Press, 1988.
52. Unnava H. R., Burnkrant R. E. An imagery-processing view of the role of pictures in print advertisements // Journal of Marketing Research. 1991. Vol. 28 (2). P. 226–231.
53. Vidale L., Wolfe H. B. An operations-research study of sales response to advertising // Operations Research, 1957. Vol. 5(3). P. 370–381.
54. Vitorino M. A. Understanding the effect of advertising on stock returns and firm value: theory and evidence from a structural model // Management Science. 2013. Vol. 60 (1). P. 227–245.
55. Von der Fehr N. H. M., Stevik K. Persuasive advertising and product differentiation // Southern Economic Journal. 1998. Vol. 65 (1). P. 113–126.
56. Zielske H. A. The remembering and forgetting of advertising // Journal of Marketing. 1959. Vol. 23 (3). P. 239–243.

Об авторе:

Вартанов Сергей Александрович, доцент кафедры Эконометрики и математических методов экономики Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), кандидат физико-математических наук; sergvart@gmail.com

References

1. Astafyeva E. V. A mathematical model of advertisement influence on the strategy of homogenous product producing firm: Dissertation abstract: 05.13.18. Tomsk: Tomsk State University. 2006. (in Rus).
2. Boldyreva T. V. Developing an advertising strategy in a competitive market // Science and society [Nauka i obshchestvo]. 2014. № 2. P. 18–27. (in Rus).
3. Vartanov S. A. Dynamics of Russian media industry development: general trends and connection to macroeconomic indicators // Mediascope (electronic journal). 2015. Vol. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/1831> (accessed: 06.05.2020). (in Rus).
4. Gracheva S. S. Optimization of advertising strategy of a company in case of non-linear function of demand // Vestnik of Samara State University. Economics and management Series [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i upravlenie»]. 2014. Vol. 2 (113). P. 180–185. (in Rus).
5. Kvint V. L. The Idea of a Noosphere of Vernadsky and the Regularities Predetermining Formation of a Global Noosphere World Order of the XXI Century // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. Vol. 5. P. 13–19. (in Rus).
6. Pershin M. A. Methods of defining a firm's advertising budget // Contemporary trends in economics and management: a new look [Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad]. 2013. Vol. 2. P. 54–62. (in Rus).
7. Ambrus A., Calvano E., Reisinger M. Either or both competition: A "two-sided" theory of advertising with overlapping viewerships // American Economic Journal: Microeconomics. 2016. Vol. 8(3). P. 189–222.
8. Armstrong G., Adam S., Denize S., Kotler, P. Principles of marketing. Sydney: Pearson Australia, 2014.
9. Bagwell K. The economic analysis of advertising // Handbook of industrial organization. 2007. Vol. 3. P. 1701–1844.
10. Belo F., Lin X., Vitorino M. A. Brand capital and firm value // Review of Economic Dynamics. 2014. Vol. 17(1). P. 150–169.
11. Bloch F., Manceau D. Persuasive advertising in Hotelling's model of product differentiation // International Journal of Industrial Organization. 1999. Vol. 17 (4). P. 557–574.
12. Buratto A., Viscolani B. New product introduction: goodwill, time and advertising cost // Mathematical Methods of Operations Research. 2002. Vol. 55 (1). P. 55–68.
13. Butters G. R. Equilibrium distributions of sales and advertising prices // The Review of Economic Studies. 1977. Vol. 44 (3). P. 465–491.
14. Clarke D. G. Econometric measurement of the duration of advertising effect on sales // Journal of Marketing Research. 1976. Vol. 13 (4). P. 345–357.
15. Comanor W. S., Wilson T. A. Advertising and Market Power. Cambridge: Harvard University Press, 1974.
16. Dixit A., Norman V. Advertising and welfare // The Bell Journal of Economics. 1978. Vol. 9 (1). P. 1–17.
17. Dorfman R., Steiner P. O. Optimal advertising and optimal quality // The American Economic Review. 1954. Vol. 44 (5). P. 826–836.
18. Franses P. H., van Oest R. On the econometrics of the Koyck model // Erasmus University Rotterdam, Erasmus School of Economics (ESE), Econometric Institute. 2004. № EI 2004-07.
19. Friedman, J. W. Advertising and oligopolistic equilibrium // Bell Journal of Economics. 1983. Vol. 14. P. 464–473.
20. Fruchter, G. E. Signaling quality: Dynamic price-advertising model // Journal of Optimization Theory and Applications. 2009. Vol. 143(3). P. 479–496.
21. Goldstein D. G., Suri S., McAfee R. P., Ekstrand-Abueg M., Diaz F. The economic and cognitive costs of annoying display advertisements // Journal of Marketing Research. 2014. Vol. 51 (6). P. 742–752.
22. Grossman G. M., Shapiro C. Informative advertising with differentiated products // The Review of Economic Studies. 1984. Vol. 51 (1). P. 63–81.

23. Ishigaki H. Informative advertising and entry deterrence: a Bertrand model // *Economics Letters*. 2000. Vol. 67 (3). P. 337–343.
24. Janiszewski C., Noel H., Sawyer A.G. A meta-analysis of the spacing effect in verbal learning: Implications for research on advertising repetition and consumer memory // *Journal of consumer research*. 2003. Vol. 30 (1). P. 138–149.
25. Jørgensen S., Zaccour G. Equilibrium pricing and advertising strategies in a marketing channel // *Journal of optimization theory and applications*. 1999. V. 102. №. 1. P. 111–125.
26. Kadiyali V. Entry, its deterrence, and its accommodation: A study of the US photographic film industry // *The RAND Journal of Economics*. 1996. Vol. 27 (3). P. 452–478.
27. Keller K.L. Memory factors in advertising: The effect of advertising retrieval cues on brand evaluations // *Journal of Consumer Research*. 1987. Vol. 14 (3). P. 316–333.
28. Kotler P., Lilien G.L., Moorthy K.S. *Marketing Models*. London: Prentice Hall, 1995.
29. Koyck, L.M. *Distributed Lags and Investment Analysis*. Amsterdam: North-Holland, 1954.
30. Kuzmanović M., Kovačević-Vujčić V., Martić M. Three-stage entry game: the strategic effects of advertising // *Yugoslav Journal of Operations Research*. 2011. Vol. 21 (2). P. 163–185.
31. Kvint V. *Strategy for the Global Market: Theory and practical applications*. London, Sydney: Routledge, 2015.
32. Lal R., Matutes C. Retail Pricing and Advertising Strategies. // *The Journal of Business*. 1994. Vol. 67 (3). P. 345–370.
33. Marshall A. *Industry and trade: A study of industrial technique and business organization*. London: Macmillan, 1919.
34. Melcher J.M., Schooler J.W. Perceptual and conceptual training mediate the verbal overshadowing effect in an unfamiliar domain // *Memory & Cognition*. 2004. Vol. 32 (4). P. 618–631.
35. Milgrom P., Roberts J. Price and advertising signals of product quality // *Journal of political economy*. 1986. Vol. 94 (4). P. 796–821.
36. Mitchell A.A. The effect of verbal and visual components of advertisements on brand attitudes and attitude toward the advertisement // *Journal of consumer research*. 1986. Vol. 13 (1). P. 12–24.
37. Mitchell A.A., Olson J.C. Are product attribute beliefs the only mediator of advertising effects on brand attitude? // *Journal of Marketing Research*. 1981. Vol. 18 (1). P. 318–332.
38. Morris J.D., Singh A.J., Woo C. Elaboration likelihood model: A missing intrinsic emotional implication // *Journal of Targeting, Measurement and Analysis for Marketing*. 2005. Vol. 14. P. 79–98.
39. Motta, M. Advertising bans // *SERIEs - Journal of the Spanish Economic Association*. 2013. Vol. 4 (1). P. 61–81.
40. Nelson P. Advertising as information // *Journal of political economy*. 1974. Vol. 82 (4). P. 729–754.
41. Nerlove M., Arrow K.J. Optimal advertising policy under dynamic conditions // *Economica. New Series*. 1962. Vol. 29 (114). P. 129–142.
42. Paivio A. *Mental representations: A dual coding approach*. Oxford: Oxford University Press, 1990.
43. Percy L., Rossiter J.R. A model of brand awareness and brand attitude advertising strategies // *Psychology & Marketing*. 1992. Vol. 9. № 4. P. 263–274.
44. Petty R.E., Cacioppo J.T. The Elaboration likelihood model of Persuasion // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1986. Vol. 19. P. 123–205.
45. Pieters R., Bijmolt T.H.A. Consumer Memory for Television Advertising: A Field Study of Duration, Serial Position, and Competition Effects // *Journal of Consumer Research*. 1997. Vol. 23(4). P. 362–372.
46. Rawal P. AIDA Marketing Communication Model: Stimulating a purchase decision in the minds of the consumers through a linear progression of steps // *International Journal of Multidisciplinary research in social & management sciences*. 2013. Vol. 1 (1). P. 37–44.
47. Sandage C., Fryburger V., Rotzoll, K. *Advertising theory and practice*. Homewood, IL: Richard Irwin, 1983.
48. Schoonbeek L., Kooreman P. The impact of advertising in a duopoly game // *International Game Theory Review*. 2007. Vol. 9 (04). P. 565–581.
49. Sethi S.P. Deterministic and stochastic optimization of a dynamic advertising model // *Optimal Control Applications and Methods*. 1983. Vol. 4 (2). P. 179–184.
50. Stigler G.J. The economics of information // *Journal of political economy*. 1961. Vol. 69 (3). P. 213–225.

51. Tirole J. The theory of industrial organization. Cambridge: MIT Press, 1988.
52. Unnava H. R., Burnkrant R. E. An imagery-processing view of the role of pictures in print advertisements // Journal of Marketing Research. 1991. Vol. 28 (2). P. 226–231.
53. Vidale L., Wolfe H. B. An operations-research study of sales response to advertising // Operations Research, 1957. Vol. 5(3). P. 370–381.
54. Vitorino M. A. Understanding the effect of advertising on stock returns and firm value: theory and evidence from a structural model // Management Science. 2013. Vol. 60 (1), 227–245.
55. Von der Fehr N. H. M., Stevik K. Persuasive advertising and product differentiation // Southern Economic Journal. 1998. Vol. 65 (1). P. 113–126.
56. Zielske H. A. The remembering and forgetting of advertising // Journal of Marketing. 1959. Vol. 23 (3). P. 239–243.

About the author:

Sergey A. Vartanov, Associate Professor of the Chair of Econometrics and Mathematics Methods of Economics of Moscow School of Economics in Lomonosov MSU (Moscow, Russian Federation), PhD in Physics and Mathematics; sergvart@gmail.com

Модернизация семьи в России и Китае: роль государства

Кашина М. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; Kashina-ma@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Главной тенденцией развития социальных отношений в современном обществе выступает их индивидуализация. Люди перестают зависеть от семьи и помощи ее членов, а опираются на себя, на свои индивидуальные возможности и успехи. Модернизация семьи обусловлена социально-историческим и политико-идеологическим контекстом конкретной страны и выражается в степени утраты семьей своих экономических функций. Глобальная тенденция нуклеаризации семьи и снижения рождаемости по-разному проявляется в России и Китае. Это связано со степенью урбанизации, экономической активности женщин и приверженности населения традиционным семейным ценностям. В целях сохранения уровня рождаемости Китай начал проводить политику неофамелизма, основанную на ценностях конфуцианства. У России нет возможности пойти таким же путем, потому что урбанизация и модернизация общества, в том числе семейных отношений, в стране началась гораздо раньше, чем в Китае. Задача стабилизации численности населения России может быть решена только путем дальнейшей модернизации семейных отношений, ведущей к формированию эгалитарной (партнерской) модели семьи. В то же время это не лишает российское государство возможности использовать семью в качестве буфера, смягчающего для населения жестокость реалий рыночной экономики.

Ключевые слова: демографический переход, гендерный контракт «работающая мать», семейная политика, семейные ценности, неофамелизм, конфуцианство, урбанизация

Для цитирования: Кашина М. А. Модернизация семьи в России и Китае: роль государства // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 175–190.

Modernization of Family in Russia and China: the Role of the Government

Marina A. Kashina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; Kashina-ma@ranepa.ru

ABSTRACT

The individualization of social relations is the main trend in modern society. People do not depend on family and help of its members anymore. They rely on themselves, their individual capabilities and successes. Family modernization is determined by a socio-historical and political-ideological context of a country. It is expressed in a degree to which the family loses its economic functions. The global trend of family nuclearization and fertility decline is manifested differently in Russia and China due to the degree of urbanization, the economic activity of women and the population's commitment to traditional family values. In order to preserve the birth rate, China began to pursue a neo-familism policy which based on the values of Confucianism. Russia does not have the opportunity to go the same way, because urbanization and modernization of society, started in this country much earlier than in China. The task of stabilizing the population of Russia can be solved only by further modernizing of family relations. It should lead to the creation of an egalitarian (partner) model of the family. At the same time, this does not deprive the Russian state of the opportunity to use the family as a buffer, mitigating for the population the cruelty of the realities of the market economy.

Keywords: demographic transition, “working mother” gender contract, family policy, family values, neo-familism, Confucianism, urbanization

For citing: Kashina M. A. Modernization of Family in Russia and China: the Role of the Government // Administrative consulting. 2020. N 8. P. 175–190.

Введение

Переход к постиндустриальному обществу / обществу риска проблематизировал существование института семьи и исполнение им своей основной функции — воспроизводства населения. В современном обществе «люди освобождаются от социальных форм индустриального общества — от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами» [9]. Главной тенденцией развития социальных отношений становится их индивидуализация на фоне роста уровня жизни. Люди перестают зависеть от семьи и помощи ее членов, а опираются на себя, на свои индивидуальные возможности и успехи. Сама необходимость семейной жизни ставится под сомнение. «Главная фигура развитого модерна — это *одинокый* мужчина или *одинокая* женщина» [9].

И. Кон назвал XX век веком трех революций — сексуальной, семейной и гендерной. Он отмечает: «главный сдвиг в брачно-семейных отношениях заключается в изменении критериев оценки: формальные количественные (например, продолжительность брачного союза) и объективные (например, наличие детей) показатели сменяются качественными. На первый план выходит понятие субъективного благополучия (subjective well-being)» [26]. В этих условиях семья все больше превращается в малую группу, утрачивая черты социального института, обретая статус индивидуальной ценности, а не общественной/объективной необходимости.

В современной социологии признано, что переход от традиционного общества к современному каждая страна совершает по-своему, нет единого универсального пути. Это в полной мере относится и к модернизации института семьи, хотя две основные тенденции, о которых шла речь выше — индивидуализация и акцент на стремлении к субъективному чувству счастья, характерны для всех вариантов ее модернизации, поскольку именно в этом она и состоит.

В отечественной литературе существует огромный пласт литературы, посвященной современной семье и ее репродуктивной функции. Исследуются новые формы семьи и брака [13], гендерные отношения в семье и факторы устойчивости брака [17], анализируются модели родительства и родительский потенциал [8], репродуктивные планы супругов [15], изучаются семейные стратегии российского студенчества и их представления в отношении родительства [3; 14], анализируются различные аспекты семейной политики и, в частности, влияние мер материальной поддержки семьи на процессы рождаемости [10]. Взаимодействие семьи и государства исследуется обычно в рамках двух тем: государственная семейная политика [см., например, 37] или демографическая/гендерная политика [см., например, 16; 19]. И в том, и в другом случае отношения семьи и государства полагаются асимметричными, государство выступает субъектом политики, семья — ее объектом.

Обратное воздействие семьи на государство, которое протекает на двух уровнях — макро и микро, исследуется значительно реже. Макровоздействие осуществляется через воспроизводство рабочей силы / трудовых ресурсов / населения как такового, его количественных и качественных характеристик. Микровоздействие проявляется через обеспечение морально-психологического благополучия государственных служащих, через разрешение или усугубление их внутриличностных

конфликтов. Учитывая, что в России женщины составляют более 70% состава кадров государственного аппарата, конструктивное решение их основного ролевого конфликта «семья-работа» напрямую определяет эффективность работы этого аппарата [подробнее см. 20]. Что касается военной службы, в которой преобладают мужчины, то здесь «крепкий семейный тыл» — это основа национальной безопасности, поскольку трудно переоценить значение морально-психологического благополучия людей, у которых в руках оружие.

Еще одним важным направлением исследований выступает оценка влияния на модернизацию семьи других общественных институтов. Лучший пример подобного влияния — изменение распределения семейных ролей и рост внебрачной рождаемости в России 1990-х [13, с. 100]. Другой пример — вариация суммарного коэффициента рождаемости (далее СКР) в европейских странах. В 2017 г. СКР во Франции составил 2,07, в Исландии — 2,0, в Швеции и Великобритании — 1,88, в Норвегии — 1,85, в Австрии он равнялся 1,47, Германии — 1,45, а в Италии — 1,44¹. Исследователи объясняют эту вариацию влиянием особенностей институциональной структуры страны [24].

Отечественных исследований семьи, загружающих эмпирику в институциональную рамку, пока явно недостаточно. В данной статье предпринята попытка закрыть этот теоретический пробел в одной весьма узкой области — определение характера воздействия государства на репродуктивную функцию модернизирующейся семьи с целью оценить границы этого воздействия. Институциональность будет включена в исследование через компаративный анализ семьи и семейной политики в России и Китае. Имеющийся в настоящее время массив источников о китайской семье на русском языке позволяет это сделать. Есть масштабные компаративные исследования тенденций изменения семьи в России и Китае [18; 25; 31], есть работы, анализирующие китайскую демографическую / семейную политику [4; 6; 7; 27; 29; 30; 34], социально-демографическое развитие КНР [5], проблемы китайской семьи [28; 32], влияние социокультурных трансформаций на китайскую семью [1], на положение женщин в современном китайском обществе [11; 35], проведены исследования динамики семейных ценностей китайцев [36], в том числе китайской молодежи [12]. Особый интерес представляет работа О. В. Сивинцевой, которая анализирует пронаталистский поворот в репродуктивной политике Китая с позиций неинституционального подхода [33].

Еще раз отметим, что полноценное исследование процессов модернизации семьи требует анализа не только деятельности государства, но и воздействия на семью других общественных институтов, в первую очередь, экономических и культурных. Однако это задачи будущих исследований, в этой работе мы останемся в рамках государственной семейной / демографической политики². Сначала будет описана методология исследования, его теоретические линзы, сформулированы цель и основная гипотеза, далее будут представлены результаты, а именно: 1) анализ статистических и социологических данных, описывающих процесс модернизации семьи в России и Китае; 2) характеристика роли государства в процессах модернизации семьи в России и Китае; 3) определение факторов успешности/неуспешности семейной/демографической политики го-

¹ Суммарный коэффициент рождаемости. Сайт CIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html?> (дата обращения: 20.02.2020).

² Семейная и демографическая политики — две разных (самостоятельных) отрасли социальной политики государства. Однако в рамках данной статьи они рассматриваются вместе и как синонимы в силу того, что в качестве предмета исследования выступает репродуктивная функция семьи.

сударства в двух странах. В заключении будут сделаны выводы и намечены направления дальнейших исследований.

Методология исследования

Были использованы три теоретических линзы. 1. Теория другого (второго) модер-на У. Бека [9], которая позволяет связать задачи экономической модернизации с процессами нуклеаризации семьи и индивидуализации жизненного сценария. 2. Концепция множественности/вариативности модернизации Ш. Эйзенштадта. А именно, его идея о том, что «модернизация может иметь частичный характер, т.е. формирование новых институтов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации» [38, с. 473]. Этот тезис позволяет понять, почему для решения демографических проблем государство может проводить политику частичной модернизации или даже демодернизации семьи. 3. Типология политических культур Г. Алмонда и С. Вербы [2]. В связи с тем, что в статье анализируется деятельность государства, эта теоретическая линза позволяет оценить характер взаимоотношений государства и граждан, степень их зависимости/независимости от государства, в том числе в решении семейных проблем.

Исследование является кабинетным, выполнено на основе вторичного анализа источников, в большинстве из которых использована количественная методология сбора данных.

Цель исследования

Выявить особенности семейной/демографической политики государства в России и Китае в конце XX — начале XXI вв. и оценить их в контексте процесса модернизации семьи.

Основная гипотеза

В странах, заканчивающих демографический переход, возникает противоречие между потребностью государства в стабилизации численности населения и снижением рождаемости в модернизирующейся семье. Разрешение этого противоречия видится политикам России и Китая в частичной модернизации семьи через включение в демографическую/семейную политику дискурса неотрадиционализма (неофамилизма). Если в Китае еще есть для этого объективные условия, то в России их уже нет.

Результаты исследования

Модернизация семьи происходит вместе с демографическим переходом, который результируется в общих показателях естественного движения населения. В табл. показана их динамика за последние 70 лет. Россия и Китай начинают практически совпадать по общему коэффициенту рождаемости с 2008 г., а в 2017 г. наши страны имели практически равный СКР. Россия — 1,61, Китай 1,6¹. Однако пути, приведшие к одинаковым результатам, являются совершенно разными.

¹ Суммарный коэффициент рождаемости. Сайт CIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html?> (дата обращения: 20.02.2020).

Таблица

Показатели естественного движения населения в России и Китае,

%, 1950–2018 гг.*

Table. Vital indicators in Russia and China ‰, 1950–2018

Год	К рождаемости		К смертности		К естеств. прироста	
	Россия	Китай	Россия	Китай	Россия	Китай
1950	26,9	37,0	10,1	18,0	16,8	19,0
1960	23,2	20,86	7,4	25,43	15,8	4,57
1970	14,6	33,43	8,7	7,6	5,9	25,83
1980	15,9	18,21	11,0	6,34	4,9	11,87
1990	13,4	21,06	11,2	6,67	2,2	14,39
1995	9,3	17,12	15,0	6,57	5,7	10,55
2000	8,7	14,03	15,3	6,45	6,6	7,58
2002	9,7	12,86	16,2	6,41	6,5	6,45
2004	10,4	12,29	16,0	6,42	5,6	5,87
2006	10,4	12,09	15,2	6,81	4,8	5,28
2008	12,1	12,14	14,6	6,93	2,5	5,17
2010	12,5	11,90	14,2	7,11	1,6	4,79
2012	13,3	12,10	13,3	7,15	0	4,95
2014	13,3	12,37	13,1	7,16	0,2	5,21
2016	12,9	12,95	12,9	7,09	0,01	5,86
2018	10,9	10,94	12,5	7,13	1,6	3,81

*Таблица построена по данным Федеральной службы государственной статистики РФ. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://www.gks.ru>, Национального бюро статистики Китая (NBS). Официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?> (дата обращения: 17.02.2020) и материалов (Баженова).

В России начало активной пронаталистской политики датируется 2006 г., когда Президент страны в ежегодном послании Федеральному Собранию объявил демографию самой острой проблемой современной России¹. Как свидетельствуют данные таблицы, возврата к дореформенным уровням рождаемости не произошло. Более того, коэффициент рождаемости 2018 г. оказался одним из самых низких за весь период проведения политики стимулирования рождаемости.

Необходимо сказать, что и Китай после официальной отмены в 2015 г. политики «одна семья — один ребенок» не получил ожидаемого увеличения рождаемости. В 2018 г. «ожидалось рождение более 21 млн детей. Но родилось только 15,23 млн, что практически на 2 млн меньше данных 2017 и 2016 гг. (17,23 млн и 17,86 млн)» [33, с. 54].

И. Елисеева прогнозирует, что в России сокращение количества детей «будет нарастать до 2024 г. и только после 2024 г. начнется сокращение темпов снижения рождаемости» [31, с. 74]. При этом проблема не ограничивается только малочисленностью контингента фертильных женщин, не меньшее значение име-

¹ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 10.05.2006 // Российская газета. 11.05.2006. Федеральный выпуск № 4063.

ют репродуктивные установки населения. Межпоколенный анализ родительского потенциала, проведенный О. Безруковой, показал, что «подростки, в большей степени, чем взрослые, поддерживают установки на необязательность материнства и отцовства... они ориентированы на меньшее число детей в своих будущих семьях» [8, с. 94].

Политика планирования семьи и ограничения рождаемости была официально начата в Китае в 1979 г., в качестве национальной цели было провозглашено достижение к 2000 г. нулевого прироста населения [31, с. 67–68]. По факту в 2000 г. естественный прирост населения Китая составил 7,58%. (см. табл.). Политика «одна семья — один ребенок» принесла немало проблем стране как демографических [подробнее см. 31, с. 67–71], так и социальных [12]. Было официально признано, что она не отвечает современным запросам китайского общества. В октябре 2015 г. на 5-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято решение разрешить иметь в семье двух детей без всяких дополнительных условий [34, с. 115]. Оценки результатов подобной политики давать еще рано, но определенные трудности уже обозначились. Так, по итогам социологического опроса, 53,3% китайских семей, имеющих одного ребенка, не стремятся перейти в категорию двухдетных, в экономически развитых провинциях и городах среди опрошенных с высшим образованием 60% супружеских пар хотят иметь только одного ребенка [6, с. 105–106]. «В Нанкине¹ среднее идеальное число детей в семье составляет 1,2 для тех, кому до 30 лет и 1,3 для тех, кому за 30 [27, с. 58]. Растет возраст вступления в брак. «С 2005 по 2015 гг., доля лиц, вступивших в брак в возрасте 20–24 лет, снизилась с 47% до 26,3%, а доля лиц в возрасте 40 лет и старше возросла с 3,9% до 16,2%» [1, с. 173]. Существует проблема «маленьких императоров» (единственных детей в семье, рожденных в 1980-е и 1990-е годы), заключающаяся в том, что многие дети школьного возраста не хотят иметь младших детей в семье. «В Циндао китайские школьники даже создали «Коалицию против братьев и сестер» [34, с. 121]. Растет осознанная бездетность. Появилась специальная аббревиатура для таких семей — DINK (Double Income No Kids — Двойной доход без детей). «50,2% жителей Пекина, чей месячный доход составляет от 5 до 15 тыс. юаней, не состоят в браке» [32, с. 243]. «У молодежи снижается ценность традиционных брачных уз, ... развивается стремление к свободе, профессиональному развитию, большое внимание уделяется вопросам экономической выгоды» [36, с. 312].

Выше уже говорилось, что основная линия модернизации семьи связана с ее нуклеаризацией и индивидуализацией жизненных стратегий. По данным переписи 2002 г., средний размер российской семьи равнялся 2,7 чел.², по данным микропереписи 2015 г., — 2,4³. Средний размер китайской семьи в 2000 г. составлял 4,33 чел., а в 2014 г. — 2,97 [6, с. 99].

Индивидуализация жизненных стратегий проявляется в разнообразии форм брака и семьи в наших странах. В Китае формируются новые формы брачных отношений: DINK (сознательная бездетность), пробное замужество и совместное проживание. однополые союзы, «супруги на выходные», тайный брак, безбрачие (откладывание вступления в брак) [36, с. 312]. Среди молодого поколения по-

¹ Нанкин — бывшая столица Китая, город с населением более 6 млн человек, крупный промышленный и культурный центр на востоке страны.

² Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 6. «Число и состав домохозяйств» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=1> (дата обращения: 21.02.2020).

³ Микроперепись населения 2015. Разд. IX. Домохозяйства и семейные ячейки, учтенные микропереписью [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 21.02.2020).

являются семьи модели «АА», «главная особенность которой заключается в несении обоими супругами расходов в равной мере и невмешательстве в финансовые дела друг друга» [12, с. 18]. По данным опроса 2010 г., среди китайских супружеских пар, созданных людьми, родившимися после 1980-х, доля сожительства до брака достигла 30% [1, с. 178].

В России идут аналогичные процессы, растет число незарегистрированных браков, появляются «гостевые» браки (раздельное проживание супругов) и межрегиональные, растет число семей с пропущенным поколением, увеличивается число неполных семей [подробнее см. 13]. По данным социологических опросов студенческой молодежи, семья перестает быть необходимым элементом успешного жизненного сценария. Основой создания семьи признаются «любовь или уважение и доверие как условие для появления любви в процессе совместной семейной жизни» [3, с. 208], а отнюдь не необходимость родить и вырастить детей.

Приведенные выше данные позволяют констатировать, что и в России, и в Китае семья переходит от традиционной (расширенной, патриархатной) к современной (партнерской, супружеской). Рассмотрим, какую роль в этом играет государство.

Политика планирования семьи в целях сокращения рождаемости, начатая в Китае в конце 1970-х, в общем и целом, совпала с объективным процессом перехода от второго этапа демографического перехода к третьему. Наряду с ускорением темпов экономического развития страны, шел активный процесс урбанизации. «В 2011 г. число городских жителей впервые превысило численность сельского населения (51,3% и 48,7% соответственно). В 2017 г. горожан стало еще больше — 813,47 млн чел. (58,52%), По прогнозам, к 2025 г. число городских жителей в Китае достигнет 915 млн чел., а в дальнейшем, к 2030 г., составит 1020 млн, 70% общей численности населения КНР» [5, с. 114].

Миграция сельских жителей в города на заработки (своего рода «отходничество») породила в стране рост числа семей, в которых родители живут отдельно от детей. «Дети, „оставленные“ родителями-мигрантами, составляют 35,1% всех детей, проживающих в сельской местности... на конец 2010 г. из 61 млн таких детей у 46,74% мигрировали оба родителя» [31, с. 35]. Подобное раздельное проживание объективно ведет к снижению рождаемости у сельских жителей. Что касается обеспеченных городских женщин и семей с высоким уровнем образования, то они, как уже отмечалось, выбирают стратегию бездетности или откладывания рождения детей. По данным опросов китайских женщин, в 2016 г. «показатель идеального числа детей в семье составил 1,75... При этом только 30% опрошенных женщин планируют иметь двоих детей». Наименьшие показатели по желаемому числу детей зафиксированы у женщин старше 35 лет [27, с. 59].

Можно предположить, что снижение рождаемости в Китае произошло бы и без проведения политики планирования семьи, только в силу модернизации экономики и связанной с этим урбанизации, как это произошло в свое время в СССР, но этот процесс шел бы значительно медленнее. Китайскому государству «за счет введения жестких мер ограничения рождаемости, сопровождаемых позитивной и негативной мотивацией (населения), распределением социальных гарантий и социальной рекламой» [33, с. 58], удалось модернизировать традиционную семью всего за 40 лет.

Подобное вмешательство государства в жизнь семьи специалисты называют «государствоцентризмом», который предполагает поощрение рождаемости «вне зависимости от семейного и сексуального выбора граждан» [33, с. 56]. Переход к политике двухдетности не изменил этот принцип, семья по-прежнему должна служить государству и меняться, исходя из задач экономического развития. «При помощи нового курса, отмечает О. Сивинцева, государство в очередной

раз решает экономические задачи: в условиях сокращения темпов экономического роста руководство стремится расширить внутренний спрос среди населения, а также ликвидировать негативные последствия политики одного ребенка» [33, с. 59].

По сути, это является политикой частичной модернизации семьи через использование философии конфуцианства в части заботы детей (сыновей) и родителей друг о друге. Государство перекладывает заботу о несовершеннолетних и пожилых гражданах на родственников. «Такие нормы содержатся как в Законе о браке, так и Законе о защите прав и интересов пожилых, последний из которых апеллирует к обязанности детей посещать родителей и выплачивать им ежемесячные пособия» [33, с. 60]. Тем самым дети становятся «живой пенсией» для родителей.

М. Клупт называет это дискурсом «неофамилизма», смысл которого состоит в том, что государство использует конфуцианские ценности для решения социально-экономических и политических задач. Он отмечает, что экономическая модернизация «приводит не к ослаблению связей между индивидом и семьей (как на Западе), а к воспроизводству центральной роли семьи в повседневной жизни [31, с. 35]. Речь идет о развитии семейного бизнеса, о трудоустройстве с помощью семейных связей и о миграции из сельских районов в города с целью обеспечить членов семьи (детей и пожилых родителей). «Миграция становится частью семейного проекта. 70–75% мигрантов отправляют денежные переводы своим родным и близким, оставшимся по прежнему месту жительства. Вне места постоянной регистрации в 2016 г. проживало 292 млн чел. — более 1/5 населения КНР» [25, с. 66].

Нельзя забывать и об идеологических мерах политики планирования семьи, очень важных для китайского общества. Политика ограничения рождаемости проводилась под лозунгами «Один ребенок — это жизнь в благополучии; два ребенка — жизнь в постоянных трудностях; три ребенка — жизнь в постоянном ужасе» [34, с. 115] и «поздно, редко, мало». Под «поздно» понимается поздний брак (для мужчин — не раньше 25 лет, для женщин — 23 года; рождение детей — не раньше, чем в 24 года); «редко» — разница в возрасте между детьми должна быть не менее 3 лет; «мало» — не более 2 детей в семье» [33, с. 57]. Переход к политике двух детей в семье потребует новых лозунгов. Один из них — «лучшее наследство для ребенка — его братья и сестры» [34, с. 121].

Впрочем, некоторые авторы полагают, что Китай уже прошел точку невозврата и поднять рождаемость не сможет, поэтому «численность населения Китая начнет снижаться к 2023 г.» [31, с. 84].

Обобщая роль государства в модернизации семьи в Китае, можно сделать ряд выводов.

1. Китайская семья вступила на путь модернизации довольно поздно, в конце 1970-х, этому способствовали как объективные экономические процессы, в частности рост промышленного производства и миграция в города сельских жителей на заработки, так и проведение государством политики «одна семья — один ребенок», радикально меняющей отношения в семье и при этом повышающей уровень жизни населения.

2. Семейной политики как таковой в Китае не проводилось. Как пишет С. Ли, «по сравнению с процветанием выдвижения и изучения семейной политики в других странах, Китай по этому направлению находится в серьезном отставании» [29, с. 139]. Исследователь называет китайскую семейную политику «скрытой», потому что в Китае нет специальных государственных структур, занимающихся проблемами семьи и «китайское правительство никогда не заявляло официально об осуществлении семейной политики» [29, с. 140]. В действующей Конституции

КНР (1982 г.) в ст. 25 указывается: «Государство осуществляет планирование рождаемости, с тем чтобы привести в соответствие рост населения с планами экономического и социального развития». Из всего многообразия направлений семейной политики государство выделяет только планирование семьи, открыто объявляя это государственной задачей вне зависимости от семейного и репродуктивного выбора граждан.

3. Консенсус в семье достигается через использование государством глубоко укорененных в сознании граждан конфуцианских ценностей. Исследования показывают, что «на подсознательном уровне молодые китайцы имеют тесную связь с нравственными ценностями межличностных обязательств в рамках традиционной культуры» [33, с. 60]. В силу этого «тема кризиса семьи, обсуждаемая в России и странах Запада, не занимает в научной литературе, посвященной китайской семье, сколько-нибудь значительного места» [25, с. 67].

Другими словами, Китай, как и в случае с экономикой, пошел по пути частичной модернизации семьи, укрепляя традиционные системы через использование новых форм организации [38]. Конфуцианство продолжает оставаться ценностной основой семейных отношений в стране. «Пожизненный родительский долг перед детьми играет столь же важную роль, как сыновний или дочерний — «политика одного ребенка» лишь усилила обе нормы» [25, с. 67]. Тем самым семья продолжает выполнять жизненно необходимую в условиях отсутствия системы всеобщего социального обеспечения функцию экономической поддержки своих членов, как и во времена традиционного общества. Китайский неофамилизм, жестко регулируя рождаемость, «оставляет простор для реализации семейных экономических инициатив ... 85,4% частных фирм в КНР контролируются семьями» [25, с. 66–67].

Теперь рассмотрим, какую роль играет государство в модернизации семьи в России. Тенденции снижения рождаемости, характеризующие завершение демографического перехода, в нашей стране были зафиксированы гораздо раньше, чем в Китае. СКР для городского населения составил 1,935 уже в 1960–1961 гг., а для всего населения — 1,972 в 1969–1970 гг. Небольшой демографический подъем 1984–1985, когда СКР равнялся 2,057¹, остался исключением из правил. Рождаемость снижалась под воздействием объективных исторических процессов — широкого выхода женщин на рынок труда и ускоренной урбанизации. Перепись 1957 г. зафиксировала превышение городского населения над сельским. Произошел переход от расширенной патриархатной семьи сначала к детоцентристской, а затем к супружеской.

Это не было целью государства, а стало побочным эффектом ускоренной экономической модернизации. Формирование советского гендерного контракта «работающая мать» привело к тройной нагрузке женщин (работа по найму, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и пожилыми родственниками). Это не могло не снизить рождаемость. Экономические трудности 1990-х довели ее до критических значений (см. табл.).

В этих условиях государство начинает проводить активную пронаталистскую политику и пытается идти по пути частичной модернизации семьи. 10 лет назад автору с И. Юкиной уже довелось высказать свои соображения по обоснованности такого пути [23]. Посмотрим, изменилось ли что-то за прошедшее время.

Меры российской семейной/демографической политики условно можно разделить на две большие группы — экономические (материальная помощь семьям с детьми, в том числе известный сертификат на получение материнского капи-

¹ Суммарный коэффициент рождаемости // Демографический ежегодник России 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 22.02.2020).

тала при рождении первого/второго/третьего ребенка) и идеологические (пропаганда ценности семьи, детей и семейных отношений). В настоящее время основная ставка сделана на экономические меры.

Оценивая их эффективность, необходимо понимать, что они не в состоянии компенсировать семьям расходы на содержание детей. «Доля малоимущих домохозяйств с детьми в возрасте 16 (18) лет в общей численности населения увеличилась с 60% в 2011 г. до 63% в 2015 г. Причем увеличение этой доли касается только двухдетных семей» [13, с. 108].

Необходимо отметить еще один фактор, во многом обесценивающий меры материальной поддержки семьи, с точки зрения решения государственных задач. А именно преобладание у россиян патерналистской психологии и подданнической политической культуры. Во многом это следствие советской политики социального обеспечения, но и сейчас «бедные слои населения, воспользовавшиеся «стимулами «по повышению рождаемости, сами не предпринимают активных усилий по повышению своего уровня жизни» [13, с. 108]. Как показывают опросы, «большинство населения не удовлетворено малым объемом государственной материальной помощи семьям, а отнюдь не ее «патернализмом». [25, с. 70]. Это характерно и для студенческой молодежи. По данным социологов, снижается число тех, кто полагается преимущественно на собственные силы. В 2007 г. таких было 85,5, в 2019 г. — 80%. «Студенческая молодежь ожидает от государства денежной поддержки, помощи в приобретении или предоставлении жилья и трудоустройстве» [3, с. 209]. Эти данные свидетельствуют, что российская семья в ходе реформ 1990-х не восстановила свою экономическую функцию.

В отличие от Китая помощи в решении своих проблем люди ждут не от семьи, а от государства. Об этом же говорит и низкая доля семейных предприятий в стране. Только в июле 2019 г. Минэкономразвития РФ подготовило законопроект о введении понятия «семейное предприятие», а Минфин начал разрабатывать параметры «семейного патента»¹. Психология патернализма формирует отношения социально-экономической зависимости от государства и загоняет семьи в «ловушку бедности». Это может привести к такой же ситуации, как и в США, когда «в начале XXI в. дети, а не пожилые, стали беднейшей группой» [13, с. 108]. Но бедные семьи никогда не смогут обеспечить нужное качество населения.

Идеологические меры российской семейной/демографической политики связаны с пропагандой традиционных семейных ценностей и традиционной семьи. Однако здесь возникает некая двусмысленность. Государство, говоря о традициях, имеет в виду православные традиции расширенной патриархальной семьи², население имеет в виду советскую семью 1970–1980-х гг. Традиционализм российского населения проявляется не в преклонении перед традициями прошлого, а в неприятии «нетрадиционных» моделей поведения и идей, ассоциируемых с влиянием Запада [25, с. 70].

И та, и другая традиционность недостижимы в принципе. Православная идеология (как и идеология других конфессий) не является господствующей в общественном сознании. Свидетельством этому является отношение россиян к искусственному прерыванию беременности. Хотя государство всячески ограничивает условия легальности этой процедуры, все, на что реально оно может пойти — это

¹ Эксперты оценили перспективы развития семейных предприятий в России. ТАСС. 29 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6711401> (дата обращения: 22.02.2020).

² Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р //Собрание законодательства РФ. 2014. № 35, ст. 4811.

перевести ее в разряд платных медицинских процедур, а также разрешить общественным (религиозным) организациям проводить с беременными различного рода разъяснительную работу. Что касается советской семьи, то она существовала в принципиально иных экономических условиях, когда не было такой сильной имущественной дифференциации, и государство финансировало все учреждения социальной сферы, в силу чего семьи решали совсем иные проблемы, чем сейчас. Думается, что неудачи со стимулированием перехода семей к 2–3-детности связаны также с отсутствием понятных и приемлемых для населения жизненных перспектив. Люди не склонны рождать детей для государства, они хотят рожать их для себя [подробнее см. 22].

Обобщая, можно сделать следующие выводы.

1. Модернизация российской семьи в гораздо большей степени соответствует западному сценарию второго демографического перехода, хотя в стране существуют весьма значительные межрегиональные различия, связанные с этничностью и конфессиональностью населения. Традиции многодетности и расширенной семьи в семье с абсолютным большинством городского населения с начала 1970-х во многом утеряны.

2. Россия вряд ли сможет проводить успешную политику частичной модернизации семьи по образцу Китая, который включил в семейную/демографическую политику дискурс конфуцианства и усиливает экономическую функцию семьи. Это связано с тем, что в стране нет единой ценностной/религиозной основы семейных отношений, а функцию экономической поддержки семьи и граждан еще в советское время взяло на себя государство, сформировав у населения патерналистскую психологию.

3. Следование политике западноевропейских стран, имеющих высокие СКР, требует не только материальной поддержки семей с детьми, но и признание факта существования модернизированной и плюралистичной по форме семьи, по-новому понимающей ценности родительства и брачно-семейных отношений. Исходя из логики модернизации, необходимо в качестве идеала рассматривать не традиционную, а счастливую семью.

Оценивая возможности достижения государством цели стабилизации демографических процессов на базе частичной модернизации семьи, можно сказать, что у Китая их значительно больше. Тенденции индивидуализации не затронули китайское общество столь же глубоко, как российское, городское население превысило сельское только в 2011 г. Мощным фактором, поддерживающим родительский потенциал, становится глубоко укорененная в сознании населения философия конфуцианства.

У России шансов вернуться к доминированию 2–3-детной модели семьи значительно меньше, потому что страна урбанизовалась уже в середине XX в., традиции многодетности населением во многом утеряны, экономические функции семьи ослабли в силу существования развитой системы социального страхования и пенсионного обеспечения. Поощрение государством многодетности мерами материальной поддержки в условиях распространенности у населения патерналистской психологии будет порождать застойную бедность семей с детьми, ограничивать возможности развития человеческого капитала и роста качества населения страны.

Заключение

И в России, и в Китае государство стремится использовать семью как ресурс экономического развития, институциональные различия связаны с отношением самих людей к семье, ее ценности для них, в роли государства в жизни семьи.

В Китае эта роль пока минимальна, традиционализм связан с конфуцианством (взаимной заботой детей и родителей, самообеспечением семьи), переход к политике двухдетности «пока не сопровождается стимулирующими мерами социального характера в масштабах всей страны» [33, с. 59]. В то же время при средних запросах воспитание ребенка городской семье обходится в 20 тыс. юаней в год, тогда как среднедушевой доход горожан составляет чуть более 30 тыс. юаней [27, с. 61]. Родить в таких условиях второго ребенка, значит обречь себя на нищету.

В России, наоборот, ставка сделана на экономические меры поддержки семьи, существуют многочисленные программы государственной помощи семье и детям, с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. в стране реализуется Национальный проект «Демография»¹, развиваются социальные сервисы по уходу за детьми и престарелыми.

Однако, как отмечалось в начале статьи, суммарные коэффициенты рождаемости в наших странах практически одинаковые.

Выдвинутая гипотеза о том, что у Китая больше возможностей стабилизировать демографические процессы за счет частичной модернизации семьи, чем у России, была подтверждена. Данные статистических и социологических исследований свидетельствуют, что традиционная семья оказывается более востребованной в Китае. Социальная политика в этой стране находится на этапе своего формирования, поэтому семья играет роль буфера, смягчающего жесткость реалий рыночной экономики. Для России ценность семьи определяется не столько экономическими мотивами, сколько социально-психологическими, поэтому государству необходимо не де-модернизировать семью, а, напротив, усиливать ее модернизацию, создавая условия, в которых родительство стало бы для населения постматериальной ценностью.

В данном исследовании совсем не был затронут такой важный фактор модернизации семьи, как изменение положения женщины в обществе. Понятно, что движение к гендерному равенству идет вразрез с традициями расширенной патриархальной семьи и многодетности. Однако успешный опыт стран Северной Европы в деле повышения рождаемости говорит, что эта взаимосвязь не так проста и прямолинейна. В Китае данная тематика усугубляется гендерным дисбалансом, сложившимся за время проведения политики «одна семья — один ребенок». Включение гендерного измерения в исследование процессов модернизации семьи в России и Китае — это весьма перспективное направление дальнейшего исследования темы.

Литература

1. Абрамов А. П., Цзе Л. Социокультурная трансформация китайской семейной традиции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 3 (28). С. 171–180.
2. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
3. Андрушина Е. В., Панова Е. А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // Ars Administrandi. Искусство управления. 2019. Т. 11. № 2. С. 200–219.
4. Баженова Е. С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М.: ИД «Форум», 2010.

¹ Паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс]. Доступ URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 01.03.2020).

5. Баженова Е. С. Социально-демографическое развитие КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017–2018: монография. М. : ИД «Форум», 2018. С. 109–119.
6. Баженова Е. С. Китайская семья в условиях новой демографической политики // 13-я пятилетка (2016–2020 гг.) — важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан» / отв. ред. А. В. Островский; сост. П. Б. Каменнов. 2018. С. 97–109.
7. Барлукова О. М. Влияние модернизации Китая и политики планирования деторождения на основные функции китайской семьи // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 104–106.
8. Безрукова О. Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 85–97.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: пер. с нем. М. : Прогресс-традиция, 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/bek_ulrih/obshchestvo_riska_na_puti_k_drugomu_modernu.html (дата обращения: 17.02.2020).
10. Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 108–117.
11. Веселова Л. С. Изменение статуса женщин в современном Китае: новые вызовы и возможности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 6. С. 1455–1465.
12. Григорьева К. В., Котельникова Т. В. Трансформация семейных ценностей среди молодого поколения в Китае // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2015. № 16–2. С. 12–20.
13. Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11 (403). С. 99–110.
14. Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 65–80.
15. Гурко Т. А. Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 77–85.
16. Доброхлеб В. Г., Баллаева Е. А. Региональная динамика рождаемости и соотношение демографической, семейной и гендерной политики // Народонаселение. 2017. № 4 (78). С. 44–55.
17. Доброхлеб В. Г., Баллаева Е. А. Семья перед лицом новых социальных вызовов // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 2. С. 60–68.
18. Елисеева И. И., Клупт М. А. Трансформация семьи в России и Китае: сравнительный анализ // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 53–65.
19. Калабихина И. Е. Современная социально-демографическая политика в России: есть ли преемственность в концептуальных подходах в документах 2007–2017 гг. // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 14–28.
20. Кашина М. А. Занятость женщин на российской гражданской службе: баланс последствий для семьи и государства // Управленческое консультирование. 2019. № 9 (129). С. 19–33.
21. Кашина М. А. Малодетность в России и Китае: сходство результатов при различии причин // Демографические проблемы России: взгляд из прошлого в будущее (к 300-летию М. В. Ломоносова) : Материалы международной конференции 26–27 сентября 2011. СПб. : Нестор-История, 2012. С. 52–65.
22. Кашина М. А. Социально-демографическая политика государства: в поисках гармонии интересов государства и населения // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (Девятые Валентеевские чтения) : сб. статей и тезисов выступлений. М. : Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 53–62.
23. Кашина М. А., Юкина И. И. Российская демографическая политика: опыт гендерного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 1(46). С. 109–123.
24. Клупт М. А. Региональные альтернативы глобального демографического развития // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 66–77.
25. Клупт М. А. Семья в России и Китае: между реформами и традицией // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 65–75.

26. Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции [Электронный ресурс]. URL: http://ecsosman.hse.ru/data/2013/02/11/1251420074/Kon_Tri%20v%20odnom_2011_1.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
27. Куприянова Ю. А., Янишевская А. И. Новая демографическая политика в Китае: «одна семья — два ребенка» // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 53–64.
28. Ли С. Семья в состоянии «пустого гнезда» // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 1 (44). С. 211–222.
29. Ли С. Формирование и особенности семейной политики в КНР // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7. № 1. С. 138–142.
30. Миняжев Т. Р., Вэй Жочжу. Социологическая оценка изменений в развитии института семьи в КНР как объекта семейной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 304–311.
31. Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / под ред. И. И. Елисеевой. СПб. : Реноме, 2018.
32. Савченко А. В. Китайская семья в начале XXI в.: традиции и реалии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 242–244.
33. Сивинцева О. В. Пронаталистский поворот в Китае: возврат к традиционным семейным ценностям или новая реальность? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. Т. 13. № 3. С. 54–67.
34. Симонова А. И. Китайский опыт в политике планирования рождаемости: результаты и последствия // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Совет молодых ученых ИДВ РАН. 2017. С. 114–122.
35. Цыпилова С. С. Положение женщины в современном китайском обществе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (61). С. 158–163.
36. Челнокова-Щейка А. В. Трансформация семейных ценностей в современном Китае // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 309–314.
37. Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008.
38. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации, распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасов. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 470–480.

Об авторе:

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; Kashina-ma@ranepa.ru

References

1. Abramov A. P., Ze L. Sociocultural transformation of the Chinese family tradition // News of Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment]. 2018. V. 8. N 3 (28). P. 171–180. (In rus)
2. Almond G. A., Verba S. Civic culture and stability of democracy [Electronic resource]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf (case date: 17.02.2020). (In rus)
3. Andryushina E. V., Panova E. A. Influence of state policy on family strategies of student youth // Ars Administrandi. The art of management [Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya]. 2019. V. 11. N 2. P. 200–219. (In rus)
4. Bazhenova E. S. 1 300 000 000. Chinese population: development strategy and population policy. M.: Forum Publishing House, 2010. 303 p. (In rus)
5. Bazhenova E. S. Socio-demographic development of the PRC // People's Republic of China: politics, economics, culture 2017–2018: monograph. M.: Forum Publishing House, 2018. P. 109–119. (In rus)
6. Bazhenova E. S. The Chinese family in the conditions of a new demographic policy // In the collection: the 13th five-year plan (20162020) is the most important stage in the con-

- struction of a small welfare society in China “xiaokang” / Ex. ed. A. V. Ostrovsky; cillection P. B. Kamennov. 2018. P. 97–109. (In rus)
7. Barlukova O. M. The impact of China's modernization and childbearing planning policies on the basic functions of the Chinese family // Bulletin of Buryat State University [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2013. N 14. P. 104–106. (In rus)
 8. Bezrukova O. N. Models of parenthood and parental potential: intergenerational analysis // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2014. N 9 (365). P. 85–97. (In rus)
 9. Beck W. Risk Society. On the way to another Art Nouveau. M.: Progress-tradition, 2000 [Electronic Resource] URL: https://royallib.com/book/bek_ulrih/obshchestvo_riska_na_puti_k_drugomu_modernu.html (case date: 17.02.2020). (In rus)
 10. Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. How to dispose of «maternal capital» or citizens in family policy // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2012. N 7. P. 108–117. (In rus)
 11. Veselova L. S. Changing the status of women in modern China: new challenges and opportunities // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities [Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2018. V. 160. N 6. P. 1455–1465. (In rus)
 12. Grigorieva K. V., Kotelnikova T. V. Transformation of family values among the younger generation in China // Russia and China: problems of strategic interaction: collection of the Eastern Center [Rossiya i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviya: sbornik Vostochnogo tsentra]. 2015. N 16-2. P. 12–20. (In rus)
 13. Gurko T. A. New family forms: trends in distribution and concepts // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017. N 11 (403). P. 99–110. (In rus)
 14. Gurko T. A. Student perceptions regarding parenthood and the social roles of men and women // Sociological science and social practice [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika]. 2019. V. 7. N 2 (26). P. 65–80. (In rus)
 15. Gurko T. A. Reproductive plans of spouses and factors affecting them // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2014. N 9 (365). P. 77–85. (In rus)
 16. Dobrokhelev V. G., Ballaeva E. A. Regional fertility dynamics and ratio of demographic, family and gender policies // Population [Narodonaselenie]. 2017. N 4 (78). P. 44–55. (In rus)
 17. Dobrokhelev V. G., Ballaeva E. A. Family in the face of new social challenges // Population [Narodonaselenie]. 2018. V. 21. N 2. P. 60–68. (In rus)
 18. Eliseeva I. I., Klupt M. A. Transformation of the family in Russia and China: comparative analysis // Questions of statistics [Voprosy statistiki]. 2016. N 8. P. 53–65. (In rus)
 19. Kalabikhina I. E. Modern socio-demographic policy in Russia: is there continuity in conceptual approaches in the documents 2007–2017 // Woman in Russian society [Zhenshchina v rossiiskom obshchestve]. 2019. N 4. P. 14–28. (In rus)
 20. Kashina M. A. Employment of women in the Russian civil service: balance of consequences for the family and the state // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 9 (129). P. 19–33. (In rus)
 21. Kashina M. A. A few children in Russia and China: similarity of results in distinguishing causes // Demographic problems of Russia: a look from the past to the future (to the 300th anniversary of M. V. Lomonosov): Materials of the international conference on September 26, 27, 2011. St. Petersburg: Nestor-History, 2012. P. 52–65. (In rus)
 22. Kashina M. A. Socio-demographic policy of the state: in search of harmony between the interests of the state and the population // Demographic education and population studies at universities (Ninth Valenteev readings): a collection of articles and theses of speeches. M.: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, 2017. P. 53–62. (In rus)
 23. Kashina M. A., Yukina I. I. Russian demographic policy: experience in gender analysis // Journal of Sociology and Social Anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2009. V. 12. N 1 (46). P. 109–123. (In rus)
 24. Klupt M. A. Regional alternatives to global demographic development // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2012. N 2. P. 66–77. (In rus)
 25. Klupt M. A. Family in Russia and China: between reforms and tradition // Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2019. N 5. P. 65–75. (In rus)
 26. Kon I. S. Three in one: sexual, gender and family revolutions [Electronic resource] URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/11/1251420074/Kon_Tri%20v%20odnom_2011_1.pdf (date of address: 17.02.2020). (In rus)

27. Kupriyanova Yu. A., Yanishevskaya A. I. New demographic policy in China: «one family — two children» // Demographic review [Demograficheskoe obozrenie]. 2017. V. 4. N 2. P. 53–64. (In rus)
28. Lee S. The family is in a state of “empty nest” // Bulletin of Pacific State University [Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2017. N 1 (44). P. 211–222. (In rus)
29. Lee S. Formation and features of family policy in the PRC // Scientific notes TOSU [Uchenye zametki TOGU]. 2016. V. 7. N 1. P. 138–142. (In rus)
30. Minyazhev T. R., Wei Zhonghu. Sociological assessment of changes in the development of the family institute in China as an object of family policy // Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Sociology [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya]. 2016. V. 16. N 2. 3. 304–311. (In rus)
31. The new significance of the family and intergenerational relations for Russia and China / ed. I. I. Eliseeva. St. Petersburg: Renome, 2018. 208 p.
32. Savchenko A. V. Chinese family at the beginning of the 21st century: traditions and realities // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2013. N 8. P. 242–244. (In rus)
33. Sivintseva O. V. Pronatalist turn in China: a return to traditional family values or a new reality ? // Bulletin of Perm University. Series: Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya]. 2019. V. 13. N 3. P. 54–67. (In rus)
34. Simonova A. I. Chinese experience in fertility planning policy: results and consequences // Architecture of security and cooperation in East Asia reports presented at the IV international conference of young orientalists at the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; Council of Young Scientists IFE RAS. 2017. P. 114–122. (In rus)
35. Tsypilova S. S. The situation of women in modern Chinese society // Scientific notes of Transbaikal State University [Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta]. 2015. N 2 (61). P. 158–163. (In rus)
36. Chelnokova-Shcheika A. V. Transformation of family values in modern China // Knowledge. Understanding. Ability [Znanie. Ponimanie. Umenie]. 2013. N 4. P. 309–314. (In rus)
37. Chernova Zh. V. Family policy in Europe and Russia: gender analysis. St. Petersburg: Norma, 2008. 328 p. (In rus)
38. Eisenstadt S. The new paradigm of modernization is the decay of the early paradigm of modernization and the revision of the relationship between tradition and modernity // Comparative study of civilization: Textbook for university students, collection, edition of B. S. Erasov. M.: Aspect Press, 1998. P. 470–480. (In rus)

About the author:

Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; Kashina-ma@ranepa.ru

Трансформационное лидерство и партисипативность государственного и муниципального управления: анализ современных тенденций

Куценко Д. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; dkutsenko-17-01@edu.ru

РЕФЕРАТ

Целью данной статьи является обоснование новой роли муниципального чиновника — роли трансформационного лидера, деятельность которого все в большей степени связана с внедрением партисипативного управления, с развитием участия граждан и через это участие — прогрессивными изменениями местного сообщества и муниципалитета. Методом исследования выступил теоретический анализ зарубежного опыта использования социальных технологий на местном уровне, который позволил сформировать теоретическую модель трансформационного лидерства. Формирование подобной модели важно с точки зрения развития ключевых компетенций муниципальных чиновников в ближайшем будущем. Эмпирическое подкрепление теоретического анализа было получено через контент-анализ документов, опубликованных на сайте Губернатора Санкт-Петербурга (<https://www.gov.spb.ru/governor>). Проведенное исследование позволило сделать вывод, что трансформационное лидерское поведение муниципальной власти направлено на увеличение партисипативности в управлении, миссию валентности в соотношении четких и привлекательных приоритетов развития на муниципальном, региональном и федеральном уровнях с интересами локальных сообществ. Постоянная необходимость решения новых социально-политических задач и противоречий муниципальными лидерами означает непрерывный поиск баланса между эффективностью и справедливостью, а результативность такого баланса зависит от трансформационного потенциала муниципальных управленцев. Партисипативный стиль муниципального управления предполагает использование трансформационными лидерами социальных технологий для участия общественности в государственном и муниципальном управлении. Трансформационное лидерство основывается на принципах демократизма, оперативности, эффективности, открытости, верховенства права, этичности, компетентности, инновационности, устойчивости, результативности, подотчетности. Оно позволяет заново восполнить дефицит государственных ресурсов, увеличивающийся в связи с кризисными явлениями в экономике, а также с неоправданным и избыточным расширением объема социальных услуг и увеличения количества категорий их получателей. Трансформационное лидерство предполагает достижение консенсуса различными социальными группами, поиск баланса между экономической рациональностью и социальной справедливостью, между экстенсивным ростом и устойчивым развитием, не наносящим вреда окружающей среде. Это становится главной задачей власти любого уровня, в первую очередь, власти муниципальной, как находящейся ближе всего к точке возникновения проблем и поиску их оптимального решения.

Ключевые слова: лидерство, муниципальное управление, партисипаторность, трансформация государственного управления

Для цитирования: Куценко Д. О. Трансформационное лидерство и партисипативность государственного и муниципального управления: анализ современных тенденций // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 191–200.

Transformational Leadership as a Source of Participatory Governance

Dariya O. Kutsenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; dkutsenko-17-01@edu.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to justify the new role of the municipal official, i.e. the role of a transformation leader, whose activity is increasingly connected with the introduction of participatory governance, with the development of citizen participation and through this participation, progressive changes in the local community and the municipality as a whole. The method of research was theoretical analysis of foreign experience in the use of social technologies at the local level, which made it possible to form a theoretical model of transformational leadership. The formation of such a model is important from the point of view of developing key competencies of municipal officials in the near future. Empirical support for the theoretical analysis was obtained through content analysis of documents published on the website of the Governor of St. Petersburg (<https://www.gov.spb.ru/governor>). The research made it possible to conclude that transformational leadership behavior of municipal authorities is aimed at increasing the participatory nature of governance, the mission of valence in the ratio of clear and attractive development priorities at the municipal, regional and federal levels with the interests of local communities. The constant need to solve new social and political problems and contradictions by municipal leaders means a continuous search for a balance between efficiency and fairness, and the effectiveness of this balance depends on the transformational potential of municipal managers. The participatory style of municipal management implies that transformation leaders use social technologies for public participation in state and municipal management. Transformational leadership is based on the principles of democracy, efficiency, effectiveness, openness, rule of law, ethics, competence, innovation, sustainability, performance, and accountability. It makes it possible to replenish the deficit of public resources, which is increasing due to economic crises, as well as unjustified and excessive expansion of social services and the number of their recipients. Transformative leadership involves reaching consensus among different social groups, finding a balance between economic rationality and social justice, between extensive growth and environmentally friendly sustainable development. This becomes the main task of any level of government, primarily the municipal government as the closest to the place where problems arise and the search for optimal solutions.

Keywords: leadership, municipal management, participatory approach, transformation of public administration

For citing: Kutsenko D. O. Transformational Leadership as a Source of Participatory Governance // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 191–200.

Введение

В условиях постоянных изменений, социальной и экономической напряженности, существующих в современном мире, в условиях доступности информации и свободы коммуникации, нарастающих в эпоху глобализации, ответственность за социально-экономическое развитие, политическую стабильность и смягчение социальной напряженности все чаще ложится на местных чиновников [3]. Взаимодействие муниципальных служащих с городским населением может и должно основываться на идеологии «добросовестного управления», которая закладывает основы управления не только в области верховенства закона, равных прав, эффективности и результативности управления, прозрачности и подотчетности, но и вовлечения населения во взаимодействие с органами местного самоуправления. Это в том числе подразумевает концепцию партисипативной демократии, в которой три основных компонента являются системными: гражданское участие, общественные дискуссии и расширение прав и возможностей граждан [1; 12; 20]. В современном мире счи-

тается важным участие граждан в процессах принятия решений, оперативное реагирование должностных лиц на требования и проблемы общества и их ориентация на общественный консенсус. Более того, в этой идеологии особое место в эффективном взаимодействии с гражданами принадлежит гражданскому сектору, некоммерческим организациям как институтам гражданского общества. В связи с развитием новой практики управления во всем мире, благодаря активности и уровню образования людей растет гражданская активность, желание жителей крупных городов участвовать в развитии городских пространств и определять векторы социально ориентированной городской политики.

Местные чиновники при этом становятся трансформационными лидерами, а местные сообщества — субъектами патрисипативного управления. Взаимозависимость этих субъектов в современном обществе становится ключевым условием социального развития. Технологии социального участия используются как на государственном, так и на местном уровне, в большинстве стран мира. Анализ зарубежной практики демонстрирует, что именно на местном уровне технологии участия в социальной жизни оказались наиболее эффективными и действенными [1; 13]. В России же разговоры о партисипативно ориентированных социальных технологиях и трансформационном лидерстве ведутся сравнительно недавно, и сегодня, несмотря на готовность граждан участвовать в управлении, местная власть все еще мало заинтересована в принятии решений, основанных на широком участии.

Тем значительнее оказывается социально-политическая роль муниципальных чиновников в процессах трансформации управленческих практик, в их перестройке в рамках современных тенденций практической демократизации государственного управления на местном уровне. Целью данной статьи является обоснование новой роли муниципального чиновника — роли трансформационного лидера, деятельность которого все в большей степени связана с внедрением партисипативного управления, с развитием участия граждан и через это участие — прогрессивными изменениями местного сообщества и муниципалитета в целом. Анализ зарубежного опыта использования социальных технологий на местном уровне позволит сформировать теоретическую модель трансформационного лидерства. Формирование подобной модели важно с точки зрения развития ключевых компетенций муниципальных чиновников в ближайшем будущем.

Теоретические основы

Современные исследователи рассматривают практические действия элитной группы государственных руководителей, делая акцент на коллективные аспекты руководства. Акцент на лидерство и историю охватывает «поворот», переосмысление в науке государственного управления. Призывая исследовать, изучать отличительные параметры повседневных действий руководства, которые превращают муниципальных чиновников в трансформационных лидеров, ученые анализируют четыре способа, в которых осуществляется такое руководство: призыв к эмоциональной связи и приверженности к государственной службе, чувство организационной реальности, размышления (рефлексия о практике, методах и предположениях), а также управленческие отношения с политиками [19]. Современные исследования уделяют внимание влиянию лидерства путем генерирования выразительных нарративных изложений, историй, не происходящих из бюрократической власти. Именно в отказе от традиционных бюрократических корней воздействия на гражданское поведение заключается трансформационный потенциал муниципального лидерства.

Трансформационное лидерское поведение муниципальной власти направлено на увеличение партисипативности в управлении, миссию валентности в соотношении четких и привлекательных приоритетов развития на муниципальном, регио-

нальном и федеральном уровнях с миссией того или иного сообщества. В научной литературе сравнительные примеры в рамках государственной или местной модели управления посвящены проблеме положения базовых органов самоуправления. Основные модели включают англосаксонские и континентальные [2], хотя многие практики, существующие в рамках различных правовых и политических систем, демонстрируют разнообразные вариации, поэтому их обобщение может быть выполнено только на теоретическом уровне. В то же время доказанным является и тот факт, что англосаксонская модель в большей степени предполагает автономию местных органов власти, избирательность, косвенное государственное влияние; для континентальной модели — ограниченная автономия, назначение должностных лиц, совмещение местных органов власти с государственной властью на одном уровне, прямой государственный контроль.

Исследователи неоднократно подтверждали роль местного самоуправления в динамике политического режима. Недемократические режимы представляют собой лишь «фасад» коммуникаций между местными общинами и государственными органами власти, в то время как в демократических странах они предназначены для удовлетворения потребностей и интересов субъектов местного сообщества [12]. Как правило, современные конституции регулируют объем полномочий и ресурсов органов местного самоуправления. Они могут изложить основные принципы местного самоуправления или подробно описать порядок создания местных органов власти. В унитарных или квазифедеральных государствах система государственной власти может формально включать в себя местное самоуправление, хотя иногда оно может иметь автономию и принимать различные формы. Например, в унитарных государствах Южной и Восточной Европы исторически сложившийся централизм постепенно сменяется регионализацией и децентрализацией. В то же время в системах с двумя уровнями самоуправления более высокие уровни местного самоуправления в основном ориентированы на сотрудничество с муниципалитетами для смягчения их высокой фрагментации [17]. При этом местное самоуправление в мегаполисах, федеральных столицах или городах с региональным статусом может иметь особый порядок формирования, более узкие полномочия или, наоборот, расширенные полномочия. Разнообразие форм управления во внутригородских единицах связано также с различиями в статусе самих городов. Они могут быть независимыми муниципалитетами (Чикаго), регионами (Лондон) или иметь особый статус (Нью-Дели). Районная администрация данного города может также зависеть от его позиции в административно-территориальном делении государства.

В зарубежной литературе фрагментированное местное управление часто сравнивается с рыночным механизмом: конкуренция между поставщиками повышает эффективность муниципальных услуг, что в конечном итоге приносит пользу гражданам. Однако фрагментация местного самоуправления может по-разному влиять на благосостояние разных групп граждан. Поэтому ряд европейских стран рассматривает возможность объединения местных органов власти с целью сокращения расходов [18]. Объединение и укрупнение муниципалитетов приводит в конечном итоге к региональному развитию и экономической интеграции [25]. В то же время исследования демонстрируют, что муниципальная интеграция не всегда приводит к позитивным материальным результатам для населения [23; 25]. Иногда вследствие такой интеграции муниципалитеты включаются в политическую повестку дня не в целях сотрудничества и интеграции, а для того, чтобы воспользоваться ранее недоступными возможностями для повышения их индивидуальной экономической конкурентоспособности. Азиатские страны децентрализуют и создают местные органы власти, чтобы они в большей степени учитывали местные потребности. Недавние исследования в Дании показывают, что рост населения негативно влияет на удовлетворенность граждан местным самоуправлением [24]. Другие

исследования показали, что территориальная интеграция негативно сказывается на явке избирателей [21; 22].

Постоянная необходимость решения подобных задач и противоречий муниципальными лидерами означает непрерывный поиск баланса между эффективностью и справедливостью, а результативность такого баланса зависит от трансформационного потенциала муниципальных управленцев. Так, исследования демонстрируют эффективность многоуровневой системы управления, в которой задействованы как сильные стороны всех уровней власти, так и граждане. Авторы показывают, что местная политика более эффективна там, где координирующую и трансформационную роль берут на себя управленцы, но население активно участвует в решении проблем [8; 18; 23]. Иногда даже говорят о «региональном парадоксе», противоречии «центробежности» автономных местных органов власти и «центростремительности» региональной политики. С точки зрения исследователей, обе тенденции воплощаются в фрагментированном регионализме — при сохранении местного самоуправления региональные органы власти могут оказывать значительное влияние на местную политику [26].

В научном дискурсе партисипативность означает активное участие граждан, их вовлечение в различные виды деятельности коллективного характера с привлечением всех заинтересованных сторон: представителей власти, городского сообщества и бизнеса [3; 26]. Технологии широкого участия все шире используются в социальной, культурной и политической сферах. Партисипативный стиль муниципального управления предполагает использование трансформационными лидерами социальных технологий для участия общественности в государственном и муниципальном управлении. Социальные технологии характеризуются как совокупность методов воздействия для решения различных социальных проблем [4; 7]. В частности, партисипативные социальные технологии подразумевают достаточно сложный порядок действий [5], направленный на определение проблемы, которая требует совместного решения; формирование структуры участников с каждой стороны; определение готовности каждой из сторон к конструктивному диалогу; обоснование правового статуса общественных объединений и самоуправлений при взаимодействии; создание «связующего звена» между гражданами и муниципальными властями с целью получения конструктивного диалога.

Организация мобилизации и вовлечения граждан может принимать различные формы, соответствующие различным местным проблемам и различным способам их решения [14]. Участие посредством диалога с заинтересованными сторонами выполняет образовательную функцию. Как правило, граждане учатся в процессе осознания проблем посредством общественного диалога, обсуждений и сотрудничества. Роль профессионалов третьего сектора заключается в содействии способности граждан лучше понять суть проблемы и процессы ее коллективного решения [6].

Результаты и обсуждение

Теоретический анализ продемонстрировал, что партисипативность основывается на трансформационном лидерстве и в любой из моделей муниципального управления зависит от трансформационного потенциала муниципальных лидеров. Технологии участия — важное направление, которое начинает активно продвигаться некоммерческим сектором в городском развитии. В современных городских проектах граждане играют сравнительно новую социальную роль в качестве специалистов, профессионалов и чиновников, которые участвуют в отборе, разработке и реализации городских проектов по благоустройству общественных мест и пространств. Однако это участие с большей вероятностью будет эффективным в ситуации управленческой, реализованной муниципальным лидером.

Партисипативные технологии тесно связаны с организацией локальных мероприятий, с образовательной деятельностью в духе серьезного досуга, которые способствуют формированию нового типа взаимодействия граждан, формированию городских сообществ по интересам и потребностям и обеспечению их видимости. В целом, такой подход повышает интерес общественности к влиянию общественных пространств, здоровой городской среды на качество жизни. В рамках схемы партисипативного проектирования местным сообществам удалось не только разработать различные творческие дизайнерские проекты и заполнить общественные пространства, но и вовлечь жителей в процессы проектирования, чтобы планировать эффективное использование городских территорий на основе общественного спроса, при этом понимая возможности, традиции и привычки жителей. Диалог с гражданским обществом и сотрудничество с гражданами расширяют ресурсную базу деятельности в интересах местного сообщества: повышается степень разнообразия навыков, которыми владеют граждане; могут быть достигнуты более масштабные результаты; укрепляется легитимность деятельности органов власти, пользующихся широкой общественной поддержкой; возникает активное взаимодействие между различными секторами [9; 15; 16].

Одним из наиболее часто встречающихся на муниципальном уровне проектов, способствующих развитию партисипативности, является бюджетирование инициатив в рамках глобальной тенденции к расширению участия местных сообществ в определении путей развития своих поселений. В странах ЕС этот феномен называется «развитие под руководством общин» (Communities Leading Development, CLD) [14]. В каждой стране приверженность граждан различна, однако везде главной целью трансформационных лидеров является активное участие граждан в процессе принятия решений. Это особенно важно, когда решения непосредственно затрагивают территориальные общины. Проактивное бюджетирование было внедрено как в крупных, так и в малых городах Европы. Крупнейший совместный бюджет в 2014 г. был разработан в Париже; в 2018 г. в Российской Федерации в разработке проактивного бюджета было задействовано более 50 субъектов (в 2017 г. — 43, в 2016 г. — 27) [10].

В Санкт-Петербурге в рамках проекта «Твой бюджет» в 2019 г. было предложено более 7,5 тыс. идей по улучшению городской среды. Это в 12 раз превышает уровень 2016 г. (766 предложений), когда данный проект партисипативного управления только начинался. Победными, заслуживающими внимания и финансирования, были признаны 17 проектов на общую сумму 84 млн руб. Достичь такого роста активности граждан, с нашей точки зрения, позволила реализация принципов трансформационного лидерства в Санкт-Петербурге. На предвыборных дебатах временно исполняющий обязанности Губернатора Санкт-Петербурга А.Д. Беглов поставил цель включить Санкт-Петербург в двадцатку лучших городов мира. В его программе была поставлена задача сделать Петербург социальным, комфортным, умным и открытым городом, что и позволит достичь этой глобальной цели. Главным условием для достижения данной цели Беглов озвучил опыт управленческой работы и создание хорошей команды тех, кого в рамках данной статьи мы назвали трансформационными лидерами. Контент-анализ документов, опубликованных на сайте Губернатора (<https://www.gov.spb.ru/governor>), позволяет нам сделать вывод, что трансформационное лидерство в Санкт-Петербурге основывается на принципах демократизма (реализация открытого конкурса проектов по улучшению городской среды или проектов партисипативного бюджетирования), оперативности (быстрая реакция управляющей системы на запросы жителей и учет их мнения), эффективности (максимально возможные результаты в интересах жителей), открытости (полный доступ жителей к информации о деятельности органов власти и принимаемых ими решений, в том числе, на этапе их подготовки), верховенства права (абсолютное следование норме закона и его духу), этичности (особые требования к муниципальным служащим), компетентности (комплексный и рациональный подход к про-

цессу управления в свете новых тенденций развития), инновационности (достижение максимально возможных результатов в условиях быстро меняющейся внешней среды), устойчивости (стремление к сохранению окружающей среды для будущих поколений), результативности (способность реализовывать большее количество программ и проектов на основе имеющихся ресурсов), подотчетности (выступает как средство обеспечения обратной связи жителей с муниципалитетом).

Трансформационное лидерство муниципальных органов власти позволяет заново восполнить дефицит государственных ресурсов, увеличивающийся в связи с кризисными явлениями в экономике, а также с неоправданным и избыточным расширением объема социальных услуг и увеличения количества категорий их получателей. В целом, отношение к гражданину как пассивному потребителю услуг, предоставляемых государством, вырабатывает соответствующую позицию, не способствующую развитию индивидуума как активной, самостоятельной и самодостаточной личности [12]. Эта проблема стоит перед российскими муниципалитетами в связи с ярко выраженной патерналистской ориентацией населения и его неумением и нежеланием активно включаться в жизнь местного сообщества, в локальные процессы трансформации городской среды, а также в связи с неверием в возможность повлиять на ход процессов. Трансформационное лидерство, таким образом, предполагает достижение консенсуса различными социальными группами, поиск баланса между экономической рациональностью и социальной справедливостью, между экстенсивным ростом и устойчивым развитием, не наносящим вреда окружающей среде. Это становится главной задачей власти любого уровня, в первую очередь, власти муниципальной, как находящейся ближе всего к месту возникновения проблем и поиску их оптимального решения.

Трансформационное лидерство в условиях городской среды призвано стать тем координатором, который поможет гражданам и общественным организациям активно включиться в жизнь муниципального образования, города, региона; реализовать принципы эффективного управления — эффективного не с точки зрения простой экономии публичных ресурсов, но соответствующего запросам местного сообщества и способного развивать его человеческий потенциал. К основным инструментам, способным обеспечить такое взаимодействие, можно отнести: создание общественного правительства, государственные и полугосударственные предприятия, сотрудничество с общественными организациями; контракты, закупки, системы выбора исполнителя; финансирование через гранты (в основном для общественных организаций); партнерство (государственно-частное, региональное и национальное), координацию волонтерской работы, гражданский диалог, иницируемые потребителями разработки и инновации в сфере общественного благосостояния, соглашения и договоры со структурами гражданского общества, консультации, проектное и сетевое сотрудничество. Каждому муниципалитету необходима идея, способная стать механизмом, объединяющим жителей и способствующим интенсивному развитию всего муниципалитета в целом и каждого его жителя. Потенциал технологий участия практически не ограничен в творческих принципах, но требует профессионального управления процессами и владения технологиями проектирования со стороны трансформационных лидеров — тех муниципальных управленцев, кто непосредственно использует новейшие инструменты партисипативности в практике развития города.

Литература

1. Агеева А. Н. Партисипативные социальные технологии принятия муниципальных управленческих решений в зарубежных странах // *Juvenis scientia*. 2017. № 8. С. 38–41.
2. Аллегретти Д., Реке А., Сентоме И., Херцберг К. Партисипативный бюджет: разнообразие форм и моделей // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2013. № 2. С. 5–23.

3. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004.
4. Ерашова О. В. Вопросы стратегического развития муниципальных образований // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 1. С. 39–44.
5. Закирова Ю. А., Хуснутдинова С. Р., Касимова А. Р. Методика партисипативного проектирования городской среды в современном российском градостроительстве // Известия КазГАСУ. 2016. № 1 (35). С. 81–86.
6. Карлина А. А., Рязанов Д. И. Партисипативные принципы публичного управления социально-экономическим развитием города // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 4. С. 44–51.
7. Лапыгин Ю. Н., Лапыгин Д. Ю. Управленческие решения. М. : Эксмо, 2009.
8. Перезолова А. С. Практики партисипативного управления в публичной политике // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2018. № 1. С. 122–130.
9. Садовникова Н. П., Санжапов Б. Х., Парыгин Д. С., Гнедкова Е. П. Партисипативное управление развитием города. Механизмы реализации на основе информационных технологий // Биосферная совместимость: Человек, регион, технологии. 2013. № 3. С. 80–85.
10. Сергеева С. Ю. Динамика социальной активности объединений граждан в современной России. Итоги экспертного опроса // Вестник Международного института рынка. 2016. № 1. С. 137–143.
11. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12. С. 6–15.
12. Ansell C., Gash A. Collaborative governance in theory and practice. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2008. 18. P. 543–571.
13. Aragonès E., Sanchéz-Pagés S. A Model of Participatory Democracy: Understanding the Case of Porto Alegre. *European Economic Review*. 2005. 53 (1). P. 1–43.
14. Bardhan P., Mookherjee D. Capture and governance at local and national levels. *American Economic Review*. 2000. 90 (2). P. 135–139.
15. Barnes M., Newman J., Knops A., Sullivan H. Constituting “the public” in public participation. *Public Administration*. 2003. 81. P. 379–399.
16. Borja J., Castells M. Local and Global. *The Management of Cities in the Information Age*. London : Earthscan & Habitat, 1997.
17. Boulding C., Wampler B. Voice, votes, and resources: Evaluating the effect of participatory democracy on well-being. *World Development*. 2009. 38. 125–135.
18. DeCaro F. A., Stokes M. K. Public Participation and Institutional Fit: A Social-Psychological Perspective. *Ecology and Society*. 2013. 18 (4). P. 40.
19. Fischer F. Citizens, Experts, and the Environment. *The Politics of Local Knowledge*. Durham : Duke University Press, 2000.
20. Foth M., Brynkskov M. Participatory action research for civic engagement. In: Gordon E., Mihailidis P. (eds.). *Civic media: Technology, design, practice*. Cambridge, MA : MIT Press, 2016.
21. Ganuza E., Baiocchi G. The Power of Ambiguity: How Participatory Budgeting Travels the Globe. *Journal of Public Deliberation*. 2012. 8 (2). P. 1–12.
22. Goodhart M., Fung A., Gauri V. *Democratic Imperatives: Innovations in Rights, Participation, and Economic Citizenship*. Washington, DC : American Political Science Association, 2012.
23. Innes J. E., Booher D. E. (). *Reframing public participation: Strategies for the 21st century*. Planning Theory & Practice. 2004. 5. (4). P. 419–436.
24. Kübler D., Rochat P. E., Woo S. Y., van der Heiden N. Strengthen governability rather than deepen democracy: why local governments introduce participatory governance. *International Review of Administrative Sciences*. 2019.
25. Kwaja A. I. Can good projects succeed in bad communities? *Journal of Public Economics*. 2009. 93 (7–8). P. 899–916.
26. Mahadevia D. Institutionalising spaces for negotiations for the urban poor: New vocabulary for urban planning. *Inclusive Urban Planning: State of the Urban Poor Report 2013*. New Delhi : Oxford University Press, 2014.

Об авторе:

Куценко Дарья Олеговна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); dkutsenko-17-01@edu.ru

References

1. Ageeva A. N. Participative social technologies for making municipal management decisions in foreign countries // *Juvenis scientia*. 2017. N 8. P. 38–41. (In rus)
2. Sintomer Y., Herzberg C., Röcke A., Allegretti G. Partisipative budget and its diversity // *Municipality: economics and management [Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie]*. 2013. N 2. P. 5–23. (In rus)
3. Giddens E. A slipping world: how globalization is changing our lives. M.: The whole world, 2004. (In rus)
4. Erashova O. V. Issues of strategic development of municipalities // *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management [Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya]*. 2016. N 1. P. 39–44. (In rus)
5. Zakirova Yu. A., Khusnutdinova S. R., Kasimova A. R. Methodology of participative design of the urban environment in modern Russian urban planning // *Izvestia KazSASU [Izvestiya KazGASU]*. 2016. N 1 (35). P. 81–86. (In rus)
6. Karlina A. A., Ryazanov D. I. Partisipative principles of public management of the socio-economic development of the city // *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management [Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya]*. 2016. N 4. P. 44–51.
7. Lapygin Yu. N., Lapygin D. Yu. Management decisions. M.: Eksmo, 2009. (In rus)
8. Perezolova A. S. Practices of partisipative management in public policy // *Bulletin of RUDN. Series: Political Science [Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya]*. 2018. N 1. P. 122–130. (In rus)
9. Sadovnikova N. P., Sanzhapov B. Kh., Parygin D. S., Gnedkova E. P. Partisipative management of city development. Mechanisms of implementation based on information technologies // *Biosphere compatibility: Man, region, technologies [Biosfernaya sovместimost': Chelovek, region, tekhnologii]*. 2013. №3. P. 80–85. (In rus)
10. Sergeeva S. Yu. Dynamics of social activity of associations of citizens in modern Russia. Results of expert survey // *Bulletin of the International Market Institute [Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka]*. 2016. N 1. P. 137–143. (In rus)
11. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New socio-political normality and lessons in modernization of the post-Soviet public administration system // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2016. N 12. P. 6–15. (In rus)
12. Ansell C., Gash A. Collaborative governance in theory and practice. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2008. 18. P. 543–571.
13. Aragonès E., Sanchéz-Pagés S. A Model of Participatory Democracy: Understanding the Case of Porto Alegre. *European Economic Review*. 2005. 53 (1). P. 1–43.
14. Bardhan P., Mookherjee D. Capture and governance at local and national levels. *American Economic Review*. 2000. 90 (2). P. 135–139.
15. Barnes M., Newman J., Knops A., Sullivan H. Constituting “the public” in public participation. *Public Administration*. 2003. 81. P. 379–399.
16. Borja J., Castells M. Local and Global. *The Management of Cities in the Information Age*. London : Earthscan & Habitat, 1997
17. Boulding C., Wampler B. Voice, votes, and resources: Evaluating the effect of participatory democracy on well-being. *World Development*. 2009. 38. P. 125–135.
18. DeCaro F. A., Stokes M. K. Public Participation and Institutional Fit: A Social-Psychological Perspective. *Ecology and Society*. 2013. 18 (4). P. 40.
19. Fischer F. Citizens, Experts, and the Environment. *The Politics of Local Knowledge*. Durham : Duke University Press, 2000.
20. Foth M., Brynskov M. Participatory action research for civic engagement. In: Gordon E., Mihailidis P. (eds.). *Civic media: Technology, design, practice*. Cambridge, MA : MIT Press, 2016.
21. Ganuza E., Baiocchi G. The Power of Ambiguity: How Participatory Budgeting Travels the Globe. *Journal of Public Deliberation*. 2012. 8 (2). P. 1–12.
22. Goodhart M., Fung A., Gauri V. *Democratic Imperatives: Innovations in Rights, Participation, and Economic Citizenship*. Washington, DC : American Political Science Association, 2012.
23. Innes J. E., Booher D. E. (). *Reframing public participation: Strategies for the 21st century*. Planning Theory & Practice. 2004. 5. (4). P. 419–436.
24. Kübler D., Rochat P. E., Woo S. Y., van der Heiden N. Strengthen governability rather than deepen democracy: why local governments introduce participatory governance. *International Review of Administrative Sciences*. 2019.

25. Kwaja A. I. Can good projects succeed in bad communities? *Journal of Public Economics*. 2009. 93 (7–8). P. 899–916.
26. Mahadevia D. Institutionalising spaces for negotiations for the urban poor: New vocabulary for urban planning. *Inclusive Urban Planning: State of the Urban Poor Report 2013*. New Delhi : Oxford University Press, 2014.

About the author:

Dariya O. Kutsenko, Graduate Student the Chair of State and Municipal administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); dkutsenko-17-01@edu.ru

Рецензия на монографию «Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана»

Задорожная Г. В.

**Review of the Monograph «Methodological Foundations
for Strategizing the Social-Economic Development of Uzbekistan»**

Galina V. Zadorozhnaya

Мирзиёева С. Ш. Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана : монография. — СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. — 184 с. — (Серия «Библиотека стратега»).

ISBN 978-5-89781-672-9

РЕФЕРАТ

Представлена рецензия на монографию «Методологические основы стратегирования социально-экономического развития Узбекистана», в которой на примере Узбекистана проведено полноценное исследование теории и практики стратегирования, а также обоснована целесообразность применения методологии стратегирования академика В.Л. Квинта при разработке долгосрочных национальных стратегий, ориентированных на социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: стратегирование, национальная стратегия, социально-экономическое развитие, исследование, методологический подход

ABSTRACT

Monograph review submitted "Methodological foundations for strategizing of socio-economic development of Uzbekistan", in which, based on the example of Uzbekistan, a full-fledged study of the theory and practice of strategizing is carried out, and the expediency of applying the methodology of strategizing of academician V. L. Kvint in the development of long-term national strategies aimed at socio-economic development.

Keywords: strategizing, national strategy, social-economic development, research, methodological approach

По итогам 2019 г. один из самых авторитетных журналов — британский журнал *The Economist* признал Республику Узбекистан страной года, государством, где реформы с 2017 г. осуществляются наиболее быстрыми темпами.

Трансформация экономических отношений, изменение социально-демографической и экологической ситуации, повышающаяся значимость взаимодействия государственных органов власти вызывают необходимость более углубленного изучения процессов, происходящих в республике. Национальные интересы Узбекистана требуют дальнейшего со-

вершенствования экономики и управления, создания достойных условий для жизни населения.

В этой связи особую важность приобретают вопросы совершенствования национальных стратегий, ориентированных на развитие через решение основных экономических и социальных проблем, определения четких приоритетов и механизмов их реализации в стратегиях и программах развития республики Узбекистан.

Это подтверждает актуальность монографии С. Ш. Мирзиёевой для дальнейшего продолжения широкомасштабной работы по обеспечению реализации выдвигаемых инициатив, проводимых преобразований, нацеленных на формирование нового Узбекистана, или, как указано в монографии: «...подтверждает особую востребованность системных исследований, направленных на формирование обоснованных подходов к разработке и реализации национальных стратегий с использованием современного арсенала одной из быстро развивающихся областей экономических знаний — теории и практики стратегирования».

Приведенные в монографии методологические подходы разработки национальных стратегий социально-экономического развития на долгосрочную перспективу опираются на разработанную академиком В. Л. Квинтом методологию стратегирования, включающую взаимосвязь и выявление ценностей и интересов объектов стратегирования, которые позволяют сформулировать обоснованные приоритеты развития, определение конкурентных преимуществ, а также этапы разработки стратегии и ее реализации в любой сфере деятельности.

Ввиду направленности исследований на научно-методологическое обеспечение процесса социально-экономического развития Узбекистана автором проведен детальный анализ отечественного опыта по формированию и реализации стратегий социально-экономического развития. В результате которого было отмечено, что в Республике Узбекистан имеется «определенный опыт разработки и реализации документов кратко-, средне- и долгосрочного планирования на основе стратегических подходов как на национальном, так и на региональном уровнях, при этом подчеркнуто, что «из-за отсутствия обоснованной единой методологии при формировании различных стратегий и концепций, долгосрочных планов и программ имеет место подмена стратегических подходов к планированию сложившимися шаблонными методами планирования, что оборачивается выхолащиванием смысла таких документов».

В монографии обосновано «...вступление на путь перехода от системы краткосрочного годового планирования, в комбинации со среднесрочными отраслевыми и территориальными программами, к системе стратегирования социально-экономического развития всей страны в целом».

Проведенный сравнительный анализ и исследование стратегирования в странах с развитыми и формирующимися рынками позволили автору выявить ряд лучших практик и уроков по дальнейшему продвижению стратегических подходов к реализации долгосрочных целей и задач социально-экономического развития в условиях Узбекистана.

Автор справедливо считает, что «еще одна существенная особенность продвигаемого методологического подхода, возможность использования которого в процессе стратегирования социально-экономического развития Узбекистана обособляется в настоящей работе, заключается в этапности формирования искомого стратегического документа, предусматривающей последовательную разработку таких составляющих стратегии, как миссия, видение, целеполагание, определение задач, стратегических сценариев и стратегических планов».

Отдельно стоит отметить, что предложенные идеи и аналитические материалы сопровождаются наглядной графической интерпретацией и актуальной статистической информацией.

Информативная насыщенность и актуальность исследований, безусловно, предопределяют научно-практическую значимость данной монографии для завершения процесса формирования целостной нормативно-правовой основы, регулирующей вопросы стратегирования социально-экономического развития Республики Узбекистан, что, в свою очередь, будет работать на формирование более развитой экономики страны, открытой для инвестиций и внедрения новых технологий, обеспечивающей повышение качества жизни и здоровья всего населения.

К числу достоинств и особенностей монографии можно отнести методологический подход, ориентированный на практическое применение, изменение модели мышления. С. Ш. Мирзиёева предлагает при разработке стратегий мыслить другими категориями: более масштабно, учитывая, как указано в монографии, «...выявление и системное отслеживание доминирующих и созревающих трендов и закономерностей различного масштаба...».

Монография, содержащая базовые знания теории и методологии стратегирования, будет полезна для сотрудников органов государственной власти всех уровней, участвующих в реформировании управления, модернизации отраслей экономики и обновления общества с учетом имеющегося потенциала республики, как основы для определения долгосрочного социально-экономического развития современного Узбекистана.

Публикация монографии в авторитетном издательско-полиграфическом центре СЗИУ РАНХиГС позволит расширить международную аудиторию читателей, поскольку с исследованием смогут ознакомиться не только отечественные специалисты и профессионалы-практики, но и российские и иностранные студенты, магистры, аспиранты Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, решившие связать свою будущую профессию с развивающейся наукой — стратегированием.

Об авторе:

Задорожная Галина Викторовна, кандидат экономических наук, Заслуженный экономист РФ (Москва, Российская Федерация); zgv2019@yahoo.com

About the author:

Galina V. Zadorozhnaya, PhD in Economics, Honored economist of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); zgv2019 @ yahoo.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2020. № 8(110)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.08.2020.

Подписано к печати 15.08.2020.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 16,77. Тираж 200 экз.

Заказ № 8/20.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97